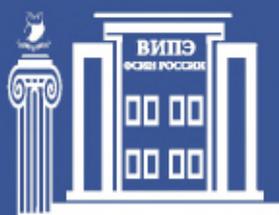

ISSN 2686-9764

Том 13, № 4
2019

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

scientific and practical journal

of the Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service

Volume 13, № 4
2019

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN 2686-9764

Том 13, № 4
2019

научно - практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под названием
«Вестник института:
преступление, наказание,
исправление»

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Журнал

зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологи-
й и массовых коммуника-
ций. Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019
ISSN 2686-9764

Журнал размещается
в следующих реферативных
и полнотекстовых базах
данных: Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»

Все права защищены.
Перепечатка материалов
только с разрешения редак-
ции журнала. Авторские
материалы рецензируются
и не возвращаются.
Редакция сохраняет
за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения
рукописи

Высказанные в статьях
мнения и суждения могут
не совпадать с точкой зре-
ния редакции. Ответствен-
ность за подбор и изложение
материалов несут авторы
публикаций

Адрес редакции:

160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:

160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:

160010, г. Вологда,
ул. Кубинская, д. 16, кв. 74

Телефоны:

(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:

vestnik-vipefsin@mail.ru

Подписной индекс 41253
по Объединенному каталогу
«Пресса России»
Розничная цена:
230 руб. за 1 экз.

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
19.12.2019

Формат 60x90/8. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 17.
Заказ № 7429. Тираж 1000 экз.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Караваева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридиче-
ских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Заугорова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педа-
гогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного уни-
верситета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Фе-
дерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естествен-
ных наук;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения),
доктор, профессор криминологии;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного
психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного уни-
верситета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской
Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болга-
рия), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного универси-
тета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор
юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерева Л. А. – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Россий-
ского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления
МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Пе-
тровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юри-
дических наук, доцент;

Зубков В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного
правоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, про-
фессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминологии Московского государственного юридического универ-
ситета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской
Федерации;

Ковтуненко Л. В. – доцент кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института
ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД Рос-
сии, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического универ-
ситета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Мальшев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психо-
логических наук;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юри-
дических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педаго-
гических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государствен-
ного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор
юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридиче-
ских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Санташов А. Л. – доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических
наук, доцент;

Сочинко Д. В. – профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктор психологических наук,
профессор;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного
юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административно-правовых дис-
циплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Хатуаева В. В. – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского
государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Шаталов А. С. – профессор департамента дисциплин публичного права Национального исследовательского уни-
верситета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN 2686-9764 scientific and practical journal
Volume 13, № 4 of the Vologda Institute of Law and Economics
2019 of the Federal Penal Service

Published since 2007,
until August 2019
issued under the title
«Bulletin of the Institute:
crime, punishment,
correction»

It comes out four times a year

Founder:

VILE FPS of Russia
Journal is registered
in the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media

Certificate of registration
of mass media
PI No. FS77-76598
from 15.08.2019
ISSN 2686-9764

The journal is in the
following abstract and full-
text databases: Russian
Science Citation Index
(RSCI), Scientific Electronic
Library «CyberLeninka»

All rights reserved.

Reprint of materials only
with the permission of the
publisher. Copyrighted
materials are reviewed
and do not returned.

The editor reserves the right
to make reductions
and editorial changes
to the manuscript

Opinions and judgments
expressed in articles may
not coincide with the
point of view of the editor.

Responsibility for the
selection and presentation
of materials is on the
authors of publications

Editor address:
160002, Vologda,
ul. Shchetinina, 2

Publisher address:
160002, Vologda,
ul. Shchetinina, 2
Printing address:
160010, Vologda,
ul. Cubinskaya,
d. 16, apt. 74

Phones:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Subscription index 41253
in the unified catalog
«Press of Russia»
Retail price:
230 rub for 1 copy

© VILE FPS of Russia

Release date: 19.12.2019
Format 60x90/8
Offset printing.
Conv. oven p. 17.
Order No. 7429.
Circulation 1000 copies

EDITOR-IN-CHIEF:

Kharkovsky E. L. – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law, Associate Professor.

EXECUTIVE SECRETARY:

Karavaeva Yu. I. – Scientific Secretary of the Scientific Council of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Sociology.

EDITORIAL COUNCIL:

Belyaeva L. I. – Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Zautorova E. V. – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor;

Kruglikov L. L. – Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Yaroslavl State after P. G. Demidov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy Of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;

Mesko G. – Professor of the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Pozdnyakov V. M. – Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Dsc. in Psychology, Professor;

Seliverstov V. I. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow State M. V. Lomonosov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Stoyanov V. – Deputy Rector for Academic Affairs of the Varna Free University «Chernorizets Hrabar» (Bulgaria), Dsc. in Psychology;

Chukmaitov D. S. – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of Zhetysu State I. Zhansugurov University (Republic of Kazakhstan), Doctor of Law, Professor;

Shabanov V. B. – Head of the Department of Criminology of the Law Faculty of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor.

EDITORIAL TEAM:

Bukalerova L. A. – Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia (part-time work), Dsc. in Law, Professor;

Gavrilov B. Ya. – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Goldov P. V. – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

Zubkova V. I. – Senior Researcher of the Laboratory for Social Studies and Comparative Law of the Moscow M. V. Lomonosov State University, Dsc. in Law, Professor;

Ishchenko E. P. – Head of the Department of Criminology of the Moscow State O.E. Kutafin Law University (Moscow State Law Academy), Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Kozayev N. Sh. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Kovtunen L. V. – Associate Professor of the Department of Penal and Criminal Law of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor;

Kozachenko I. Y. – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Kuzminykh A. L. – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor;

Malyshev K. B. – Professor of the Department of Sociology of the Vologda State University, Dsc. in Psychology, Associate Professor;

Nagornyykh R. V. – Professor of the Department of Administrative Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Panova O. B. – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor;

Panteleeva N. V. – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Mogilev State A. A. Kuleshov University (Republic of Belarus), PhD in Law, Associate Professor;

Ponikarov V. A. – Professor of the Department of Administrative and Financial Law, of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Romashov R. A. – Professor of the Department of State Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Santashov A. L. – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Sochivko D. V. – Professor of the Department of General Psychology of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Psychology, Professor;

Starostin S. A. – Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Moscow State Law O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), Professor of the Department of Administrative Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

Hatuaeva V. V. – Head of the Department of Criminal Procedure of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Dsc. in Law, Associate Professor;

Shatalov A. S. – Professor of the Department of Public Law Disciplines of the National Research University "Higher School of Economics", Dsc. in Law, Professor.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	454
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	456
ОБОТУРОВА Н. С. Идея справедливости в философском понимании права: история и современные контексты	456
АНТОНЯН Ю. М. Что такое преступность	461
КРУГЛИКОВ Л. Л., САНТАШОВ А. Л. Теоретико-прикладные проблемы индивидуализации ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве	468
ГАЙКОВИЧ С. Л. Изменение условий отбывания лишения свободы в законодательстве Республики Беларусь: исторический аспект	476
ДВОРЯНСКОВ И. В., ФИРСОВА А. П. Вопросы дифференциации в механизме уголовно-правового воздействия: постановка проблемы	483
КРЮКОВА О. Ю. Ретроспективный анализ понятий «преступление» и «субъект преступления»	491
ДВОРЕЦКИЙ М. Ю., АНАПОЛЬСКАЯ А. И. Смертная казнь: за и против	497
ЗВОНОВ А. В., ГОЛУБЕВ Ю. В. Институт уголовного наказания в условиях введения военного положения: к вопросу о правоограничениях	503
МЕЛЬНИКОВА Н. А., СИЗОВ Д. О. Ограничение избирательных прав осужденных как проявление политического абсентеизма в России	507
АГАСИЕВ Э. Г. К вопросу о криминализации preparatory actions в уголовном законодательстве зарубежных стран (компаративистский анализ)	513
НЕКРАСОВ В. Н. Религиозные нормы как основа для дифференциации уголовной ответственности: на примере норм о преступлениях в области инновационной деятельности	518
ВАЛЕЕВ А. Т., БЕЛОВ О. А., СОФИЙЧУК Н. В. Стадия возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: назначение и основания производства	523
КУЗЬМИНЫХ А. Л. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью в Вологодской области в 1985–1991 гг.	530
КУХТИН А. А., ХАРИУШИН Д. В., ОДИНЦОВ А. И. Правовое регулирование подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по образовательным программам высшего образования	537
МОРОЗОВ Р. М., ОСТАПЕНКО В. Н. Особенности преодоления противодействия, осуществляемого подозреваемыми (обвиняемыми) на первоначальном этапе расследования дистанционных мошенничеств, совершенных в пенитенциарных учреждениях	543
ПОНИКАРОВ С. В. Классификация нормативных актов, регулирующих правоохранительную деятельность подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний	552
НАГОРНЫХ Р. В. Административно-правовые средства регулирования государственной службы в правоохранительной сфере	558
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	563
ЛАПШИН В. Е., ВИНАРЧИК Е. А. Особенности проявления толерантности у занятых в различных сферах профессиональной деятельности сотрудников федеральных служб, подведомственных Министерству юстиции Российской Федерации	563
МАРИШИН С. В. К вопросу об особенностях эмоциональных состояний лиц, находящихся под следствием	569
ПОНКРАТОВА В. С. Исследование особенностей личности осужденных, отбывающих наказание за корыстные и насильственные преступления	575
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	581
ЗАУТОРОВА Э. В. Особенности воспитательной работы с неоднократно судимыми осужденными конфликтного поведения	581
КОВТУНЕНКО Л. В., ТРУБЧАНИНОВ М. Б. Профессиональная социализация сотрудника ФСИН России как научно-педагогическая проблема	586
НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ	591
БЕЛЯЕВА Л. И. Отзыв официального оппонента на диссертацию А. Л. Санташова на тему «Теоретические основы дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»	591
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	599
CHIEF EDITOR'S NOTE	454
JURISPRUDENCE	456
OBOTUROVA N. S. The idea of justice in the philosophical understanding of law: history and modern contexts	456
ANTONYAN YU. M. What is crime	461
KRUGLIKOV L. L., SANTASHOV A. L. Theoretical and applied problems of individualization of responsibility in criminal and criminal executive law	468
GAYKOVICH S. L. Changing the conditions of serving imprisonment in the legislation of the Republic of Belarus: historical aspect	476
DVORYANSKOV I. V., FIRSOVA A. P. Differentiation issues in the mechanism of criminal law influence: statement of the problem	483
KRYUKOVA O. YU. Retrospective analysis of the concepts of crime and the subject of crime	491
DVORETSKY M. YU., ANAPOLSKAYA A. I. Death penalty: for and cons	497
ZVONOV A. V., GOLUBEV YU. V. Institute of criminal penalties under martial law: on the issue of legal restrictions	503
MELNIKOVA N. A., SIZOV D. O. Restriction of the suffrage of convicts as a manifestation of political absenteeism in Russia	507
AGASIEV E. G. On the issue of criminalization of preparatory actions in the criminal legislation of foreign countries (comparative analysis)	513
NEKRASOV V. N. Religious norms as a basis for differentiating criminal responsibility: the example of norms on crimes in the field of innovation	518
VALEEV A. T., BELOV O. A., SOFIYCHUK N. V. Stage of resumption of criminal proceedings of new and newly discovered circumstances: appointment and grounds of proceedings	523
KUZMINYKH A. L. Law enforcement agencies to combat crime in the Vologda region in 1985–1991 years	530
KUKHTIN A. A., KHARYUSHIN D. V., ODINTSOV A. I. Legal regulation of personnel training for penal system of the Russian Federation on educational programs of higher education	537
MOROZOV R. M., OSTAPENKO V. N. Features of overcoming the opposition carried out by suspects (accused) at the initial stage of the investigation of distance fraud committed in prisons	543
PONIKAROV S. V. Classification of normative acts regulating the law enforcement activities of special units of institutions and agencies performing functions in the field of criminal penalties	552
NAGORNYKH R. V. Administrative and legal means of regulation of public service in law enforcement	558
PSYCHOLOGY	563
LAPSHIN V. E., VINARCHIK E. A. Features of manifestation of tolerance of employees in various areas of professional in federal services subordinate Ministry of Justice of the Russian Federation	563
MARISHIN S. V. Features of emotional states of the persons under investigation	569
PONKRATOVA V. S. The study of personality traits of convicts serving sentences for mercenary and violent crimes	575
PEDAGOGY	581
ZAUTOUROVA E. V. Features of educational work with repeatedly convicted convicts of conflict behavior	581
KOVTUNENKO L. V., TRUBCHANINOV M. B. Professional socialization of an employee of the Federal Penitentiary Service of Russia as a scientific and pedagogical problem	586
SCIENTIFIC REVIEWS	591
BELYAEVA L. I. The review of the official opponent on the dissertation of A. L. Santashov «Theoretical Foundations of Differentiation and Individualization of the Responsibility of Juveniles in Criminal and Penal Law», submitted for the degree of Dsc. in Law in specialty 12.00.08 «Criminal Law and Criminology; Penal Law»	591
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	599

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уголовно-исполнительная система Российской Федерации находится в центре внимания органов государственной власти, институтов гражданского общества, средств массовой информации и научного сообщества, что обусловлено необходимостью поддержания тенденции ее развития в соответствии с международными стандартами обращения с заключенными, положениями международных договоров Российской Федерации и федеральных законов. Все это было бы невозможно без проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, широкого освещения в печати деятельности учреждений и органов ФСИН России.

Часть существующих в обозначенной сфере проблем может быть решена или, по крайней мере, актуализирована посредством передачи передового научного и практического опыта, его публичного обсуждения и апробации на страницах издаваемого с 2007 г. Вологодским институтом права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний научно-практического журнала «Пенитенциарная наука» (до августа 2019 г. – «Вестник института: преступление, наказание исправление»).

Появление журнала стало реализованной инициативой его первого главного редактора В. В. Попова. Благодаря усилиям Виктора Владимировича, а также всего коллектива ВИПЭ ФСИН России, ведущих докторов и кандидатов наук, авторов и рецензентов, которые с энтузиазмом воплотили в жизнь идею по созданию научной площадки для обсуждения концептуальных научных тем, в 2010 г. журнал был включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, а затем вошел в число специализированных научных периодических изданий, будучи ориентированным на изучение проблем функционирования и развития уголовно-исполнительной системы. Таким образом, у научного сообщества появилась возможность комплексного обсуждения актуальных проблем пенитенциарной науки и практики с учетом их правовых, психологических и педагогических аспектов, а также экспертной оценки результатов научных исследований.

В настоящее время, учитывая сложность и социальную значимость задач, решаемых уголовно-исполнительной системой и другими правоохранительными органами, на страницах «Пенитенциарной науки» обобщаются научные достижения авторских коллективов и отдельных ученых – представителей образовательных и научных организаций Российской Федерации и зарубежных стран, определяются тенденции и закономерности в решении проблем функционирования системы исполнения наказаний и правоохранительной деятельности.

Журнал обеспечивает консолидированную научную связь и поддержку исследователей из различных регионов России в ходе проведения ими научных изысканий и внедрения в практику решений, обусловленных актуальными проблемами уголовной ответственности, исполнения наказаний, предупреждения преступлений, юридической психологии и педагогики, развития уголовно-исполнительной системы и правоохранительных органов. Этим во многом была предопределена рубрикация издания: «Юридические науки», «Психологические науки», «Педагогические науки». Публикуемые материалы исследований по указанным отраслям научного знания имеют общую направленность и обеспечивают комплексное освещение проблем совершенствования системы исполнения наказаний и правоохранительных органов в целом.

Развитие печатного издания неизменно идет по пути повышения качества публикуемых научных материалов, что обеспечивается еще на стадии их отбора об-

стоятельным рецензированием с привлечением признанных экспертов в соответствующих отраслях науки. В 2019 г. состав редакционного совета и редакционной коллегии научно-практического журнала «Пенитенциарная наука» пополнили ученые с мировым именем: Валери Стоянов (проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор), Дулат Сламбекович Чукмаитов (профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор), Горазд Мешко (профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии).

Цифровизация, ставшая элементом государственной политики Российской Федерации, требует, особенно от издателя, кардинального пересмотра системы информирования научной общественности и представителей пенитенциарной практики о результатах их деятельности и ее эффективности, обеспечения научных исследований актуальной справочной и библиографической информацией. В этой связи статьи авторов «Пенитенциарной науки» размещаются в национальной информационно-аналитической системе «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), научной электронной библиотеке КиберЛенинка, построенной на концепции открытой науки (OpenScience), и индексируются в поисковой системе GoogleScholar, которая включает данные из большинства рецензируемых онлайн-журналов крупнейших научных издательств. С целью постоянной и действенной идентификации и совместимого обмена управляемой информацией в цифровых сетях с 2019 г. статьям, публикуемым в журнале, присваивается цифровой идентификатор объекта (DOI).

Расширение читательской аудитории научно-практического журнала «Пенитенциарная наука» в текущем году стало возможным благодаря наличию собственной интернет-страницы издания <http://jurnauka-vipe.ru>, содержащей, помимо полного архива и текущего выпуска, сведения о редакционной политике, редакционном совете и редакционной коллегии журнала, требования к оформлению статей, перечень этических норм и другую важную информацию от учредителя. Возможность создания личного кабинета автора на указанной интернет-странице позволит оперативно направить свою статью издателю, обсудить с ним вопросы, касающиеся публикации рукописи.

Редакция журнала нацелена на публикацию результатов оригинальных, творческих, актуальных, наукоемких исследований и достижений пенитенциарной практики как именитых авторов, так и начинающих ученых России и зарубежных стран. Именно поэтому публикации в научно-практическом журнале «Пенитенциарная наука» бесплатные, а основными задачами издателя являются обеспечение авторам благоприятных условий размещения результатов своей научной деятельности и организация максимально открытого доступа к ним читателей.

Развитие журнала «Пенитенциарная наука» видится в повышении качества научных публикаций, которые со временем станут одним из основных средств формирования репутации ученого, определения его места в науке Российской Федерации и мировой науке в целом.

***Е. Л. Харьковский**, начальник ВИПЭ ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент*

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10001
УДК 340.114

Идея справедливости в философском понимании права: история и современные контексты

Н. С. ОБОТУРОВА – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент

Реферат

В статье проанализированы ключевые идейные основы, выражающие сущность и смысл права, показано, что базовые правовые идеи играют прогностическую и конструирующую роли в правовой теории и практике.

На основе применения методологии истории идей обосновано, что инвариантами, базовыми сквозными единицами, определившими развитие большинства теоретико-правовых концепций и правовых систем, являются идеи свободы, справедливости и равенства. В статье показано, что особое место в истории и философии права принадлежит идее справедливости, относительно смысла и содержания которой каждая эпоха выработала свои собственные способы рассуждений и умозаключений. Автор анализирует классические концепции справедливости, разработанные Платоном, Аристотелем, Гегелем, показывает, как их идеи преломлялись, переформатировались, «аранжировались» в основных философско-правовых традициях, социально-политической практике и современных человекоцентристских и системцентристских подходах. Особое внимание в статье уделено выяснению соотношения справедливости и права, равенства и справедливости в историческом и современном контекстах. Автор считает, что современное философско-правовое понимание справедливости невозможно без ее взаимосвязи с правами человека. При этом права человека необходимо рассматривать как феномен, имеющий не только юридические, но и нравственные, социокультурные характеристики и выражающий общие условия, при которых в правовом сознании и деятельности может быть реализована идея справедливости.

Ключевые слова: право; правовая культура; правовая политика; философия права; сущность права; правовые идеи; идея справедливости; свобода; равенство; справедливость; права человека; человеческое достоинство; государство.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

The idea of justice in the philosophical understanding of law: history and modern contexts

N. S. OBOTUROVA – Professor of the Department of Philosophy and History of the Psychological Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Philosophy, Associate Professor

Abstract

The article analyzes the key ideological foundations expressing the essence and meaning of law; it is shown that basic legal ideas play predictive and constructive roles in the legal theory and practice. Based on the application of the methodology of the

history of ideas, it is proved that the invariants, basic cross-cutting units that determine the development of most theoretical and legal concepts and legal systems are the ideas of freedom, justice and equality. The article shows that a special place in the history and philosophy of law belongs to the idea of justice, with respect to the meaning and content of which each era has developed its own methods of reasoning and inference. The author analyzes the classical concepts of justice developed by Plato, Aristotle, Hegel, shows how their ideas were refracted, reformatted, "arranged" in the main philosophical and legal traditions, socio-political practice and modern human-centered and system-centered approaches. Particular attention is paid to clarifying the relationship between justice and law, equality and justice in historical and modern contexts. The author believes that a modern philosophical and legal understanding of justice is impossible without its relationship with human rights. Moreover human rights must be considered as a phenomenon that has not only legal, but also moral, sociocultural characteristics and expresses general conditions under which the idea of justice can be realized in the legal consciousness and activity.

Key words: law; legal culture; legal policy; philosophy of law; essence of law; legal ideas; idea of justice; liberty; equality; justice; human rights; human dignity; state.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of studies of law and state

Анализ ключевых идейных основ, выражающих сущность и смысл права, его ценность для людей и общества, имеет принципиально важное значение для правопонимания, юридической практики, формирования правовой политики государства и правовой культуры общества. Базовые правовые идеи играют прогностическую и конструирующую роли, освоенные широкими массами, они превращаются в огромную пассионарную силу и способны реально трансформировать культуру и общество [6]. Вся история права представляет собой воплощение в жизнь этих идей, их «озвучивают политики, реализуют массы людей, внося свои элементы творчества, но "вначале было слово", несущее некую идею» [3, с. 26]. При этом в процессе трансляции идеи не сохраняются в первоизданном виде, а модифицируются, адаптируются к состоянию новой социально-культурной среды. Ранее выработанные идеи переформулируются в новых контекстах, и в этом процессе проявляются их новые характеристики.

Базовые правовые идеи составляют основу общего здания всех философско-правовых доктрин, которые только на первый взгляд представляют собой нечто гетерогенное, сложенное из различных нестабильных элементов. Однако одним из результатов поиска идей-единиц в таких смесях, с точки зрения А. Лавджоя, является понимание того, что «большинство философских систем оригинальны и отличны от других не столько своими элементами, сколько их сочетаниями» [3, с. 26], число же действительно оригинальных идей, или «диалектических ходов», весьма ограничено, а кажущаяся новизна многих систем достигается за счет «новых сфер их приложения и новой аранжировки составляющих их элементов» [3,

с. 26], и каждая эпоха вырабатывала свои собственные «способы рассуждений и умозаключений по одним и тем же проблемам» [3, с. 9].

Все системы права историчны, они возникали в условиях определенной социокультурной среды, выражали ее потребности и оказывали на нее активное обратное воздействие. Но в этом процессе исторического развития сформировалось «инвариантное ядро права – его фундаментальные принципы и идеалы» [10, с. 13]. Такими инвариантами, базовыми сквозными единицами, определяющими развитие большинства теоретико-правовых концепций и правовых систем, явились идеи свободы, справедливости и равенства. Они прошли через всю историю права, конкретизируясь в соответствующих понятиях, и, не утратив в силу своей универсальности значения и по сей день, входят в качестве оснований в современные правовые теории, определяют юридическую практику. При этом каждая базовая правовая идея нуждается в дальнейшей разработке в современной российской правовой теории, «состояние которой в полной мере отражает нынешний переломный этап в развитии общественного сознания, переоценивающего и переосмысливающего самые фундаментальные социальные ценности, такие как справедливость, свобода, равенство между людьми» [10, с. 22].

Одной из базовых сквозных идей – единиц права, прошедших через всю его историю, является идея справедливости. Проблема справедливости на протяжении всего исторического опыта развития социума была в числе тех, «от которых человеческое общество в буквальном смысле лихорадило» [7, с. 60]. Не было ни одной эпохи, «чтобы кто-нибудь или не объявлял себя справедливым

(например, правитель данной страны), или не присутствовало требование о восстановлении справедливости со стороны какой-либо оппозиционной для правящей элиты группы» [7, с. 60]. Справедливость входит в понятие права, право по определению справедливо, а справедливость выступает внутренним свойством и качеством права. Справедливость «воплощает собой и выражает общезначимую правильность, а это в своем рационализированном виде означает всеобщую правомерность, то есть существо и начало права, смысл правового принципа всеобщего равенства и свободы» [5, с. 28]. Действовать справедливо, по мнению В. С. Нерсисянца, и означает действовать правомерно, в соответствии со всеобщими и равными требованиями права.

Универсальность и значимость идеи справедливости определило то обстоятельство, что, несмотря на различия конкретного содержания в разных философско-правовых концепциях, она сохраняла определенные инварианты. Так, уже в античной философии возникли два полюса, к которым тяготели все последующие теоретические разработки проблемы справедливости. Один был образован линией Платона, которая «отстаивала в проблеме справедливости приоритет общего над частным и стремилась к радикальному переустройству общества на началах равенства и справедливости» [7, с. 61]. Справедливость связывалась с разумным устройством общественной жизни как способом превращения природного, биологического индивида в нравственную, добродетельную личность. Так, Платон утверждал, что люди должны установить законы и жить по ним, в противном случае они ничем не будут отличаться от диких животных. При этом искусство государственного управления Платон видел в признании приоритета общих интересов над частными, ибо общность связует, в то время как частные интересы разрывают государство, поэтому для общего и для частного полезно, чтобы общее было устроено лучше, чем частное.

С точки зрения Платона, «справедливо все, делающееся должным образом и вовремя, то же, что не делается должным образом, несправедливо» [8, с. 363]. Справедливость состоит в том, чтобы каждый член государства занимался своим делом и не вмешивался в чужие дела, для чего требуется соответствующая иерархическая соподчиненность частей во благо целого. Справедливость предполагает и надлежащую меру, то есть определенное равенство,

в котором Платон различает равенство по достоинству и добродетелям (геометрическое равенство) и равенство меры, веса и числа (арифметическое равенство). Такое различие необходимо, ибо «для неравных равное стало бы неравным, если бы не соблюдалась надлежащая мера» [9, с. 231]. Самым истинным и лучшим является геометрическое равенство, так как «большему оно уделяет больше, меньшему – меньше, каждому даря то, что соразмерно его природе» [9, с. 231]. Таким образом, Платоном была поставлена классическая проблема соотношения равенства и справедливости, ставшая особенно популярной в эпоху Нового времени и Просвещения и диалектически решенная Гегелем, с точки зрения которого справедливость есть особая форма диалектического противоречия, так как, с одной стороны, она является равенством в своем первичном, изначальном основании, но при этом в своих конкретных формах чаще всего бывает неравенством. Так, например, анализируя право собственности, Гегель подчеркивает, что «утверждение, будто справедливость требует, чтобы собственность каждого была равна собственности другого, ложно, ибо справедливость требует лишь того, чтобы каждый человек имел собственность» [2, с. 108]. Современные мыслители продолжают гегелевскую традицию, утверждая, что «справедливость есть одновременно и равенство, и неравенство, и именно их правильная комбинация в итоге и дает справедливость» [7, с. 61].

Важнейшим моментом понимания Платоном справедливости является отождествление им законного и справедливого. Идеальное государство и справедливые, разумные законы являются, по Платону, воплощением мира идей в политико-правовой жизни, поэтому «все, относящееся к государственному устройству, постоянно совпадает со справедливостью» [9, с. 231]. Гарантией же справедливости общества и государства считалась индивидуальная добродетель, справедливая личность, основная черта которой состояла в следовании долгу, выполнении нравственных обязанностей независимо от личных склонностей, выгод, пристрастий. Наиболее известными сторонниками платоновского понимания справедливости стали в последующие эпохи Томас Мор, Томмазо Кампанелла, Карл Маркс, а идеи этих мыслителей, с точки зрения А. М. Орехова, «нашли свое отражение в практике так называемого “реального социализма” – в виде советской,

китайской, югославской и иных моделей» [7, с. 61]. Сегодня проблема соотношения справедливости и права также не утратила своей актуальности, и если в современном западном сознании «выполнение принятой системы правовых норм понимается как соответствие принципам справедливости» [10, с. 16], то с российским менталитетом все гораздо сложнее: на уровне обыденного сознания зачастую справедливость и право противопоставляются, что, естественно, затрудняет построение правового общества.

Не менее значимой для современного российского общества является и платоновская идея сильной государственной власти, способной обеспечить соединение права с идеалами справедливости. Идеал сильного государства, с одной стороны, соответствует ценностным приоритетам российской культурной традиции, зафиксировавшей роль сильной власти в обеспечении целостности многонациональной и многоконфессиональной страны, с другой стороны, эта же традиция использовалась для обоснования и оправдания авторитарных и тоталитарных режимов, что в итоге породило двойственное отношение к данной идее, отразившееся в противоречии признающего ее консерватизма и либерализма, утверждающего несовместимость правового общества с российским идеалом сильной власти. Поэтому важнейшая проблема современного правопонимания, по мнению В. С. Степина, «состоит в том, чтобы, не отбрасывая идею сильного государства, соединить ее с идеалами демократии, верховенства закона и правового равенства» [10, с. 6].

Другое направление исследования справедливости было задано линией Аристотеля, исходившего из приоритета прав личности на справедливость над правами общества и государства. Рассуждая о справедливости, Аристотель указывает на то, что «понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее критерием справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [1, с. 467]. Необходимым аспектом справедливости у Аристотеля выступает равномерность, и справедливость означает законное и равномерное, а несправедливость – противозаконное и неравномерное отношение к людям. Анализируя справедливость как равномерность, он различает две основные формы ее проявления: распределяющую и уравнивающую. Распределяющая справедливость представляет собой распределение благ и тягот, обязанностей с учетом «до-

стоинства лиц», мерило которого для разных людей различно: для граждан полиса это свобода, для олигархов – богатство, аристократы видят его в добродетели. С точки зрения самого Аристотеля, справедливым по достоинству лиц является распределение в зависимости от их вклада в общее дело, воздаяние равным, которое «имеет в виду пропорциональность, но не равенство, ибо общество держится тем, что каждому воздается пропорционально его деятельности» [1, с. 463]. Уравнивающая справедливость – такое распределение благ и зол в обществе, которое осуществляется без учета достоинства лиц, и здесь не имеет значения, лишний ли порядочный человек дурного чего бы то ни было, или для закона важно лишь различие ущерба, а с лицами он обходится как с равными во всем.

Тема человеческого достоинства, проблематизированная Аристотелем, стала ключевой для всей последующей истории развития не только западно-европейской, но и русской философии права, которая, по справедливому утверждению С. Л. Чижкова, «во главу угла ставила идею человеческого достоинства и фактически вокруг этой идеи возводила свои правовые построения» [10, с. 30]. Всей русской традиции философии права созвучна мысль Ю. Хабермаса, который «говоря о концепте человеческого достоинства, видит в нем не только мост, соединяющий философию и право, но видит в развитии философией идеи человеческого достоинства, содержательного ее наполнения, главный источник развития права как такового» [10, с. 30]. Сегодня философско-правовая дискуссия по поводу содержания и значения таких фундаментальных философских категорий, как достоинство личности, справедливость, равенство, не только не утратила своего значения, но и приобрела новые контексты. Так, Н. С. Бондарь считает, что эти категории одновременно являются неким метаправовым оценочным судебным инструментарием, «требования охраны достоинства личности, обеспечения справедливости и равенства имеют универсальное содержание, которое проявляется в различных нормативных правовых формах: они выступают и как институты правового положения человека и гражданина, и как принципы социального правового государства, и, более того, как политико-правовые основы гражданского общества» [10, с. 18].

Философия справедливости, обоснованная Аристотелем, в последующие эпохи нашла свое теоретическое продолжение

и развитие в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Канта, А. Смита, Г. В. Ф. Гегеля и воплотилась в социальной практике буржуазных государств.

В политико-правовом контексте две философские традиции понимания справедливости легли в основу системоцентристского и человекоцентристского типов политико-правовой культуры, по-разному трактующих основополагающее для общественного сознания понятие общего блага. В рамках системоцентристского типа социум и общее благо в лице, в первую очередь, государства доминирует над человеком, в человекоцентристском типе, напротив, человек, его права и свободы провозглашаются высшей ценностью. В современных условиях в целом преобладает второй подход, «трактующий право как систему, основанную на общепризнанных международным сообществом принципах и нормах, за которыми по договоренности признается правовой характер, связанный с их соответствием природным правам человека» [10, с. 24]. Однако в России продолжается противоборство этих двух идеологий, которое «составляет главное идейное напряжение переживаемого страной переходного периода» [10, с. 23]. И несмотря на то, что Конституция Российской Федерации четко отразила человекоцентристскую позицию в целом ряде своих статей, реализация ее на практике сталкивается с существенными объективными и субъективными трудностями, что способствует укреплению системоцентристского подхода к праву, не признающего универсальный характер прав человека и обосновывающего «авторитарную самобытность российского права и государства тяготением общества к традициям системоцен-

тристского понимания общего блага» [10, с. 23]. Причины наблюдаемого сегодня поворота к традиционализму широко обсуждаются правоведами и философами. Так, например, В. В. Лапаева считает главной проблемой, блокирующей модернизацию общественной жизни, «нелигитимность сложившейся по итогам приватизации крупной собственности, порождающую зависимость собственников от власти и их отчуждение от общества, подавляющее творческую энергию и позитивную активность людей, порождающую у значительной части общества гнетущее чувство несправедливости происходящего» [10, с. 25]. Поэтому и решение проблемы преодоления полярности правовых идеологий видится в смысловом пространстве идеи справедливости.

Таким образом, именно идея справедливости является концептуально-смысловым основанием правовых познания и деятельности, выражающим их суть. Ее современное философско-правовое понимание невозможно вне взаимосвязи с правами человека как гарантированной законом и обеспеченной судебной защитой способности реализации в различных сферах жизнедеятельности [4, с. 19]. При этом права человека необходимо рассматривать как феномен, имеющий не только юридические, но и нравственные, социокультурные характеристики. Они являются частью всех общественных отношений, формулируют условия и способы жизнедеятельности людей, границы свободы человека, которые позволяют ему реализовать свои права, не ущемляя при этом права и интересы других людей, и выражают общие условия, при которых в правовом сознании и деятельности может быть реализована идея справедливости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология мировой философии. В 4 томах. Том 1. Философия древности и средневековья. Часть 1 / редактор-составитель В. В. Соколов. – Москва : Мысль, 1969. – 576 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1990. – 524 с. – ISBN 5-224-00384-4.
3. Лавджой, А. Великая цепь бытия: история идей / А. Лавджой. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с.
4. Нагорных, Р. В. Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Р. В. Нагорных. – Москва, 2017. – 40 с.
5. Нерсесянц, В. С. Философия права : учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. – Москва : НОРМА, 2001. – 652 с. – ISBN 5-89123-098-4.
6. Оботурова, Н. С. Идея в структуре познания и деятельности : монография / Н. С. Оботурова. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2014. – 281 с. – ISBN 978-5-94991-305-5.
7. Орехов, А. М. Справедливость как базисный принцип устройства общества: путь к очевидности / А. М. Орехов // Вопросы философии. – 2010. – № 9. – С. 60–74.
8. Платон. Диалоги / Платон. – Москва : Мысль, 1986. – 607 с.
9. Платон. Законы / Платон // Сочинения. В 3 томах. Том 3 / Платон. – Москва : Мысль, 1972. – Часть 2. – С. 83–470.
10. Право и национальные традиции: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2016. – № 12. – С. 5–41.

REFERENCES

1. Sokolov V. V. (red.) *Antologiya mirovoj filosofii. V 4 tomah. Tom 1. Filosofiya drevnosti i srednevekov'ya. CHast' 1* [Anthology of world philosophy in 4 vol. Vol. 1. The philosophy of antiquity and the Middle Ages. Part 1]. Moscow, 1969. 576 p. (In Russ.).
2. Gegel' G. V. F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, 1990. 524 p. (In Russ.).
3. Lavdzhoy A. *Velikaya cep' bytiya: istoriya idej* [The Great Chain of Being: A History of Ideas]. Moscow, 2001. 376 p. (In Russ.).
4. Nagornyy R. V. *Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii v pravoohranitel'noj sfere. Avtoref. diss. dokt. jurid. nauk* [Administrative and legal regulation of the public service of the Russian Federation in law enforcement. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Moscow, 2017. 40 p. (In Russ.).
5. Nersesyanc V. S. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, 2001. 652 p. (In Russ.).
6. Oboturova N. S. *Ideya v strukture poznaniya i deyatel'nosti* [The idea in the structure of knowledge and activity]. Vologda, 2014. 281 p. (In Russ.).
7. Orekhov A. M. *Spravedlivost' kak bazisnyj princip ustrojstva obshchestva: put' k ochevidnosti* [Justice as the basic principle of society: the path to evidence]. *Voprosy filosofii – Philosophy Issues*, 2010, no. 9, pp. 60–74. (In Russ.).
8. Platon. *Dialogi* [Dialogues]. Moscow, 1986. 607 p. (In Russ.).
9. Platon. *Zakony* [Laws]. *Sochineniya. V 3 tomah. Tom 3* [Compositions. In 3 vol. Vol. 3]. Moscow, 1972, part 2, pp. 83–470. (In Russ.).
10. *Pravo i nacional'nye tradicii : materialy «kruglogo stola»* [Law and national traditions: materials of the round table]. *Voprosy filosofii – Philosophy Issues*, 2016, no. 12, pp. 5–41. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10002

УДК 343. 9

Что такое преступность

Ю. М. АНТОНЯН – профессор кафедры уголовного права Московского государственного областного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Реферат

В статье продемонстрирован новый подход к определению понятия преступности как суммы и совокупности преступлений, составляющих преступность. В контексте рассмотрения преступности как части культуры представлен анализ криминальной субкультуры, показана ее общественная роль. Отмечены социологический и психологический подходы к изучению преступности, постоянная взаимосвязь между свободным обществом и преступностью.

Формулируется вывод о том, что понятие преступности включает в себя как преступления, так и лиц, их совершивших. Сведения о преступлениях должны включать в себя данные о характере, времени, месте, способе совершения уголовно наказуемого деяния, количестве соучастников, типе поселения (город, село и т. д.) либо транспорте, где оно имело место. Сведения о лицах должны содержать информацию о поле, возрасте, роде занятий или отсутствии их, национальной и религиозной принадлежности, уровне образования (начальное, незаконченное среднее, высшее, незаконченное высшее, среднее специальное), специальности, судимости и т. д.

Подчеркивается необходимость типологизации преступлений и преступников по самым разным основаниям: степени общественной опасности, полу, возрасту, количеству судимостей, наличию семьи и постоянного места жительства и т. д.

Ключевые слова: преступность; преступное поведение; сумма и совокупность преступлений; латентность; преступник; категоризация преступлений.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

What is crime

YU. M. ANTONYAN – Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow State Regional University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Abstract

The article demonstrates a new approach to the definition of crime as the sum and totality of crimes constituting crime. Considering crime as part of the culture an analysis of the criminal subculture is presented, its social role is shown. The sociological and psychological approaches to the study of crime, the constant relationship between a free society and crime are noted.

The conclusion is formulated that the concept of crime includes both crimes and the persons who committed them. Therefore information about the former should include data on the nature, time, place, method of committing the criminal offense, the number of accomplices, the type of settlement (city, village, etc.) or the transport where it took place. Information about persons must contain information about gender, age, occupation or lack thereof, national and religious affiliation, level of education (primary, incomplete secondary, higher, incomplete higher, secondary special), specialty, criminal record, etc.

It emphasizes the need for typology of crimes and criminals for a variety of reasons: the degree of public danger, gender, age, number of convictions, having a family and permanent residence, etc.

Key words: crime; criminal behavior; amount and totality of crimes; latency; criminal; categorization of crimes.

12.00.08 - Criminal law and criminology; penal law

Преступность представляет собой абстрактное криминологическое понятие, как многие другие обозначения массовых явлений (заболеваемости, уровня образования населения и т. д.). Она всегда складывается из отдельных видов преступности и, самое главное, отдельных преступлений, точнее, переходя на криминологический язык, она есть сумма всех фактов преступного поведения конкретных личностей. По большей части такие факты не связаны друг с другом, но связь можно обнаружить, когда второе преступление совершается ради сокрытия первого, а также при серийных уголовно наказуемых деяниях (серийных сексуальных убийствах, карманных кражах, получениях взяток и др.). Взаимовлияние имеет место между отдельными видами преступности, например рост женской преступности стимулирует рост преступности несовершеннолетних, увеличение числа хулиганов, фактов причинения вреда здоровью, побоев и истязаний может стимулировать повышение количества убийств, что было убедительно доказано С. С. Овчинским еще в 60-е гг. прошлого века. Преступность несовершеннолетних можно рассматривать как резерв профессиональной и даже организованной преступности.

Описанные связи в рамках преступности позволяют считать ее не только суммой, но и совокупностью преступлений. Вместе с тем преступность можно рассматривать и как абстрактную научную криминологическую категорию, как объект описания и объяснения суммы и совокупности случаев преступного поведения. В таком понимании данный термин широко используется не только в науке криминологии, но и в политике, публи-

цистике и т. д. При этом закон не оценивает преступность как общественно опасное явление, таковым он считает только преступление.

То, что преступность является системой, – аксиома, причем известная криминологии достаточно давно. Поэтому останавливаться на доказывании этого не следует. Новое дело – выявление новых системных связей преступности с обществом, отдельными его сферами, а также «внутри» самой преступности и построение на этой базе другой системы – профилактики преступности. В ней должно быть очень выпукло представлено предупреждение преступного поведения.

Как система преступность, по мнению некоторых ученых, в частности А. И. Долговой [2, с. 86], обладает такими свойствами, как целенаправленность и самодетерминация. Однако есть некоторые сомнения о ее целенаправленности, поскольку такое качество представляется осознанным, руководимым. Им может быть наделено преступное поведение, а не преступность как сумма и совокупность поведений. Преступность – стихийное явление, не направляемое кем-то или чем-то к определенной цели, царь тьмы ею не повелевает. Что касается самодетерминации, то, конечно, она в определенной части воспроизводит себя, но лишь в части, а в решающей степени порождается обществом и государством, социальными конфликтами и т. д., лежащими вне ее. Соответственно, и самодетерминирующиеся части также порождаются социальными причинами.

То, что преступность представляет собой общественное явление, определяется тем, что она порождается самой социальной жизнью, противоречиями в этой жизни,

социальной жизнью индивида, и бороться с ней также следует в основном социальными мерами и методами.

В преступности можно выделить несколько групп по характеру преступного поведения: насильственную, корыстную, экономическую, должностную, корыстную «бедняцкую», преступления против государственной власти, преступления против общественной безопасности и общественного порядка, «политические». Конечно, есть и другие уголовно наказуемые деяния, но перечисленные составляют подавляющее большинство, хотя некоторые из них нуждаются в пояснениях. Прежде всего нужно отметить, что вторая группа – это преступления, совершаемые в сфере экономики, финансов, в том числе с участием должностных лиц. Здесь свила себе гнездо и организованная преступность, которая иногда тесно переплетается с профессиональной преступностью, берущей свое начало из корыстной «бедняцкой». Между этими двумя видами корыстной преступности огромная разница, прежде всего в похищаемом: в первой из них ущерб оценивается в миллионах и даже миллиардах, во второй – в сотнях и тысячах. «Бедняцкой» корыстную преступность можно назвать так потому, что ей подвержены люди преимущественно из низших слоев общества – бедные, имеющие низкий уровень образования и производственной квалификации. В основном ими совершаются кражи, грабежи, хулиганства. Профессиональные преступники в большинстве своем происходят из низших социальных слоев, то есть профессиональная преступность составляет часть «бедняцкой».

Требуется еще одно пояснение в отношении группы преступлений, названных «политическими». К ним можно отнести деяния, предусмотренные гл. 29 («Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства») и гл. 34 УК РФ («Преступления против мира и безопасности человечества»). Политическими можно назвать и другие, совершенные по политическим мотивам преступления, например убийство государственного деятеля, порча земли (ст. 254 УК РФ), загрязнения вод (ст. 256 УК РФ).

Не следует преувеличивать значение организованной преступности, несмотря на то, что под ее влиянием находится теневая экономика и она стимулирует коррупцию всех уровней власти. Но не стоит и преуменьшать роль этого вида правонарушений, которые приносят ни с чем не сравнимый матери-

альный вред обществу и государству, а значит, и людям. Необходимо подчеркнуть, что основная масса преступлений совершена миллионами людей, которые не знают иных способов получения средств к существованию, кроме краж и грабежей, которых не приучили работать или они давно разучились заниматься трудом, которые просто не хотят работать за гроши, в силу полученного воспитания и культуры не знают иных способов разрешения конфликтов, кроме насилия. Невключенность в труд – одна из главных причин (если не самая главная!) слабой адаптации людей в нашей стране, особенно семейной, что влечет за собой сокращение количества коренного населения и способствует преступности несовершеннолетних.

Сколько вообще было совершено преступлений на данный период времени, не знает никто и ни в одной стране. Не учтенная статистикой преступность получила название латентной. Это происходит вследствие халатности правоохранительных органов, прежде всего полиции. Причины здесь разные – от нежелания полиции работать и неумения раскрывать преступления до стремления показывать мнимое благополучие в борьбе с преступностью на вверенной территории. Иногда руководители ведомств дают негласные указания своим подчиненным не регистрировать совершенные преступления, не понимая того, что так можно дойти до исчезновения преступности, но только на бумаге. Нередко сами потерпевшие не сообщают о преступлении, совершенном против них, если они расценивают эти посягательства как тяжкий ущерб их чести и достоинству (изнасилование, насильственные действия сексуального характера и др.). Иногда о совершенном преступлении не знает никто, кроме преступника (преступников), если, например, после совершения убийства закапывают тело в землю, а поиски без вести пропавшего ничего не дают.

Отсутствие должного учета преступлений наносит непоправимый ущерб обществу и людям, делая их беззащитными перед агрессией, подчас смертельной. Растет в силу безнаказанности профессиональная преступность и коррупция, причем последнюю, если она систематична, тоже можно назвать профессиональной, учитывая ее связь с профессией. Мы имеем в виду, например, постоянное получение взяток. Таким образом, преступность обладает еще одной характеристикой – отсутствием информации об истинном количестве составляющих ее преступлений.

Истинное состояние преступности должно определяться не числом имевших место фактов. Например, если преступник взорвал бомбу и убил 10 человек, то будет 10 убийств, а не один факт – взрыв бомбы. В статистике должно быть зафиксировано 10 преступлений – убийств.

А. И. Долгова правильно указывает на необходимость непрерывности учета – последовательного отражения в едином документе данных о движении сначала сообщения, заявления о преступлении, затем проверяемого материала, возбужденного уголовного дела. Речь идет о фиксации единого процесса: от поступления сообщения до отказа возбуждения уголовного дела или его прекращения либо – при возбуждении уголовного дела и обвинительном приговоре суда – до снятия с осужденного судимости [2, с. 122]. Нам представляется, что из каждых 10 насильственных преступлений регистрируется только одно, одно же попадает на страницы статистической отчетности из каждой сотни совершенных преступных деяний корыстного характера.

Понятие преступности включает в себя как преступления (их сумму и совокупность), так и лиц, их совершивших. Сведения о преступлениях должны включать в себя данные о характере, времени, месте, способе совершения уголовно наказуемого деяния, количестве соучастников, типе поселения (город, село и т. д.) либо транспорте, где оно имело место. Сведения о лицах должны содержать информацию о поле, возрасте, роде занятий или их отсутствии, национальной и религиозной принадлежности, уровне образования (начальное, незаконченное среднее, высшее, незаконченное высшее, среднее специальное), специальности, судимости и т. д. Характеристика того места или того социального круга, к которому принадлежит виновный, не входит составной частью в преступность, поэтому сведения о них как о преступности не нужны, однако они могут понадобиться при анализе ее причин.

Преступность не представляет собой бессистемное объединение различных уголовно наказуемых деяний. Они классифицируются по отдельным видам (категориям) по тем или иным признакам, например, по характеру действий, объекту посягательства, мотивам последнего и т. д. Мотивы могут быть у преступления, а не у преступности, однако мотив может послужить основанием для разделения преступлений прежде всего на корыстные и насильственные. Весьма важно такое основание, как степень обще-

ственной опасности, отраженное в ст. 15 УК РФ. Стоит отметить, что деление относится только к деяниям, а не к лицам, их совершившим, и здесь возможны несовпадения: преступление может быть тяжким, а лицо, его совершившее, не представлять большой общественной опасности.

Криминологии остро необходима категоризация, точнее, типологизация преступлений и преступников по самым разным основаниям: степени общественной опасности (в первую очередь), полу, возрасту, количеству судимостей, наличию семьи и постоянного места жительства и т. д. Но самым главным признаком для выделения отдельного типа является общественная опасность. На наш взгляд, по этому критерию следует выделить тоталитарную преступность, ущерб от которой не поддается точному определению, но он огромен, по степени вредности и опасности для человека не может сравниться ни с одним другим видом преступности. Соответственно, наиболее высокую опасность представляют лица, которые совершают тоталитарные преступления, в первую очередь «вожди народов», «фюреры», «дуче», главари погромных отрядов и т. д. Такую же опасность представляют командиры вооруженных сил тоталитарных держав, без этих сил «пламенные революционеры» и их нацистско-фашистские собратья представляли бы собой просто сброд, кучки уличных или лесных разбойников.

Есть ли разница между понятиями преступности как суммы (совокупности) преступлений и преступности как суммы (совокупности) преступных поведений? По нашему мнению, ее нет, поскольку уголовно наказуемые поступки на языке уголовного права называются преступлениями, а на языке криминологии – преступным поведением. Но само понятие «преступность» принадлежит исключительно криминологии и никакой другой науке. Исследования преступности могут осуществляться кем угодно, но при этом они неизменно будут криминологическими, но ни в коем случае не уголовно-правовыми или какими-то иными. Для понимания преступности, особенно ее причин и механизмов, именно криминологические изыскания совершенно обязательны. Не может быть так, чтобы предмет одной науки был бы одновременно предметом и другой. Иное дело, что одна наука активно использует достижения другой и имеют место взаимопроникновения разных наук. Для современного мира это уже давно известное явление.

Сам термин «преступность» появился сравнительно недавно – в XIX в., в связи с формированием криминологического знания. До этого пользовались понятиями «преступление» и «преступник». Иными словами, рассматриваемый термин обязан своим рождением криминологии.

Преступность не просто сумма и совокупность преступлений, но и их разнохарактерная мешанина, в связи с чем и возникает необходимость выделения в уголовном законе отдельных разделов и глав. Принято считать, что нормы уголовного закона не должны противоречить морали, что каре подлежат только те деяния, которые идут вразрез с общечеловеческой моралью. Однако далеко не все уголовно-правовые нормы, в частности санкции, взвешивают на моральных весах. Особо отмечу, что в отдельные эпохи в некоторых странах те или иные статьи могут явно противоречить общечеловеческой морали, обычаям и традициям данного народа. Так было, например, в гитлеровской Германии и ленинско-сталинском СССР. Поэтому дать объективную оценку преступности в подобных странах очень сложно: ведь помимо общеуголовных преступлений, совершаемых обычными людьми, по существу являются преступными тоталитарные (дееспотические) законы, приказы и распоряжения, а также, что очень важно, действия по их исполнению должностными и иными лицами, от верховных вождей (фюреров) до рядовых палачей и надсмотрщиков. Но ни те, ни другие, ни их кровавые злодеяния не отражаются в статистике и не считаются преступными, а следовательно, не составляют часть преступности.

Вот почему мы никогда не узнаем, сколько людей было замучено в гитлеровских и сталинских концлагерях, сколько человек было расстреляно по приказу нацистских и коммунистических вождей.

Преступность представляет собой часть культуры общества, хотя и негативную. Так было в первобытном обществе и во всех последующих эпохах истории человечества. Поскольку культуры разных народов отличаются друг от друга, то и преступность носит отпечаток соответствующей культуры. Так, преступность в странах ислама не совпадает с преступностью в западных странах. Наряду с этим, как известно, существует группа «вечных» преступлений – посягательства на человека и чужое имущество, что свидетельствует об извечных общечеловеческих ценностях, которые защищаются уголовными законами, запретами, традициями,

обычаями, табу и т. д. Но закон не объявляет преступность наиболее опасным явлением, так он оценивает только преступления.

Во многих странах, особенно крупных, почти всегда обособляются отдельные социальные группы по признакам профессии, языка, вероисповедания, общественного положения, уровня материального обеспечения, знатности, обладания властью и т. д. В Средние века это было гораздо заметнее. Спонтанное обособление не могло не охватить и преступников, причем не всех, а профессиональных. У них сформировалась своя этика, набор правил, свой язык (жаргон) и даже свои изобразительные формы и символы, находящие свое выражение в татуировках. Язык профессиональных преступников и тех, кто к ним примыкает, играет в этой криминальной субкультуре особую роль, поскольку он призван защищать своих носителей, их тайны, замаскировать их общение и, конечно, цели, которые они перед собой ставят. Язык преступников достаточно выразителен, образен и ярк, он ясно показывает, что его носители вытолкнуты из общей культуры, но они особенные и не хуже других. В криминальной субкультуре очень ценится верность и резко осуждается доносительство, что отнюдь не мешает некоторым профессиональным преступником тайно помогать полиции и предавать своих соучастников. Так что криминальная романтика, построенная на честности и верности слову и долгу, не более чем миф, придуманный для самоукрашения.

Криминальная субкультура сама по себе уголовно не наказуема. Однако она существенно влияет на общество, особенно на молодежь. Подростков она прельщает тем, что, пользуясь ее языком и следуя ее правилам, можно выразить свой протест обществу, прикоснуться к «воровской романтике», испытывая острые ощущения и выделяя себя из общей массы. Некоторые слова блатного жаргона оказались столь образны, что без труда вошли в нашу лексику, например «беспредел». Кстати сказать, беловоротничковые преступники и взяточники рангом пониже не пользуются или почти не пользуются криминальным жаргоном. Он удел «бедняцких» преступников, в основном воров и грабителей.

Криминальная субкультура, являясь одной из важных характеристик преступности, присуща в основном профессиональным преступникам и рецидивистам, которые длительное время находились в местах лишения свободы [1, с. 5–6].

В криминальной субкультуре нужно различать следующие нормы:

1. Обязывающие (знать жаргон, играть в карты, защищать «своих», делать татуировки в соответствии с занимаемым статусом, своевременно выплачивать карточные долги и т. д.).

2. Запрещающие (оказывать помощь администрации в наведении порядка, выдавать соучастников преступления (преступлений), раскрывать тайны жизни осужденных (заключенных), воровать или брать без спроса вещи и деньги у «своих» и т. д.).

3. Регулирующие отношения осужденных с администрацией мест лишения свободы (непримиримое отношение к контактам с администрацией, осторожность в разговорах и т. д.).

Наиболее жестко правила криминальной субкультуры соблюдаются в местах лишения свободы. Чем глубже и решительнее отделяет эта субкультура преступников от свободного общества, тем труднее бороться с преступностью, тем крепче и монолитнее она и тем больше у нее будет сочувствующих и соратников, особенно из молодежной среды.

Констатация неизменности определенной группы преступлений и изменчивости каждой подструктуры в отдельности предполагает необходимость установления зависимости всех этих явлений от состояния и содержания культуры разных народов и разных эпох. Преступность одновременно неизменна и изменчива. Еще один вывод, сделанный о ней достаточно давно: у нее есть ядро и есть периферийная часть. Первое, конечно, наиболее опасно, особенно та его подсистема, которая включает в себя преступления против жизни и здоровья человека.

Обращаясь к проблемам мотивации преступного поведения, следует отметить, что мотивы такого поведения никогда не изменялись от первобытного общества до наших дней, как, по-видимому, не менялись мотивы человеческого поведения вообще. С позиций мотивов человек каменного века, похищающий у своего сородича шкуру животного, чтобы согреться, ничем не отличается от того, кто с помощью телекоммуникационных технологий похищает миллионы долларов у банка. В обоих случаях поведение стимулируется корыстью.

В разные эпохи могли меняться масштабы тех или иных мотивов, способы их реализации и формы, их названия (обозначения), комбинации мотивов в поведении

конкретных людей и т. д., но сами мотивы оставались неизменными. Поэтому поиск новых мотивов преступного поведения в новые исторические эпохи является, на наш взгляд, бесполезным занятием.

Научное изучение преступности требует соблюдения ряда теоретических (методологических) требований, в частности запрета путать преступность с преступным поведением. Это разные явления по своему содержанию, основным характеристикам и причинам, следовательно, к ним нужен соответствующий подход. Между тем это важное требование нередко нарушается, особенно в учебниках по криминологии, где иногда призывают изучать мотивацию преступности, не очень представляя себе, насколько это сложное явление, по природе своей лежащее только на уровне преступного поведения.

Криминология стала изучать преступность и преступление с социологических позиций, и не случайно ранее ее считали социологией уголовного права. Основное внимание уделялось анализу данных, свидетельствующих о статистической зависимости между различными социальными явлениями и преступностью. Получил признание современников антропологический подход к преступности, который стал популярен и в России. В СССР ко всем криминологическим проблемам, в том числе к личности преступника и преступному поведению, в 20–30-е гг. XX в. применялся вульгарно-материалистический подход, что считалось верностью марксистско-ленинскому учению. Такой подход превалировал в советской криминологии в 50–70-е гг. Психиатрические, психологические и тем более биологические проблемы игнорировались, исключения составляли работы А. Р. Ратина и его учеников.

Как явление культуры преступность не имеет окончания, она бессмертна и столь же естественна для человека и общества, как болезнь, зачатие, рождение, жизнь и смерть. Может быть поставлена задача лишь об определенном удержании ее на цивилизованном уровне. Этот уровень предлагает сокращение особо опасных преступлений, наведение порядка в тех учреждениях, где возможна коррупция, обеспечение безопасности на улицах и в других общественных местах и т. д. Конечно, цивилизованный уровень весьма условное понятие и разные люди в разных цивилизациях будут понимать его по-разному. Но главный показатель должен оставаться непоколеби-

мым – снижение особо опасной преступности, в первую очередь убийств, причем не только статистически, но и фактически.

Преступность и свободное общество находятся в постоянном взаимодействии: общество формирует преступность; преступники, отбывшие уголовное наказание, вновь возвращаются в открытое общество и могут быть возвращены обратно в преступность. Для многих из них создается некий замкнутый круг: совершив преступление, они попадают в места лишения свободы, выйдя оттуда, вновь оказываются в той же микросреде, которая ранее предопределила их преступный путь, иногда вновь совершают преступления и вновь подвергаются наказанию, но далеко не всегда понимая, почему так сложилась их судьба, и не в силах или не умея разорвать этот порочный круг.

Преступность и свободное общество связаны и другими прочными нитями – правоохранительными органами. Их сотрудники живут в свободном обществе, но лишь частично, немалая доля их жизненного времени проходит в общении с преступниками, что особенно заметно в местах лишения свободы. Поэтому они часто, не осознавая этого, заражаются криминальной субкультурой, начинают мыслить почти как преступник, использовать криминальный жаргон. Перед ними открывается широкое поле для криминальной активности и применения насилия. Трудности в борьбе с преступностью возникают и по этой причине.

Весьма опасные организованные преступники часто проявляют небескорыстную заинтересованность в налаживании

преступных связей со своими «коллегами» из других регионов, даже из других стран. Нередко это происходит на религиозной и национальной основе. Организованная преступность всеми силами пытается обрести вполне официальные формы, войти в легальный бизнес и политику, хотя бы в местную. Члены преступных организаций мечтают, чтобы их отпрыски стали так называемыми светскими людьми, бизнесменами, политиками, артистами и т. д. Многие из этих организаций занимаются благотворительностью и меценатством, некоторые эстрадные звезды буквально выкормлены такими патронами.

Общество всегда привлекали преступность и преступники как нечто из ряда вон выходящее, хотя они вполне естественно укладываются в природу общества, но оно, конечно, этого совсем не осознает. До сих пор люди воспринимают преступность как вспышку злых сил или даже происки потусторонних сил. Вначале толпа по той же причине могла лишь «наслаждаться» публичными казнями, потом ее интерес стал удовлетворяться с помощью газет и журналов, причем последние не жалели красок для описания самых жутких подробностей. Интерес общества проявлялся не только на таком примитивном уровне. Как известно, прозаики и драматурги достаточно часто для построения сюжетов и образов своих героев использовали преступление (У. Шекспир, Ф. Шиллер, В. Гюго, Ф. М. Достоевский и др.). Детективная литература и детективные кинофильмы, даже и весьма примитивные, пользуются неизменным успехом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанов, Н. П. Криминальная субкультура осужденных: теоретический, криминологический, психологический аспекты, функциональный механизм : монография / Н. П. Барабанов, А. В. Даудов, И. Б. Казак, В. Н. Савардунова. – Рязань, 2009. – 315 с. – ISBN 978-5-7743-0309-0.
2. Криминология : учебник для вузов / под ред. А. И. Долговой. – Москва : ИНФРА-М, 2010. – 1008 с. – ISBN 978-5-91768-038-5.

REFERENCES

1. Barabanov N. P., Daudov A. V., Kazak I. B., Savardunova V. N. *Kriminal'naya subkul'tura osuzhdennyh: teoreticheskij, kriminologicheskij, psihologicheskij aspekty, funkcional'nyj mekhanizm* [Criminal subculture of convicts: theoretical, criminological, psychological aspects, functional mechanism]. Ryazan, 2009. 315 p. (In Russ.).
2. Dolgova A. I. (red.) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, 2010. 1008 p. (In Russ.).

Теоретико-прикладные проблемы индивидуализации ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве

Л. Л. КРУГЛИКОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии высшей школы и Российской академии естественных наук;

А. Л. САНТАШОВ – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент

Реферат

Предметом исследования в данной статье стали теоретические и прикладные вопросы индивидуализации ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве. Цель работы – дать объективную характеристику понятия, содержания, видов и соответствующих нормативных оснований индивидуализации уголовной ответственности, а также отличия ее от дифференциации.

В работе использовались традиционные для правового исследования методы: диалектический, индукция и дедукция, системный, сравнительно-правовой.

По мнению авторов, индивидуализация ответственности в уголовном праве является наиболее широким и емким понятием, которое включает в себя все возможные проявления индивидуализации, допустимые с точки зрения уголовного закона: от отказа от уголовного преследования и освобождения от уголовной ответственности до разнообразных форм индивидуализации самой уголовной ответственности. Индивидуализация наказания и индивидуализация иных мер уголовно-правового характера составляют основное содержание индивидуализации мер уголовно-правового характера, то есть всех тех мер, через которые преимущественно реализуется ответственность в уголовном праве.

Результатами работы стала научно обоснованная авторами в тексте статьи концепция межотраслевой индивидуализации ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве.

Ключевые слова: индивидуализация ответственности; дифференциация ответственности; индивидуализация наказания; назначение и исполнение наказаний; осужденные; уголовное законодательство; уголовно-исполнительное законодательство.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Theoretical and applied problems of individualization of responsibility in criminal and criminal executive law

L. L. KRUGLIKOV – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the International Academy of Higher Education and the Russian Academy of Natural Sciences;

A. L. SANTASHOV – Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor

Abstract

The subject of the research in this article was theoretical and applied issues of individualization of responsibility in criminal and penal law. The purpose of the work is to give an objective characterization of the concept, content, types and relevant regulatory

bases of individualization of criminal liability as well as its differences from differentiation.

In the work methods traditional for legal research were used: dialectic, induction and deduction, systemic, comparative legal.

According to the authors opinion the individualization of responsibility in criminal law is the broader and more comprehensive concept, which includes all possible manifestations of individualization that are acceptable from the point of view of the criminal law: from refusal from criminal prosecution and exemption from criminal liability to various forms of individualization of criminal liability itself. The individualization of punishment and the individualization of other measures of a criminal law nature constitute the main content of the individualization of measures of a criminal law nature, that is all those measures through which responsibility in criminal law is predominantly realized.

The results of the work became the concept of interdisciplinary individualization of responsibility in criminal and penal law that was scientifically substantiated by the authors in the text of the article.

Key words: individualization of responsibility; differentiation of responsibility; individualization of sentence; the appointment and execution of sentences; convicts; criminal law; penal legislation.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Уголовно-правовое реагирование является неосновным, но достаточно эффективным средством противодействия преступности. В этой связи современное общество испытывает острую потребность в качественной нормативной регламентации и определении всего комплекса мер государственного принуждения, применяемых к лицам, нарушившим уголовно-правовой запрет. Вместе с тем перекося в «законотворческую» сторону существенно укорачивает доктринальное «поле» науки уголовного права, поэтому всегда будут востребованы исследования, на первый взгляд выглядящие как чисто теоретические [18, с. 844]. Для решения данной проблемы необходимо проводить научные исследования по вопросам социально-правового содержания ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве, концептуальных основ ее дифференциации и индивидуализации, а также особенностей межотраслевого согласования и технико-юридического оформления соответствующих положений законодательства криминального цикла.

Разграничение понятий индивидуализации и дифференциации ответственности (наказания) важно не столько в теоретическом, сколько в практическом (нормотворческом) плане: уголовный закон должен содержать достаточно полные и конкретные предписания, касающиеся каждой из двух упомянутых сфер – и индивидуализации, и дифференциации, не допуская их смешения [13, с. 58–66].

К сожалению, приходится констатировать, что и по сей день не всеми авторами усматриваются различия между такими категориями уголовного права, как дифференциация и индивидуализация [16, с. 7; 30,

с. 9; 4, с. 114; 34, с. 8–9], а при исследовании рассматриваемых процессов в сфере уголовно-исполнительного права зачастую подчеркивается, что проблемы дифференциации и индивидуализации – это вообще еще недостаточно разработанные в теории вопросы исполнения и отбывания наказания [12, с. 30; 36, с. 16; 20, с. 5].

В уголовно-правовой литературе понятия «дифференциация ответственности» и «индивидуализация ответственности» обычно рассматриваются как взаимосвязанные, причем индивидуализация характеризуется как процесс, логически продолжающий дифференциацию ответственности [26, с. 307–308]. Соглашаясь с данным подходом к рассматриваемой проблематике И. А. Тарханова и Л. Р. Сафина, заметим, что дифференциация как явление предшествует индивидуализации, ибо без первой трудно говорить о реализации второй [26, с. 308].

В пенитенциарной литературе также подчеркивается взаимосвязь явлений дифференциации и индивидуализации. Так, А. С. Михлин и В. И. Селиверстов указывали на то, что индивидуализация исполнения наказания и применения мер исправительного воздействия – логическое продолжение дифференциации [29, с. 102].

Вместе с тем обе эти формы деятельности имеют отличия в правовой природе, поэтому более четкое их разделение можно провести:

1) по субъектам осуществления дифференциации и индивидуализации (соответственно, законодатель и правоприменитель);

2) правовым актам их осуществления (уголовно-правовые нормы и предписания,

с одной стороны, и правоприменительные акты – с другой);

3) основаниям их проведения и осуществления.

Теоретики отмечают, что субъектом дифференциации в законе выступает только законодатель [25, с. 298; 2, с. 6–7]. В отличие от дифференциации (необходимого и весомого инструмента осуществления уголовной политики в руках законодателя), индивидуализация ответственности и наказания представляет собой деятельность по воплощению воли законодателя, в том числе и выраженной посредством осуществления дифференциации ответственности и наказания. Суд или иной орган в пределах своей компетенции, квалифицируя содеянное, решает вопросы о виде и мере ответственности в рамках, определенных кодексом, исходя уже из степени общественной опасности содеянного и лица, его совершившего [13, с. 10].

Вопросы, решаемые в процессе индивидуализации, также необходимы и весомы, но они лежат в несколько иной плоскости, нежели дифференциация ответственности, к тому же они предусматривают их разрешение другим лицом (не законодателем, а правоприменителем), в ином порядке (путем не нормотворчества, а правоприменения), иным актом, констатирующим итоги (не уголовным законом, а индивидуальным актом поднормативного регулирования). Поэтому обособление понятий дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания предполагает, что правотворец должен определить в уголовном и уголовно-исполнительном кодексах достаточно полные и конкретные предписания, касающиеся как индивидуализации, так и дифференциации [13, с. 112].

Представляется, что данные выводы, сделанные применительно к разграничению дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, являются вполне подходящими и для объяснения существования этих явлений при конструировании и применении норм как уголовного, так и уголовно-исполнительного закона. Соответственно при определении рассматриваемых понятий также следует уточнить их принадлежность к соответствующей области: в первом случае речь следует вести о нормотворчестве, а во втором – о правоприменении.

В юридической литературе относительно оснований дифференциации и индивидуализации ответственности достаточно

длительное время превалировало мнение о том, что они тождественны. Объяснением тому могла служить сложность предмета познания, слабость учения о дифференциации уголовной ответственности, трудности анализа уголовно-правовых норм, нередко являющихся отражением нескольких принципов уголовной политики и уголовного права.

Ю. Б. Мельникова указывала, что если при дифференциации ответственности ее критерии указываются в абстрактном виде, то при ее индивидуализации они уже конкретизируются [15, с. 10] применительно к обстоятельствам, характеризующим конкретное деяние и конкретную личность преступника [17, с. 40]. При этом в качестве таковых в уголовно-правовой литературе назывались характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность [32, с. 7; 10, с. 165–166].

А. И. Коробеев, А. В. Усс и Ю. В. Голик отмечали, что дифференциация ответственности предполагает учет на законодательном и правоприменительном уровнях степени общественной опасности деяния и деятеля [11, с. 91]. При таком подходе «размывались» основания дифференциации и индивидуализации, происходило их смешение.

По вполне справедливому мнению И. А. Тарханова и Л. Р. Сафина, основания дифференциации не должны совпадать с основаниями индивидуализации ответственности в уголовном праве, поскольку различаются не только сами виды этой юридической деятельности, но и ее результаты [26, с. 309]. Основанием дифференциации ответственности являются определенные типовые характеристики (свойства) преступления (деяния) и преступника (деятеля) [5, с. 70–71; 9, с. 71]. Эти типовые характеристики получают отражение в уголовном законе, и в их рамках в дальнейшем осуществляется индивидуализация ответственности в уголовном праве.

В юридической литературе отмечалось также, что основанием индивидуализации ответственности в уголовном праве являются индивидуальная степень общественной опасности содеянного и личность виновного (за исключением сведений о типовой степени общественной опасности личности), а также смягчающие и отягчающие обстоятельства [9, с. 89].

Н. А. Стручков в свое время справедливо отмечал, что индивидуализация ответственности выражается прежде всего в индивидуализации наказания [22, с. 10]. Общее

правило индивидуализации при назначении наказания установлено в ч. 3 ст. 60 УК РФ, согласно которой учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Подобную трактовку в свое время предложил И. И. Карпец, и она была признана наиболее удачной. По его мнению, «индивидуализация наказания в советском уголовном праве – это принцип, заключающийся в учете характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, отягчающих и смягчающих обстоятельств, который позволяет посредством наказания, содержащего в себе цели кары и воспитания, добиться в конечном счете исправления и перевоспитания преступника, а также предупредить совершение новых преступлений как осужденным, так и другими лицами» [26, с. 10].

Этот подход в целом поддерживает А. П. Чугаев (с поправкой на действующие в современном уголовном кодексе цели наказания и средства их достижения в уголовно-исполнительном кодексе), указывая, что правовой базой для индивидуализации ответственности является ее дифференциация в уголовном законе. Только дифференцированная в законе уголовная ответственность при ее реализации может быть индивидуализирована правоприменительными органами – в конечном счете судом. Опираясь на содержащиеся в законе правовые предписания, правоприменитель индивидуализирует ответственность конкретного лица. Таким образом, представляется возможным говорить о дифференциации ответственности как нормативном основании ее индивидуализации [33, с. 41].

С другой стороны, наличие в характеристике содеянного и личности виновного юридически значимых признаков, позволяющих говорить об их соответствии определенным предписаниям уголовного закона (например, об основаниях освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием) говорит об определенной индивидуальной степени общественной опасности содеянного и личности виновного и позволяет правоприменителю реализовать уголовную ответственность в той или иной форме или освободить от нее (применительно к несовершеннолетним последняя может быть заменена принудитель-

ными мерами воспитательного воздействия – ст. 90 УК РФ). Таким образом, индивидуальная степень общественной опасности деяния и деятеля могут рассматриваться, по справедливому мнению И. А. Тарханова и Л. Р. Сафина, как фактическое основание индивидуализации ответственности в уголовном праве [26, с. 311].

Говоря о видах индивидуализации ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве, можно выделять индивидуализацию ответственности в целом (в рамках применения норм этих отраслей криминального цикла), индивидуализацию уголовной ответственности, индивидуализацию наказания, которую можно в свою очередь подразделить еще на два вида: индивидуализацию его назначения и исполнения.

Индивидуализация ответственности в уголовном праве является наиболее широким и емким понятием, которое включает в себя все возможные проявления индивидуализации, допустимые с точки зрения уголовного закона: от отказа от уголовного преследования и освобождения от уголовной ответственности до разнообразных форм индивидуализации самой уголовной ответственности.

Индивидуализация наказания и индивидуализация иных мер уголовно-правового характера составляют основное содержание индивидуализации мер уголовно-правового характера, то есть всех тех мер, через которые преимущественно реализуется ответственность в уголовном праве. Индивидуализации подлежит не только наказание, но и уголовная ответственность в целом, поскольку суд при рассмотрении уголовного дела прежде всего определяет целесообразность применения той или иной формы реализации уголовной ответственности, а также определяет ее пределы, этим самым осуществляет индивидуализацию как государственного осуждения (порицания) преступления и лица, его совершившего, так и соответствующих правоограничений, свойственных той или иной мере уголовно-правового характера, которые выступают материальным выражением этого осуждения [1, с. 9].

Индивидуализация ответственности в уголовном праве представляет собой не только деятельность правоприменителя, но и ее результат, который выражается в выборе конкретной формы юридической реакции на факт нарушения лицом уголовно-правового запрета [26, с. 311]. Если исходить из

того, что пределы, определяющие возможность такого выбора, устанавливаются рамками уголовного закона, то, следуя за его содержанием, можно назвать следующие проявления индивидуализации в уголовном праве:

- отказ от уголовного преследования в связи с добровольным отказом от доведения преступления до конца (ст. 31 УК РФ);
- освобождение от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76.1, 76.2, 78, 90 УК РФ);
- освобождение от наказания несовершеннолетних с применением (вместо наказания) принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 92 УК РФ) либо определением лица (вместо наказания) в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 92 УК РФ);
- назначение реального наказания, соединенное с постановлением считать назначенное наказание условным (ст. 73 УК РФ), либо с отсрочкой отбывания наказания (ст. 82, 82.1 УК РФ), назначением наказания и реальным его исполнением;
- условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79, 93 УК РФ);
- замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ);
- освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ);
- отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, осуществляемая в процессе исполнения наказания (ст. 82 УК РФ);
- освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ);
- досрочное снятие судимости (ч. 5 ст. 86 УК РФ);
- применение иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных разделом VI УК РФ:
 - а) принудительных мер медицинского характера (ст. 97–104 УК РФ);
 - б) судебного штрафа (ст. 104.1–104.3 УК РФ);
 - в) конфискации имущества (ст. 104.4, 104.5 УК РФ) [26, с. 311–312; 23, с. 56–57; 24, с. 48–50]. Возможно, что в ближайшее время количество включенных сюда иных мер уголовно-правового характера изменится при условии одобрения проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», внесенного

на рассмотрение постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2017 № 42.

Индивидуализация уголовной ответственности представляет собой установление соответствия и выбор правоприменителем определенного вида и конкретной формы ее реализации, учитывая, что дифференциация уголовной ответственности (как понятие, соотносимое с ее индивидуализацией) есть установление государством в уголовном законе различного объема неблагоприятных уголовно-правовых последствий для лиц, совершивших преступление, включаемых в рамки содержания уголовной ответственности и ее пределов. При этом характерной чертой индивидуализации уголовной ответственности является то, что она осуществляется судом [27, с. 100], а не учреждением или органом, исполняющим уголовное наказание.

Так, индивидуализация уголовной ответственности несовершеннолетних проявляется при освобождении несовершеннолетнего, осужденного за совершение преступления, от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия или сопряженного с помещением его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ст. 92 УК РФ), индивидуализации наказания при его назначении и отбывании – в досрочном снятии судимости согласно ч. 5 ст. 86 УК РФ (а в отношении несовершеннолетних – с учетом положений ст. 95 УК РФ).

При определении индивидуализации наказания необходимо учитывать его уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты. Прежде всего, будучи мерой государственного принуждения, оно заключается в предусмотренных уголовным законом лишении или ограничении прав и свобод виновного лица (ч. 1 ст. 43 УК РФ). Поэтому при индивидуализации наказания в процессе его назначения фактически осуществляется выбор судом в обвинительном приговоре определенного вида, меры и пределов (срока) лишения или ограничения прав и свобод виновного лица.

Е. А. Вакарина определяет ее как «конкретизацию судом вида и размера государственного принуждения, назначаемого лицу, совершившему преступление, в зависимости от юридически значимых особенностей данного преступления и его субъекта, в том числе отягчающих и смягчающих обстоятельств, а также изменение объема и вида репрессии в процессе исполнения на-

казания с учетом постпреступного поведения осужденного» [2, с. 10].

О. Н. Зверева под индивидуализацией наказания подразумевает «межотраслевой принцип, определяющий деятельность соответствующих органов и должностных лиц, связанную с индивидуальным подходом к лицу, совершившему преступление, при назначении вида и размера конкретного уголовного наказания, с учетом его личности и всех обстоятельств совершенного деяния, а также изменении правового положения осужденного в период отбывания наказания, исходя из его поведения и отношения к мерам исправительного воздействия, направленной на достижение целей, установленных уголовным и уголовно-исполнительным законодательством» [6, с. 9].

В более современных источниках индивидуализация наказания при его назначении рассматривается как «принцип института назначения наказания, в соответствии с которым суд на основе оценки ряда общих и специальных критериев, указанных в законе, определяет лицу, совершившему преступление, справедливую меру наказания, направленную на достижение целей исправления осужденного и частной превенции, а также способствующую достижению иных целей, поставленных перед наказанием» [3, с. 9].

По мнению К. А. Айнутдиновой, индивидуализация наказания – это «второй этап (вслед за его дифференциацией) конкретизации меры наказания и неотъемлемая часть института назначения наказания, который заключается в определении лицу, признанному виновным в совершении преступления, вида (подвида, формы) наказания, его срока или размера, а в некоторых случаях – порядка и условий его исполнения с учетом индивидуальной степени общественной опасности преступления, индивидуальных признаков личности виновного и особенностей обстановки совершения преступного деяния, выраженных в общих, специальных и дополнительных ее критериях» [1, с. 9–10].

Такой разброс взглядов объясняется различными подходами к пониманию критериев индивидуализации в самой теории уголовного права. В результате одни ученые сводят ее к учету особенностей личности виновного и смягчающих, отягчающих обстоятельств [8] либо даже только общественной опасности личности [35]. Другие чрезмерно расширяют ее понимание за счет указания на необходимость учета не только степени, но и характера опасности содеян-

ного [21; 31]. Третьи склонны отождествлять понятия «индивидуализация» и «назначение» наказания и ставят вопрос об исключении из круга критериев «характера» общественной опасности преступления [28].

Думается, ни одна из этих точек зрения неправильна, ибо игнорируются либо тяжесть содеянного, либо смысловое значение термина «индивидуализация», либо несводимость процесса назначения наказания к индивидуализации: им охватывается помимо последней и требование равенства [14, с. 20].

Действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство допускает возможность индивидуализации наказания на последующем этапе реализации уголовной ответственности – на стадии исполнения приговора. Под индивидуализацией исполнения наказания понимают изменение карательного содержания наказания конкретному осужденному с учетом совершенного преступления, личности, а главное, поведения при отбывании наказания [36, с. 9].

При индивидуализации исполнения наказания все большее значение приобретает личность преступника, ее особенности, ибо наказание призвано в конечном счете быть средством исправления виновного. Поэтому при индивидуализации отбытия наказания на первый план выдвигается не совершенное деяние, а личность осужденного, ибо необходимо в местах заключения выбрать такой режим и такие методы воспитания, которые быстрее приведут к исправлению осужденного. Это не означает, конечно, что не должен учитываться характер деяния. Его учет обеспечивает назначение справедливого наказания за содеянное, соответствующего обстоятельствам дела, но в местах заключения прежде всего имеет значение фигура осужденного, так как в соответствии с особенностями личности осужденного организуется работа по его исправлению [19, с. 591].

Если дифференциация исполнения наказания заключается в формировании более частного, так называемого специального правового статуса осужденного, предусматривает разделение осужденных в процессе отбывания наказания в сходных условиях на различные классификационные группы в зависимости от самых различных признаков или оснований (возраст, состояние здоровья, поведение в процессе отбывания наказания, отбытая часть наказания, применимость той или иной формы досрочного освобождения, наличие семьи и соци-

альных связей, уровень образования и профессиональной подготовленности и многое другое), то индивидуализация исполнения наказания состоит в еще более глубокой и детальной конкретизации правового статуса осужденного, принимающего форму индивидуального (особого) положения данного субъекта в период отбывания наказания. Она предполагает глубокое изучение личности каждого осужденного, составление его подробного психологического портрета, разработку и реализацию индивидуальной

программы воспитательных воздействий, укрепляющих положительные личностные качества и поражающих, угнетающих отрицательные.

Таким образом, дифференциация и индивидуализация – это единый процесс, позволяющий добиться достижения целей исполнения уголовного наказания. Эффективность их реализации зависит от многих факторов и обстоятельств, в частности от слаженности усилий персонала, его педагогического мастерства и опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Айнутдинова, К. А.** Критерии индивидуализации уголовного наказания при его назначении в теории, законодательстве и судебной практике : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / К. А. Айнутдинова. – Казань, 2017. – 200 с.
2. **Вакарина, Е. А.** Дифференциация и индивидуализация наказания и средств их достижения (уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Е. А. Вакарина. – Краснодар, 2001. – 25 с.
3. **Воронин, В. Н.** Индивидуализация наказания: понятие, критерии, значение : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / В. Н. Воронин. – Москва, 2015. – 26 с.
4. **Гадельшин, Р. И.** Уголовно-исполнительное право : курс лекций / Р. И. Гадельшин. – Новосибирск : СибАГС, 2015. – 215 с.
5. **Гальперин, И. М.** Дифференциация уголовной ответственности и эффективность наказания / И. М. Гальперин // Советское государство и право. – 1983. – № 3. – С. 70–71.
6. **Зверева, О. Н.** Реализация принципа индивидуализации наказания при исполнении лишения свободы : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / О. Н. Зверева. – Рязань, 2005. – 25 с.
7. **Карпец, И. И.** Индивидуализация наказания в советском уголовном праве / И. И. Карпец. – Москва : Госюриздат, 1961. – 152 с.
8. **Карпец, И. И.** Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы / И. И. Карпец. – Москва : Юридическая литература, 1983. – 287 с.
9. **Келина, С. Г.** Некоторые вопросы совершенствования уголовного законодательства / С. Г. Келина // Советское государство и право. – 1987. – № 5. – С. 71.
10. **Коробеев, А. И.** Советская уголовно-правовая политика / А. И. Коробеев. – Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1987. – 267 с.
11. **Коробеев, А. И.** Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / А. И. Коробеев, А. В. Усс, Ю. В. Голик. – Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1991. – 211 с.
12. **Красиков, В. С.** Классификация и размещение осужденных по видам режимов исправительных учреждений / В. С. Красиков // Пенитенциарный опыт Англии и возможности его реализации в уголовно-исполнительном законодательстве России и Белоруссии : материалы международного научно-практического семинара. – Рязань, 2004. – С. 8–16.
13. **Кругликов, Л. Л.** Вопросы дифференциации ответственности в уголовном законодательстве / Л. Л. Кругликов // Реализация принципа справедливости в правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции. – Ярославль : ЯрГУ, 1992. – С. 58–66. – ISBN 5-230-18211-3.
14. **Кругликов, Л. Л.** Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном праве : учебно-методическое пособие / Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 2016. – 97 с.
15. **Кругликов, Л. Л.** Конкретизация уголовно-правового значения обстоятельств дела как законодательный прием / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права : избранные статьи. 1982–1999. – Ярославль : ЯрГУ, 1999. – С. 43–54. – ISBN 5-8397-0030-4.
16. **Лесниевски-Костарева, Т. А.** Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски-Костарева. – Москва : НОРМА, 2000. – 400 с. – ISBN 5-89123-449-1.
17. **Мельникова, Ю. Б.** Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания / Ю. Б. Мельникова. – Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1989. – 120 с.
18. **Наумов, А. В.** Развитие теоретических начал уголовно-правовой науки как насущная ее задача / А. В. Наумов // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики : материалы XI Российского конгресса уголовного права, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора Владимира Сергеевича Комиссарова (31 мая – 1 июня 2018 г.). – Москва : Проспект, 2018. – С. 844–849. – ISBN 978-5-4396-1660-2.
19. **Нурмиев, М. М.** Замена наказания как средство его индивидуализации / М. М. Нурмиев // Ученые записки Казанского государственного университета. Том 144 : Юридические науки. – Казань : КГУ, 2003. – С. 591–595.
20. **Павлов, И. Н.** Принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний в уголовно-исполнительном праве : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / И. Н. Павлов. – Рязань, 2011. – 26 с.
21. **Соловьев, А. Д.** Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву / А. Д. Соловьев. – Москва : Госюриздат, 1958. – 203 с.
22. **Стручков, Н. А.** Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью / Н. А. Стручков. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1978. – 288 с.
23. **Сундууров, Ф. Р.** Наказание и альтернативные меры в уголовном праве / Ф. Р. Сундууров. – Казань : Казанский государственный университет, 2005. – 298 с. – ISBN 5-98180-208-1.
24. **Сундууров, Ф. Р.** Наказание в уголовном праве / Ф. Р. Сундууров, М. В. Талан. – Москва : Статут, 2015. – 256 с. – ISBN 978-5-8354-1134-4.

25. Тарханов, И. А. Юридическая природа дифференциации ответственности в уголовном праве / И. А. Тарханов // Ученые записки Казанского государственного университета. Том 144 : Юридические науки. – Казань : КГУ, 2003. – С. 298–307.
26. Тарханов, И. А. Индивидуализация ответственности в уголовном праве Российской Федерации (понятие, содержание и виды) / И. А. Тарханов, Л. Р. Сафин // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 144 : Юридические науки. – Казань : КГУ, 2003. – С. 307–318.
27. Тепляшин, П. В. Европейские пенитенциарные системы / П. В. Тепляшин. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 299 с. – ISBN 978-5-4396-1657-2.
28. Тлустов, В. Мотивировка наказания в приговоре / В. Тлустов // Советская юстиция. – 1973. – № 6. – С. 22–24.
29. Уголовно-исполнительное право России : учебник / под ред. В. И. Селиверстова. – Москва : Юриспруденция, 2013. – 446 с. – ISBN 978-5-91768-463-5.
30. Хаитжанов, А. Уголовно-исполнительное право РФ : учебное пособие / А. Хаитжанов. – Пенза : ИИЦ ПГУ, 2006. – 148 с.
31. Чубарев, В. Л. Индивидуализация наказания (социально-правовое исследование) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / В. Л. Чубарев. – Москва, 1977. – 25 с.
32. Чугаев, А. П. Индивидуализация ответственности за преступления и ее особенности по делам несовершеннолетних / А. П. Чугаев. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 1979. – 96 с.
33. Чугаев, А. П. Основы дифференциации ответственности и индивидуализации наказания / А. П. Чугаев. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 1985. – 74 с.
34. Шахбанова, Х. М. Учебное пособие (курс лекций) по дисциплине «Уголовно-исполнительное право» для направления подготовки «Юриспруденция», профилей «Уголовное право», «Гражданское право» / Х. М. Шахбанова. – Махачкала : ДГУНХ, 2001. – 99 с.
35. Шнейдер, М. А. Советское уголовное право. Часть Общая / М. А. Шнейдер. – Москва, 1955. – 140 с.
36. Янчук, И. А. Вопросы дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в исправительных колониях общего режима в отношении осужденных женщин : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / И. А. Янчук. – Москва, 2009. – 24 с.

REFERENCES

1. Ajnutdinova K. A. *Kriterii individualizacii ugovolnogo nakazaniya pri ego naznachenii v teorii, zakonodatel'stve i sudebnoj praktike*. Diss. kand. jurid. nauk [Criteria for the individualization of criminal punishment in its appointment in theory, law and judicial practice. Diss. PhD. in Law]. Kazan, 2017. 200 p. (In Russ.).
2. Vakarina E. A. *Differenciaciya i individualizaciya nakazaniya i sredstv ih dostizheniya (ugolovno-pravovye i ugovolno-ispolnitel'nye aspekty)*. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Differentiation and individualization of punishment and the means to achieve them (criminal law and penal aspects). Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Krasnodar, 2001. 25 p. (In Russ.).
3. Voronin V. N. *Individualizaciya nakazaniya: ponyatie, kriterii, znachenie*. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Individualization of punishment: concept, criteria, meaning. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Moscow, 2015. 26 p. (In Russ.).
4. Gadel'shin R. I. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Penal Law]. Novosibirsk, 2015. 215 p. (In Russ.).
5. Gal'perin I. M. *Differenciaciya ugovolnoj otvetstvennosti i effektivnost' nakazaniya* [Differentiation of criminal liability and effectiveness of punishment]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law*, 1983, no. 3, pp. 70–71. (In Russ.).
6. Zvereva O. N. *Realizaciya principa individualizacii nakazaniya pri ispolnenii lisheniya svobody*. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Implementation of the principle of individualization of punishment in the execution of imprisonment. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Ryazan, 2005. 25 p. (In Russ.).
7. Karpec I. I. *Individualizaciya nakazaniya v sovetskom ugovolnom prave* [Individualization of punishment in Soviet criminal law]. Moscow, 1961. 152 p. (In Russ.).
8. Karpec I. I. *Nakazanie. Social'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy* [Punishment. Social, legal and criminological problems]. Moscow, 1983. 287 p. (In Russ.).
9. Kelina S. G. *Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya ugovolnogo zakonodatel'stva* [Some issues of improving criminal law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law*, 1987, no. 5, pp. 71. (In Russ.).
10. Korobeev A. I. *Sovetskaya ugovolno-pravovaya politika* [Soviet criminal law policy]. Vladivostok, 1987. 267 p. (In Russ.).
11. Korobeev A. I., Uss A. V., Golik YU. V. *Ugolovno-pravovaya politika: tendencii i perspektivy* [Criminal Law Policy: Trends and Prospects]. Krasnoyarsk, 1991. 211 p. (In Russ.).
12. Krasikov V. S. *Klassifikaciya i razmeshchenie osuzhdennykh po vidam rezhimov ispravitel'nykh uchrezhdenij* [Classification and placement of convicts by type of regime of correctional institutions]. *Materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara «Penitencijarnyj opyt Anglii i vozmozhnosti ego realizacii v ugovolno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve Rossii i Belorussii»* [Materials of the international scientific-practical seminar «The prison experience of England and the possibilities of its implementation in the penal legislation of Russia and Belarus»]. Ryazan, 2004, pp. 8–16. (In Russ.).
13. Kruglikov L. L. *Voprosy differenciacii otvetstvennosti v ugovolnom zakonodatel'stve* [Issues of differentiation of liability in criminal law]. *Realizaciya principa spravedlivosti v pravoprimeritel'noj deyatel'nosti organov ugovolnoj yusticii* [Implementation of the principle of justice in the enforcement of criminal justice authorities]. Yaroslavl, 1992, pp. 58–66. (In Russ.).
14. Kruglikov L. L. *Differenciaciya i individualizaciya otvetstvennosti v ugovolnom prave* [Differentiation and individualization of responsibility in criminal law]. Yaroslavl, 2016. 97 p. (In Russ.).
15. Kruglikov L. L. *Konkretizaciya ugovolno-pravovogo znacheniya obstoyatel'stv dela kak zakonodatel'nyj priem* [Specification of the criminal legal significance of the circumstances of the case as a legislative technique]. *Problemy teorii ugovolnogo prava* [Problems of the theory of criminal law]. Yaroslavl, 1999, pp. 43–54. (In Russ.).
16. Lesnievski-Kostareva T. A. *Differenciaciya ugovolnoj otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Differentiation of criminal liability. Theory and legislative practice]. Moscow, 2000. 400 p. (In Russ.).
17. Mel'nikova YU. B. *Differenciaciya otvetstvennosti i individualizaciya nakazaniya* [Differentiation of responsibility and individualization of punishment]. Krasnoyarsk, 1989. 120 p. (In Russ.).
18. Naumov A. V. *Razvitie teoreticheskikh nachal ugovolno-pravovoj nauki kak nasushchnaya ee zadacha* [The development of the theoretical principles of criminal law science as its urgent task]. *Materialy XI Rossijskogo kongressa ugovolnogo prava «Obespechenie nacional'noj bezopasnosti – prioritnoe napravlenie ugovolno-pravovoj, kriminologicheskoy i ugovolno-ispolnitel'noj politiki»* [Materials of the XI Russian Congress of Criminal Law «Ensuring national security – a priority area of criminal law, criminological and penal policy»]. Moscow, 2018, pp. 844–849. (In Russ.).

19. Nurmiev M. M. Zamena nakazaniya kak sredstvo ego individualizatsii [Replacement of punishment as a means of individualization]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Tom 144. Yuridicheskie nauki* [Scientific notes of Kazan State University. Vol. 144. Jurisprudence]. Kazan, 2003, pp. 591–595. (In Russ.).
20. Pavlov I. N. *Princip differentsii i individualizatsii ispolneniya nakazaniy v ugovolno-ispolnitel'nom prave. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [The principle of differentiation and individualization of the execution of sentences in penal law. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Ryazan, 2011. 26 p. (In Russ.).
21. Solov'ev A. D. *Voprosy primeneniya nakazaniya po sovetskomu ugovolnomu pravu* [Issues of the application of punishment in Soviet criminal law]. Moscow, 1958. 203 p. (In Russ.).
22. Struchkov N. A. *Ugovolnaya otvetstvennost' i ee realizatsiya v bor'be s prestupnost'yu* [Criminal liability and its implementation in the fight against crime]. Saratov, 1978. 288 p. (In Russ.).
23. Sundurov F. R. *Nakazanie i al'ternativnye mery v ugovolnom prave* [Punishment and alternative measures in criminal law]. Kazan, 2005. 298 p. (In Russ.).
24. Sundurov F. R., Talan M. V. *Nakazanie v ugovolnom prave* [Punishment in criminal law]. Moscow, 2015. 256 p. (In Russ.).
25. Tarhanov I. A. Yuridicheskaya priroda differentsii otvetstvennosti v ugovolnom prave [Legal nature of the differentiation of liability in criminal law]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Tom 144. Yuridicheskie nauki* [Scientific notes of Kazan State University. Vol. 144. Jurisprudence]. Kazan, 2003, pp. 298–307. (In Russ.).
26. Tarhanov I. A., Safin L. R. Individualizatsiya otvetstvennosti v ugovolnom prave Rossijskoj Federatsii (ponyatie, sodержание i vidy) [Individualization of responsibility in the criminal law of the Russian Federation (concept, content and types)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Tom 144. Yuridicheskie nauki* [Scientific notes of Kazan State University. Vol. 144. Jurisprudence]. Kazan, 2003, pp. 307–318. (In Russ.).
27. Teplyashin P. V. *Evropejskie penitentsiarnye sistemy* [European penal systems]. Moscow, 2018. 299 p. (In Russ.).
28. Tlustov V. Motivirovka nakazaniya v prigovore [Sentence motivation]. *Sovetskaya yustitsiya – Soviet justice*, 1973, no. 6, pp. 22–24. (In Russ.).
29. Seliverstov V. I. (red.) *Ugovolno-ispolnitel'noe pravo Rossii* [Penal law of Russia]. Moscow, 2013. 446 p. (In Russ.).
30. Haitzhanov A. *Ugovolno-ispolnitel'noe pravo RF* [Penal law of RF]. Penza, 2006. 148 p. (In Russ.).
31. Chubarev V. L. *Individualizatsiya nakazaniya (social'no-pravovoe issledovanie). Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Individualization of punishment (social and legal research). Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Moscow, 1977. 25 p. (In Russ.).
32. Chugaev A. P. *Individualizatsiya otvetstvennosti za prestupleniya i ee osobennosti po delam nesovershennoletnih* [Individualization of responsibility for crimes and its features in juvenile affairs]. Krasnodar, 1979. 96 p. (In Russ.).
33. Chugaev A. P. *Osnovy differentsii otvetstvennosti i individualizatsii nakazaniya* [Basics of differentiation of responsibility and individualization of punishment]. Krasnodar, 1985. 74 p. (In Russ.).
34. SHahbanova H. M. *Uchebnoe posobie (kurs lekcij) po discipline «Ugovolno-ispolnitel'noe pravo» dlya napravleniya podgotovki «Yurisprudenciya», profilej «Ugovolnoe pravo», «Grazhdanskoe pravo»* [Textbook (lecture course) in the discipline of "Criminal Executive Law" for the direction of preparation of "Jurisprudence", profiles of "Criminal Law", "Civil Law"]. Makhachkala, 2001. 99 p. (In Russ.).
35. SHnejder M. A. *Sovetskoe ugovolnoe pravo. CHast' Obshchaya* [Soviet criminal law. Part General]. Moscow, 1955. 140 p. (In Russ.).
36. Yanchuk I. A. *Voprosy differentsii i individualizatsii ispolneniya nakazaniya v ispravitel'nykh koloniyah obshchego rezhima v otnoshenii osuzhdennykh zhenshchin. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [The issues of differentiation and individualization of the execution of sentences in correctional colonies of the general regime in relation to convicted women. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Moscow, 2009. 24 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10004

УДК 343.8

Изменение условий отбывания лишения свободы в законодательстве Республики Беларусь: исторический аспект

С. Л. ГАЙКОВИЧ – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Реферат

В процессе исполнения лишения свободы дискуссионным является вопрос соотношения карательной и исправительной составляющих. Это требует проведения оптимизации механизма воспитательного воздействия, усиления роли мотивации правомерного поведения осужденных и их личной заинтересованности в достижении определенной степени исправления. Реализация обозначенной позиции возможна лишь при комплексном и последовательном преобразовании такого института лишения свободы, как изменение условий отбывания наказания, являющегося важным элементом прогрессивной системы.

Ретроспективный анализ уголовно-исполнительного законодательства показывает динамику выражения правового статуса осужденных к лишению свободы на

нормативном уровне в различные периоды истории Беларуси. Он, в частности, демонстрирует, каким образом законодатель встраивал в процедуру исполнения наказания механизм изменения характера и объема правоограничений осужденного к лишению свободы.

Несмотря на длительную историю существования пенитенциарных учреждений, институт изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы функционирует в уголовно-исполнительном законодательстве Беларуси и практике исполнения сравнительно недавно. Использование исторического метода позволяет определить ряд этапов становления и развития рассматриваемого института.

В ходе исследования получены следующие результаты:

- осуществлен ретроспективный анализ института изменения условий содержания и вида исправительного учреждения осужденным к лишению свободы;
- отмечены формы реализации прогрессивной системы в различные исторические периоды;
- выявлены закономерности становления и этапы развития законодательства в сфере регулирования изменения условий содержания осужденных к лишению свободы и вида исправительного учреждения.

Ключевые слова: лишение свободы; условия отбывания наказания; прогрессивная система; принцип дифференциации и индивидуализации.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Changing the conditions of serving imprisonment in the legislation of the Republic of Belarus: historical aspect

S. L. GAYKOVICH – Lecturer of the Department of Penal Law of the Penal Department of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

Abstract

In the process of executing imprisonment the discussion point is the relationship between punitive and correctional components. This requires optimizing the mechanism of educational influence, strengthening the role of motivation for the lawful behavior of convicts and their personal interest in achieving a certain degree of correction. The implementation of the indicated position is possible only with a comprehensive and consistent transformation of such an institution of imprisonment as changing the conditions for serving a sentence, which is an important element of a progressive system.

A retrospective analysis of the penal legislation shows the dynamics of expressing the legal status of persons sentenced to imprisonment at the normative level in various historical periods of Belarus. In particular he demonstrates how the legislator built into the procedure for the execution of sentence the mechanism for changing the nature and extent of legal restrictions on a person sentenced to imprisonment.

Despite the long history of the existence of prisons the institution of changing the conditions of serving a sentence of imprisonment has been functioning in the penal legislation and practice of Belarus relatively recently. Using the historical method allows us to determine a number of stages in the formation and development of the institution in question.

During the study the following results were obtained:

- a retrospective analysis of the institution of changing the conditions of detention and the type of correctional institution sentenced to imprisonment was carried out;
- the forms of implementation of the progressive system in various historical periods are noted;
- patterns of formation and stages of development of legislation in the field of regulation of changes in the conditions of prisoners sentenced to imprisonment and type of correctional institution were identified.

Key words: imprisonment; conditions of serving a sentence; progressive system; principle of differentiation and individualization.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Впервые условия содержания осужденных к лишению свободы на нормативном уровне, пусть и достаточно поверхностно, были закреплены в Статуте Великого кня-

жества Литовского 1588 г. В разд. IV статута предписывалось организовать строительство тюремных замков, имеющих два уровня: верхний и подземный, предназначенный для особо опасных преступников.

Статут 1588 г. не предусматривал норму, регламентирующую возможность изменения условий содержания осужденных в процессе отбывания наказания, однако такое положение прямо указывалось в приговоре. К примеру, отмечалось, что за правомерное поведение заключенный мог быть переведен с нижнего на верхний уровень замка, и наоборот в случае допущения им нарушенной дисциплины.

Учитывая, что в результате Третьего раздела Речи Посполитой (1795 г.) территория современной Республики Беларусь окончательно вошла в состав Российской империи, полагаем правильным продолжить анализ уголовно-исполнительного и исправительно-трудового законодательства по исследуемой тематике с момента развития института изменения условий отбывания лишения свободы в российском пенитенциарном законодательстве. К таковому следует отнести тюремную реформу Александра I 1819 г. В частности, в каждом остроге предусматривалось оборудование различных по условиям содержания отделений для осужденных, исходя из степени тяжести совершенных ими преступлений.

В наиболее значимом законодательном акте данного периода – Уставе о ссыльных от 22.06.1832 № 29128 (Полн. Собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. XXXVIII. С. 433–469) – предусматривались первоначальные критерии и степень исправления осужденных. Также необходимо обратить внимание на возможность последующего перевода каторжников по истечении определенного срока (который зависел от их принадлежности к первому, второму либо третьему разряду) из острога в комнаты заводских мастерских. Это свидетельствует о наличии норм, предусматривающих изменение условий отбывания лишения свободы осужденным в зависимости от его поведения.

Начало XX в. обусловило создание системы исполнения наказания в отношении несовершеннолетних. Так, Николаем II был подписан Закон от 19.04.1909 № 31727 «О воспитательно-исправительных заведениях» (Полн. Собр. законов Рос. империи. Собр. 3. Т. XXIX. Отд. 1. С. 261–266). До принятия данного нормативного акта несовершеннолетние содержались в смиренных

или рабочих домах вместе со взрослыми осужденными.

Продолжая анализ развития института изменения условий содержания осужденных к лишению свободы и вида исправительного учреждения, следует отметить Общую тюремную инструкцию 1915 г. [4, с. 201], которая, по сути, стала прототипом правил внутреннего распорядка исправительных учреждений. Так, разд. III указанной инструкции регламентировались не только условия содержания осужденных в тюрьмах, но и порядок их изменения. В частности, п. 295 запрещалось любое смягчение либо осложнение условий содержания осужденных, не предусмотренное законодательством. Пункт 310 предусматривал, что в случае необходимости перевода арестанта в другое учреждение (своего рода изменение вида исправительные учреждения в настоящее время) начальнику тюрьмы, осуществляющей прием, направлялась копия соответствующего постановления. Указанный факт свидетельствовал о документальном оформлении данной процедуры и едином подходе к ее осуществлению.

Рассмотрение советского периода развития института изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы следует начать с анализа постановления Народного комиссариата юстиции РСФСР от 23.07.1918, которым была утверждена временная инструкция «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового». Пунктом 28 инструкции определялись основания изменения условий содержания и вида исправительного учреждения: нарушение порядка и дисциплины либо отказ от работы без уважительных причин. К примеру, к лицам, допускающим систематические нарушения установленного порядка отбывания наказания, применялся перевод в специальные тюрьмы (изоляторы). Однако перевод за правомерное поведение на улучшенные условия содержания либо в исправительное учреждение с меньшим объемом правоограничений не был предусмотрен. Таким образом, изменение вида исправительного учреждения имело исключительно репрессивный характер.

Одним из важных этапов в формировании института изменения условий отбывания наказания посредством перевода в иное исправительное учреждение или изменения условий содержания в рамках одного учреждения стало принятие 2 июля 1926 г. Исправительно-трудового Кодекса Белорусской Советской Социалистической Республики

(ИТК БССР). Это был первый систематизированный нормативный правовой акт, отражавший политику первоначального периода становления Советского государства в сфере исполнения уголовных наказаний.

Продолжая анализ ИТК БССР 1926 г., следует отметить, что в целях планомерного изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы для различных групп осужденных ст. 37 предусматривалось их подразделение на три разряда, в том числе с учетом личности преступника, его принадлежности к определенному социальному классу. Нельзя не отметить, что на современном этапе развития уголовно-исполнительного законодательства зависимость условий отбывания наказания от происхождения и должностного положения осужденного находилась бы в явном противоречии с принципом их равенства перед законом, закрепленным в ст. 6 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК РБ).

В целом положения ИТК БССР 1926 г. носили достаточно передовой характер, поскольку аккумулировали все прогрессивные пенитенциарные идеи. На первое место ставились цели исправления и перевоспитания осужденного. Особое значение уделялось стимулированию правомерного поведения и добросовестного отношения к труду посредством дифференциации на категории. Были введены элементы прогрессивной системы отбывания наказания, связанные с улучшением или ухудшением условий в зависимости от поведения осужденного.

Во второй половине 1930-х гг. деятельность уголовно-исполнительной системы регулировалась ведомственными нормативными актами Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) СССР ограниченного доступа. Проводимая в данный период репрессивная политика государства нашла свое отражение в ряде принятых документов. Так, приказом НКВД СССР от 02.08.1939 была принята Временная инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых колониях [2, с. 37]. Данный документ фактически приостанавливал действие исправительно-трудового кодекса БССР 1926 г., а также отменял все ранее принятые нормативные правовые акты, регламентирующие режим и порядок изменения условий содержания в сторону рассмотрения прав осужденного.

В начале послевоенного периода значительное внимание было уделено оптимизации условий содержания заключенных, что нашло свое отражение в Инструкции

по режиму содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях Министерства внутренних дел (далее – МВД) СССР, введенной в действие 27 марта 1947 г. [3, с. 373]. Указанным документом вводился ряд элементов прогрессивной системы отбывания наказания. В частности, заключенные, содержащиеся в ИТУ усиленного режима, могли быть переведены в порядке применения меры поощрения в ИТУ общего режима по отбытии ими $\frac{1}{3}$ срока наказания. В отношении злостных нарушителей режима предусматривалась возможность их перевода в центральную штрафную колонию или лагерный пункт на срок до трех месяцев. Кроме того, устанавливались раздельное содержание определенных категорий осужденных и ограничение права администрации на применение мер дисциплинарного характера, что свидетельствует о попытках государства ограничить возможность превышения полномочий со стороны администрации учреждений.

На основании решений июльского Пленума ЦК КПСС 1953 г. и XX Съезда партии деятельность ИТУ начала подвергаться кардинальным реформам как в целом, так и в части изменения условий отбывания наказания. В данный период правотворческой деятельности нормативное регулирование порядка исполнения и отбывания наказания постепенно переходит от ведомственных актов к законодательным. Произошла реорганизация исправительно-трудовых лагерей в исправительно-трудовые колонии (ИТК). В 1954 г. восстановлен институт условно-досрочного освобождения, в 1955 г. возобновлено осуществление прокурорского надзора за законностью деятельности органов и учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

В соответствии с Положением об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел СССР, утвержденным Постановлением Совета Министров СССР от 08.12.1958 № 1334 [1, с. 39], в ИТК устанавливалось три вида режима отбывания наказания: общий, облегченный и строгий. Указанные режимы применялись в сторону усиления либо послабления к вновь поступающим заключенным в зависимости от тяжести совершенных ими преступлений и степени их общественной опасности, а к отбывающим наказание – в зависимости от их поведения в период отбывания наказания. ИТК могла иметь один из установленных режимов или подразделения с различными режимами, при этом должна была обеспе-

чиваться изоляция заключенных, содержащихся в подразделениях с различными режимами. Изменение условий отбывания наказания производилось администрацией учреждения. Заключенные, злостно нарушающие режим, если применение к ним мер воспитательного и дисциплинарного характера не давало положительных результатов, подлежали в установленном порядке (в качестве меры взыскания) переводу в тюрьму. В тюрьме, как и на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы, устанавливалось два вида режима – общий и строгий.

Анализируя законодательство, регламентирующее изменения условий содержания и вида исправительного учреждения, следует остановиться на Положении об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД БССР, утвержденном Указом Президиума Верховного Совета БССР 9 сентября 1961 г., которым вводилось четыре вида исправительно-трудовых колоний (общего, усиленного, строгого и особого режимов), предусматривалось отбывание осужденными наказания в виде лишения свободы по возможности в одной и той же колонии с изменением условий содержания по мере их исправления. Характерной особенностью регламентации условий отбывания наказания являлось то, что независимо от вида режима за осужденными должны были осуществляться надзор, проводиться обыск, корреспонденция подвергаться цензуре, посылки и передачи – досмотру. Отдельным заключенным, твердо вставшим на путь исправления, в случае производственной необходимости или для выполнения работ по самообслуживанию разрешалось бесконвойное передвижение при отбытии ими не менее $\frac{1}{3}$ срока наказания.

Рассматриваемый нормативный документ четко закрепил порядок перевода осужденных на улучшенные условия содержания, заключающиеся в повышении размера денежных средств, разрешенных для расходования на приобретение продуктов питания, предоставлении дополнительных свиданий, а также увеличении допустимого количества посылок или передач. Формальным критерием для перевода являлось отбытие (в зависимости от вида ИТК) установленного срока наказания, материальным – примерное поведение и добросовестное отношение к труду.

Началом развития общесоюзного законодательства, регламентирующего условия содержания осужденных к лишению свобо-

ды и порядок их изменения, принято считать Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик 1969 г.

Особенностью указанного нормативного правового акта являлось наличие подробной регламентации института изменения условий содержания осужденных и вида исправительного учреждения. Так, в ст. 22 определялось, что в зависимости от поведения и отношения к труду условия содержания осужденных могли быть изменены как в пределах одного исправительно-трудового учреждения, так и путем перевода в другие исправительно-трудовые учреждения с иным режимом содержания. В первом случае условия содержания осужденных могли быть изменены по постановлению начальника исправительного учреждения, а во втором – только в судебном порядке.

Вступление в силу Основ исправительно-трудового законодательства стало основанием для последующего принятия республиканских исправительно-трудовых кодексов.

16 июля 1971 г. на сессии Верховного Совета был утвержден и 1 января 1972 г. введен в действие Исправительно-трудовой кодекс БССР. Основания и порядок перевода осужденного в зависимости от поведения и отношения к труду в период отбывания наказания из одной ИТК в другую колонию иного вида режима, из колонии в тюрьму, а также из тюрьмы в колонию были урегулированы ст. 53 и 55. К таковым полагается относить переводы в порядке поощрения (из тюрьмы в ИТК, из ИТК особого режима в колонию строгого режима, из ИТК общего, усиленного и строгого режимов в колонию-поселение) и взыскания. К первому законодатель относил переводы. В этой связи ИТК БССР устанавливался минимальный срок отбытия наказания для последующего перевода в другую ИТК.

Изменение условий содержания осужденных в пределах одного учреждения реализовывалось в двух формах: в сторону улучшения правового положения и посредством увеличения объема правоограничений. Следует иметь в виду, что в каждом конкретном виде ИТУ применялись лишь те элементы, которые имели к нему непосредственное отношение.

Как видим, ИТК БССР 1971 г. предусматривал достаточно эффективную систему институтов, которые в тот период обеспечивали цели уголовного наказания.

Указом Президиума Верховного Совета БССР от 29.03.1977 в ИТК БССР были внесе-

ны некоторые дополнения. В частности, был сокращен минимальный срок отбывания наказания, по истечении которого осужденные могли быть представлены к переводу в исправительную колонию-поселение.

Мы полагаем, что ряд прогрессивных идей, закрепленных в уголовно-исполнительном законодательстве советского периода, в настоящее время не потеряли своей актуальности и не только могут, но и должны найти свое отражение в законодательстве Республики Беларусь. В частности, создание на территории учреждения локального участка с обеспечением усиленного уровня надзора в отношении осужденных, допускающих грубые нарушения режима содержания (при условии отсутствия оснований для перевода в тюрьму).

Приведение условий содержания осужденных к международным стандартам впервые было осуществлено в совместном указании МВД и Прокуратуры Республики Беларусь от 04.11.1991 «О некоторых изменениях в режиме содержания в местах лишения свободы осужденных и подследственных заключенных» [6, с. 265]. Одной из норм названного документа предусматривалось сокращение отбытого срока наказания, необходимого для последующего перевода на улучшенные условия содержания (с $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$).

Сравнительно новый этап развития рассматриваемых институтов начался после создания Содружества Независимых Государств (СНГ) и нормотворческой деятельности Межпарламентской Ассамблеи СНГ, являющейся межгосударственным органом Содружества, осуществляющим сотрудничество парламентов государств – участников СНГ [5, с. 13]. Так, 2 ноября 1996 г. был принят модельный Уголовно-исполнительный кодекс для государств – участников СНГ, в котором отдельной нормой представлен порядок изменения вида исправительного учреждения (ст. 74). Согласно отмеченной норме перевод из одного вида исправительного учреждения в другой может быть осуществлен в зависимости от поведения осужденных и их отношения к труду.

Кроме того, ст. 83 установлено, что осужденные в пределах одной исправительной колонии могут находиться на обычных, строгих и облегченных условиях отбывания наказания. При этом для осужденных, содержащихся в тюрьмах, устанавливаются общий и строгий виды режима.

Эти и другие положения модельного кодекса с учетом особенностей правовой си-

стемы в последующем нашли свое широкое применение в белорусском уголовно-исполнительном законодательстве. Развитие указанных институтов дало положительный импульс демократическим преобразованиям, отраженным в УИК Республики Беларусь 2000 г. (УИК РБ), а также позволило шире использовать современные психолого-педагогические средства достижения целей уголовной ответственности.

На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы такие институты, как изменение условий содержания осужденных к лишению свободы в пределах одного исправительного учреждения и изменение вида исправительного учреждения, были выделены в самостоятельные нормы УИК РБ (ст. 68 и 69 соответственно), а также стали характеризовать общие положения исполнения наказания в виде лишения свободы (гл. 10).

Дальнейшая реализация принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания и иных мер уголовной ответственности привела к ряду изменений и дополнений в УИК РБ.

В частности, в 2003 г. ч. 4 ст. 69 УИК РБ была дополнена пунктом, включившим иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно не проживающих в Республике Беларусь, в перечень осужденных, не подлежащих переводу в колонию-поселение. Данное изменение законодательства обусловливалось увеличением числа побегов указанной категории лиц из исправительных колоний-поселений и последующим укрывательством осужденных по месту из постоянного пребывания – за пределами Республики Беларусь.

В 2010 г. в ч. 3 ст. 69 были внесены изменения, согласно которым осужденным к лишению свободы, твердо ставшим на путь исправления, для перевода из исправительных колоний для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, и исправительных колоний для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, в исправительную колонию-поселение необходимо было отбыть $\frac{1}{4}$ срока наказания (вместо ранее установленной $\frac{1}{2}$), назначенного судом за преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление. Это свидетельствовало о движении законодателя в сторону гуманизации условий отбывания наказания в виде лишения свободы.

Таким образом, мы выявили закономерности становления и этапы развития зако-

нодательства в сфере регулирования изменения условий содержания осужденных к лишению свободы и вида исправительного учреждения.

Анализ нормативных правовых актов, издаваемых и применяемых в различные исторические периоды белорусского государства, позволяет сделать следующие выводы:

1. Институт изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы как система сформировался лишь во второй половине XIX в. Это было обусловлено принятием Устава о ссыльных, послужившего основой прогрессивной системы исполнения наказаний. Последовавшее изменение формы государственного устройства потребовало реформирования уголовно-исполнительной системы.

2. Внедрение идей прогрессивной системы отбывания наказания непосредственно связано с периодами формирования в государстве принципов гуманизма и демократии. Наиболее значимыми этапами в развитии норм исследуемого института стало

принятие ИТК БССР 1926 г. (впервые на законодательном уровне подробно был представлен порядок изменения условий содержания и вида исправительного учреждения) и ИТК БССР 1971 г. (определена система отбывания лишения свободы с элементами существенного изменения ее условий).

3. Международные модельные нормы уголовно-исполнительного законодательства стран СНГ в части регулирования изменения осужденным условий отбывания наказания дали положительный импульс демократическим преобразованиям и нововведениям, отразившимся в УИК РБ, а также позволили шире использовать современные средства достижения целей уголовной ответственности.

4. Современный этап развития уголовно-исполнительной системы ознаменовался выделением институтов изменения условий содержания в пределах одного исправительного учреждения и вида исправительного учреждения в самостоятельные нормы УИК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бабаян, С. Л.** Правовое регулирование поощрительных институтов уголовно-исполнительного права (исторический аспект) / С. Л. Бабаян // История государства и права. – 2012. – № 17. – С. 37–41.
2. **Кулешова, Н. Н.** Режим исправительно-трудовых лагерей (СССР 1929–1941) как формация, закрепляющая ограничения прав граждан : монография / Н. Н. Кулешова, А. И. Родионов, Е. И. Христофорова. – Рязань : Концепция, 2015. – 103 с. – ISBN 978-5-4464-0051-5.
3. **Органы и войска МВД России.** Краткий исторический очерк / главный редактор А. Г. Горлов. – Москва : Издательство Объединенной редакции МВД России, 1996. – 464 с.
4. **Пертли, Л. Ф.** Общая тюремная инструкция 1915 года как историко-правовая основа пенитенциарного законодательства / Л. Ф. Пертли // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 2. – С. 199–206.
5. **Сергеев, А. И.** Межпарламентская Ассамблея СНГ как фактор укрепления интеграционного взаимодействия / А. И. Сергеев // Диалог : политика, право, экономика. – 2017. – № 1. – С. 12–25.
6. **Шарков, А. В.** Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь: история и современность : монография / А. В. Шарков. – Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2010. – 322 с. – ISBN 978-985-427-557-4.

REFERENCES

1. Babayan S. L. Pravovoe regulirovanie pooshchritel'nyh institutov ugovolno-ispolnitel'nogo prava (istoricheskij aspekt) [Legal regulation of incentive institutions of penal law (historical aspect)]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*, 2012, no. 17, pp. 37–41. (In Russ.).
2. Kuleshova N. N., Rodionov A. I., Hristoforova E. I. *Rezhim ispravitel'no-trudovyh lagerej (SSSR 1929–1941) kak formaciya, zakrepliyayushchaya ogranicheniya prav grazhdan* [The regime of forced labor camps (USSR 1929–1941) as a formation fixing the restrictions on the rights of citizens]. Ryazan, 2015. 103 p. (In Russ.).
3. Gorlov A. G. (red.) *Organy i vojska MVD Rossii. Kratkij istoricheskij ocherk* [Bodies and troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. A brief historical outline]. Moscow, 1996. 464 p. (In Russ.).
4. Pertli L. F. *Obshchaya tyuremnaya instrukciya 1915 goda kak istoriko-pravovaya osnova penitenciar'nogo zakonodatel'stva* [The general prison instruction of 1915 as the historical and legal basis of penal legislation]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo institute – Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2012, no. 2, pp. 199–206. (In Russ.).
5. Sergeev A. I. *Mezhparlamentskaya Assambleya SNG kak faktor ukrepleniya integracionnogo vzaimodejstviya* [CIS Interparliamentary Assembly as a factor in strengthening integration interaction]. *Dialog: politika, pravo, ekonomika – Dialogue: politics, law, economics*, 2017, no. 1, pp. 12–25. (In Russ.).
6. SHarkov A. V. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Respubliki Belarus': istoriya i sovremennost'* [The penal system of the Republic of Belarus: history and modernity]. Minsk, 2010. 322 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10005

УДК 343.01

Вопросы дифференциации в механизме уголовно-правового воздействия: постановка проблемы

И. В. ДВОРЯНСКОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

А. П. ФИРСОВА – прокурор отдела по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних прокуратуры г. Москвы, кандидат юридических наук

Реферат

В статье анализируются негативные тенденции в конструировании уголовного законодательства, исследуется этимология термина «дифференциация», очерчивается круг смежных проблем (криминализация, юридическая техника, механизм уголовно-правового воздействия), определяется алгоритм дифференцированного подхода к правоограничению средствами уголовного права.

Действующему уголовному законодательству недостает лаконичности, терминологической однозначности, понятийной уникальности и последовательности. В связи с этим первоочередными задачами уголовно-правовых исследований являются конкретизация законодательства, толкование его смысла и структурирование содержания.

Видятся обоснованными проведение содержательного анализа уголовно-правовых норм, выявление функционального значения образованных ими институтов и установление субординации последних. Одним из решений обозначенной проблемы может стать применение специальной технической терминологии (механизм, дифференциал, дифференциация).

Дифференциацию в уголовном праве целесообразно рассматривать в структуре механизма уголовно-правового воздействия. Этимологический разбор данной категории позволяет заключить следующее: дифференциация в уголовном праве есть деление уголовно-правового воздействия (правоограничения) на отдельное, частное, нетождественное по своим качественным и количественным признакам, установление принуждения при разных условиях, детерминированных общеправовыми принципами (гуманизма, справедливости, экономии репрессии и пр.).

Наибольшую сложность в плане установления соотношения правовых средств дифференциации уголовно-правового воздействия представляют вопросы разграничения проблем криминализации и квалификации преступлений.

Представляется, что значение дифференциации уголовно-правового воздействия выходит за рамки содержательных последствий совершения общественно опасного деяния. Подобно математическому дифференциалу, производится конкретизация институтов и осуществляется дальнейшее совершенствование уголовно-правовых норм, выстроенных в порядке взаимодействия при первоначальном избрании и последующей реализации уголовно-правового воздействия.

Условно постоянной величиной при дифференциации уголовно-правового воздействия можно назвать санкцию статьи Особенной части УК РФ, содержащую типовой объем государственного принуждения за совершение типового общественно опасного деяния.

За переменную величину могут быть приняты используемые в зависимости от определенных условий (юридических фактов) приращения либо исключения правоограничений, корректирующие при избрании судом типовое уголовно-правовое воздействие.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие; механизм уголовно-правового воздействия; уголовная ответственность; наказание; дифференциация в уголовном праве.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Differentiation issues in the mechanism of criminal law influence: statement of the problem

I. V. DVORYANSKOV – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

A. P. FIRSOVA – Prosecutor of the Department for Supervision over Adherence to Laws of the Procurator's Office in Moscow, PhD. in Law

Abstract

The article analyzes the negative trends in the construction of criminal legislation, examines the etymology of the term "differentiation", outlines a range of related problems (criminalization, legal technique, the mechanism of criminal law exposure), determines an algorithm for a differentiated approach to restriction of law by the means of criminal law.

The current criminal law lacks conciseness, terminological uniqueness, conceptual uniqueness and consistency. In this regard the priority tasks of criminal law research are the specification of legislation, the interpretation of its meaning and the structuring of content.

It seems reasonable to conduct a meaningful analysis of criminal law, identify the functional significance of the institutions it has established and establish the subordination of the latter. One of the solutions of this problem may be the use of special technical terminology (mechanism, differential, differentiation).

Differentiation in criminal law should be considered in the structure of the mechanism of criminal law influence. The etymological analysis of this category allows us to conclude the following: differentiation in criminal law is a division of the criminal law influence (legal restrictions) into a separate, private, non-identical in its qualitative and quantitative characteristics; the establishment of coercion under different conditions determined by general legal principles (humanism, justice, the economy of repression, etc.).

The greatest difficulty in terms of establishing the correlation of legal means of differentiating criminal law exposure is represented by the issues of delimiting criminalization and qualification of crimes.

It seems that the significance of differentiating criminal law exposure goes beyond the meaningful consequences of committing a socially dangerous act. Similar to the mathematical differential the institutes are concretized, and the criminal law norms are further improved, built in the order of interaction during the initial election and the subsequent implementation of the criminal law influence.

A conditionally constant value for the differentiation of criminal law exposure can be called the sanction of the article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, containing the typical amount of state coercion for the commission of a typical socially dangerous act.

For a variable value increments or exclusions of legal restrictions that are used, depending on certain conditions (legal facts) can be taken, which correct a typical criminal legal effect when a court elects it.

Key words: criminal law influence; criminal law mechanism; criminal liability; punishment; differentiation in criminal law.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Понятие уголовно-правового воздействия является системообразующим в теории уголовного права. Четкое определение его границ и содержания позволяет рассматривать взаимообусловленность уголовно-правовых явлений, устанавливать объемы смежных понятий, отслеживать формально-логические и корреляционные связи. Новые возможности для уголовно-правовых исследований предоставляют техничные научные конструкции, например механизм действия права.

Механизм уголовно-правового воздействия предлагается понимать как абстрактную конструкцию, имеющую прикладное научно-практическое значение и представляющую собой модель реакции государства на совершение общественно опасного деяния в развитии, исходя из системной организации сущности, временных границ, содержания, объекта и предмета уголовно-правового принуждения [11; 12; 13].

Само уголовно-правовое воздействие и его механизм суть различные правовые

категории, поскольку в модели механизма уголовно-правового воздействия рассматриваются не только сами меры правоограничения, но и служебные по отношению к ним институты, регламентирующие вопросы избрания таких мер, установления первоначального объема и последующей коррекции их содержания.

Значение такого рода исследований не вызывает сомнений. Действующему уголовному законодательству недостает техничности изложения. За последнее десятилетие кодекс еще более отошел от лаконичности, краткости формулировок, терминологической однозначности, понятийной уникальности и последовательности.

К примеру, уже в ст. 2–4 УК РФ применительно к смежным понятиям используется дублирующая терминология: уголовная ответственность, наказание, иные меры уголовно-правового характера, иные уголовно-правовые последствия. При этом законодательное определение дается лишь наказанию.

Можно выявить ряд уголовно-правовых положений, избыточных по своей конкретизации, смысл которых предполагается изложением основного уголовно-правового правила. В качестве примера можно привести ст. 63.1 УК РФ, содержащую положение о применении общего порядка назначения наказания в случае нарушения лицом досудебного соглашения о сотрудничестве.

Согласно ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии таких смягчающих обстоятельств, как явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления, и при отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ. Если санкцией предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, эти виды наказания не применяются, а наказание в виде лишения свободы не может превышать двух третей от максимального в санкции.

Сама формулировка данных уголовно-правовых норм предполагает применение конкретизирующей уголовно-правовое воздействие нормы о его смягчении при условии наличия конкретных обстоятельств

(фактических и уголовно-процессуальных), с которыми связано такое преобразование уголовно-правового воздействия подлежащей применению санкции статьи Особенной части УК РФ в сторону сокращения объема правоограничительного влияния на правовой статус лица, совершившего преступление.

В роли данных условий выступают: во-первых, имевший место юридический факт, связанный с вышеперечисленными активными действиями совершившего преступление лица и, во-вторых, юридический факт об установлении особых уголовно-процессуальных отношений (досудебное соглашение о сотрудничестве). Для применения нормы о сокращении уголовно-правового воздействия на момент его избрания обязательно установление обоих обстоятельств, каждое из которых не должно утратить своей актуальности.

Таким образом, несоблюдение любого из двух условий изменения правоограничения ведет к сохранению первоначального объема санкции. Следовательно, конкретизация положения ст. 63.1 УК РФ, закрепляющего порядок назначения наказания в случае нарушения досудебного соглашения о сотрудничестве, является излишней. Согласно указанной норме, если установлено, что заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве лицом были предоставлены ложные сведения или сокрыты от следователя либо прокурора какие-либо иные существенные обстоятельства совершения преступления, суд назначает наказание в общем порядке без применения положений ч. 2–4 ст. 62, ст. 64 УК РФ. Данная уголовно-правовая норма не содержит нового правила, это, скорее, толкование и разъяснение других уголовно-правовых норм.

Такое уточнение вполне оправданно в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, но в самом уголовном законе оно избыточно, поскольку лишь размывает и усложняет структуру кодекса.

Казуистичным и бессистемным видится подход законодателя к регламентации уголовно-правового воздействия в зависимости от наличия рецидива преступления. Законодателем явно обозначена тенденция к существенному ужесточению уголовно-правовой реакции на преступное деяние, совершенное в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетнего, что на фоне общей лояльности к рецидивной преступности, а также ситуации с охраной иных объектов применительно к несовер-

шеннолетним (жизни и здоровья, например) вызывает у криминалистов недоумение [7].

Казуистичностью характеризуются не только отдельные нормы Особенной части УК РФ [1], но и нормы его Общей части. К примеру, нормы, закрепляющие обязанность пройти курс лечения от наркомании, становятся многофункциональным институтом, когда обязанность возлагается совокупно с наказанием и составляет содержание условного осуждения либо отсрочки отбывания наказания (ст. 72.1, ч. 5 ст. 73, 82.1 УК РФ соответственно).

Так, при назначении ряда наказаний, не связанных с изоляцией от общества (штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы), на лицо, признанное больным наркоманией, судом может быть возложена обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию.

С криминологической точки зрения эта мера вполне оправданна. Во-первых, по данным статистики ФСИН России за 2017 г., из числа состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях 3,68 % человек больны наркоманией, из них ранее судимы 56,13 %, повторно совершили преступления после постановления на учет 6,51 %. Во-вторых, употребление наркотиков увеличивает вероятность совершения повторных преступлений вследствие снижения самоконтроля и возобладания биологических инстинктов над социальными установками.

Более того, из числа лиц, состоявших на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, 1,12 % совершили преступления в состоянии наркотического опьянения, из них 48,04 % ранее имели судимости, в отношении 6,24 % осужденных данной категории возбуждены уголовные дела за преступления, совершенные после постановления на учет.

Справедливости ради следует сказать, что схожая статистика наблюдается в отношении лиц, страдающих алкоголизмом. Заболевание алкоголизмом отмечается у 1,17 % осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, из них ранее имели судимости 46,68 %, а повторные преступления совершили 6,91 %. В состоянии алкогольного опьянения совершили преступления 12,49 % осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией осужденных от общества, из них ранее имели су-

димости 44,11 %, а повторные преступления совершили 3,68 %.

Однако анализируемая норма на больных алкоголизмом не распространяется. Хотя типовые приемы юридической техники и последовательное их законодательное использование существенно упростили бы структуру УК РФ, позволили привести к единообразию судебную практику.

Сложность правоприменения заключается в том, что при отбытии основного наказания осужденные фактически перестают исполнять возложенную на них обязанность пройти лечение. Этому способствует правовая неопределенность относительно взаимосвязи исполнения наказания и назначенной дополнительно обязанности. Как правило, данные правоограничения исполняются одновременно. Примером может служить исполнение при условном осуждении обязанностей, которые назначаются в соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации. Суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению. При этом исполнение данных обязанностей неразрывно связано с условным осуждением и осуществляется в рамках испытательного срока. Более того, полагаем, что эти обязанности составляют содержание рассматриваемой меры. Этот вывод подтверждается и тем, что уклонение от исполнения возложенных обязанностей квалифицируется как нарушение режима условного осуждения и является основанием наступления ответственности, а также в определенных случаях отмены условного осуждения.

Аналогично регламентируется применение принудительных мер медицинского характера. Более того, их исполнение подкреплено уголовно-правовой гарантией, предусмотренной в ст. 314 УК РФ «Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера».

Возвращаясь к мере, предусмотренной ст. 72.1 УК РФ, отметим, что указанной нормой контроль за исполнением осужденным

обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию возложен на уголовно-исполнительные инспекции. Вместе с тем механизм такого контроля, основания его прекращения, средства воздействия на осужденного в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве четко не прописаны.

На практике возникают вопросы: прекращается ли реализация обязанности осужденного пройти лечение при отбытии им основного наказания? как учитывать таких лиц (как осужденных, как отбывших наказание, или как-то иначе)? В силу этого представляется необходимым придать указанной мере самостоятельный характер и отнести ее к принудительным мерам медицинского характера с соответствующим уголовно-исполнительным и обеспечительным порядком [3].

Таким образом, каждая из уголовно-правовых норм, обязывающих (либо поощряющих) пройти курс лечения от наркомании, работает самостоятельно, с точки зрения юридической техники здесь не просматривается единства терминологии, что имеет несомненное значение не только для решения вопросов обыденного уяснения смысла законодательства и повышения общей превенции уголовно-правовых норм, но и для единообразного и обоснованного правоприменения. Принципиальным отличием указанных положений выступает характер обязанности в механизме уголовно-правового воздействия. Применительно к ст. 82.1 УК РФ рассматриваемая норма является поощрительной условной формой освобождения от отбывания наказания, желательной для субъекта, претерпевающего уголовно-правовые ограничения. Во всех остальных случаях обязанность пройти курс лечения составляет содержание комплекса лишений и ограничений прав, применяемого судом принудительно, независимо от желания субъекта.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что первоочередной задачей уголовно-правовых исследований является конкретизация действующего уголовно-правового законодательства, толкование его смысла и структурирование содержания.

По общеотраслевой терминологии элементы механизма уголовно-правового воздействия (формы, меры) следует именовать правовыми средствами. Правовыми средствами могут считаться не все уголовно-правовые институты и отдельные нормы, касающиеся регулирования вопросов

о применении мер уголовно-правового характера. Необходим избирательный, дифференцированный подход. Видятся обоснованными проведение содержательного анализа уголовно-правовых норм, выявление функционального значения образованных ими институтов и установление субординации последних.

Термин «дифференциация» традиционно употребляется в уголовном праве в контексте уголовной ответственности и наказания. Поскольку исследовательская база дифференциации уголовно-правового воздействия ограничена, с определенной долей условности можно принять за основу имеющиеся модели дифференциации смежных понятий.

Так, Л. Л. Кругликов и А. В. Васильевский под дифференциацией уголовной ответственности понимают разделение, расщепление последней в уголовном законе на различные уголовно-правовые последствия. При этом дозировка уголовной ответственности производится с учетом определенного рода обстоятельств, целью ее является создание для правоприменителя желаемого режима при определении меры (вида и размера) ответственности за совершенное правонарушение [4, с. 56, 62].

Авторами предложено разделять средства и обстоятельства дифференциации. К средствам дифференциации уголовной ответственности отнесено все, что служит разделению, расщеплению, градации последней. Рассматриваются средства дифференциации ответственности нормами Общей части УК РФ и средства дифференциации ответственности нормами его Особенной части. В числе первых названы категории преступлений, освобождение от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующим основаниям, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, и др. Дифференциация уголовной ответственности в Особенной части УК РФ осуществляется посредством квалифицированных составов (квалифицирующих признаков) и соответствующих им новых рамок наказуемости; использования специальных видов освобождения от уголовной ответственности; относительно определенных, альтернативных и кумулятивных санкций; допущения возможности (факультативности) применения дополнительных наказаний [4, с. 63–64].

Следует заметить, что в данной теории категория дифференциации не является системообразующей. Содержание понятия формируется посредством перечисления

институтов и норм, влияющих на избрание и конкретизацию уголовно-правовых мер. Различается дифференциация оснований уголовной ответственности, формы (вида) ответственности, объема уголовной ответственности и уголовного наказания [4, с. 59].

Е. В. Рогова рассматривает дифференциацию уголовной ответственности в двух аспектах: во-первых, как «разделение мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, на основании характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного в целях достижения баланса между строгостью ответственности за тяжкие преступления и мягкостью за преступления, не представляющие большой общественной опасности», во-вторых, как осуществляемый законодателем «метод уголовно-правовой политики, цель которого состоит в достижении максимального учета при закреплении уголовно-правовых норм, дифференцирующих уголовную ответственность, степени и характера общественной опасности преступления, определенных личных характеристик виновного и условий, способствующих совершению преступления» [8].

Понятийный аппарат дифференциации уголовной ответственности, по мнению Е. В. Роговой, образуют такие категории, как виды, средства, основания, критерии дифференциации. К сожалению, содержание данных понятий автором не раскрывается [8].

В уголовно-правовой литературе можно встретить и иные подходы к систематизации и реализации механизма уголовно-правового воздействия.

В. М. Степашин рассматривает механизм уголовно-правового воздействия сквозь призму экономии мер уголовной репрессии. Он считает, что это есть основополагающий принцип, содержание которого по объему гораздо шире, чем общие начала назначения наказания (ст. 60 УК РФ), и не сводится к содержанию принципов гуманизма, дифференциации ответственности, а также принципов уголовной политики. «Экономия репрессии как уголовно-правовая идея предполагает отказ от применения наиболее репрессивных мер в рамках уголовной ответственности, а равно от применения самой уголовной ответственности, поскольку исходит из презумпции достижения всех целей уголовной ответственности более экономичным, а потому оптимальным и наиболее рациональным путем» [10].

По мнению В. М. Степашина, экономия репрессии базируется на следующих положениях:

1) презумпция обоснованности уголовно-правового запрета и презумпция обоснованности самого применения мер уголовно-правового воздействия;

2) возможность выбора правоприменительного решения «в рамках разумной свободы судейского усмотрения»;

3) условный характер репрессий, при котором применение наиболее щадящей меры государственного принуждения должно компенсироваться механизмом обеспечения ее реализации (вплоть до установления возможности замены избранной меры на более строгую и (или) криминализации наиболее опасных форм уклонения осужденного от отбывания меры воздействия);

4) минимизация негативного влияния применяемой репрессии на правовое (и фактическое) положение других участников возникающих при этом отношений (потерпевшего, членов семьи на иждивении осужденного и т. д.) [10].

При этом, используя терминологию В. М. Степашина, нормативно установленные средства или конкретно-юридические основания минимизации репрессии разнообразны и включают в себя пределы уголовно-правового воздействия в целом и в отношении отдельных уголовно-правовых мер, правила назначения наказания и прочие уголовно-правовые институты [10].

Можно заметить в этом некоторое сходство с конструкцией дифференциации ответственности, однако объем понятия не ограничен рамками привлечения к уголовной ответственности и проблемы дифференциации составляют лишь один из аспектов экономии мер уголовной репрессии. Автором выявляются определенные иерархические связи между смежными институтами, обосновывается некий алгоритм установления и избрания правоограничения в ответ на совершение общественно опасного деяния.

Не со всеми приведенными положениями можно согласиться. Представляется, что сам выбор термина «экономия мер уголовной репрессии» не совсем удачен, тем более субординация и соотношение уголовно-правовых принципов составляют самостоятельную проблему.

Исходя из изложенного, основные проблемы теории дифференциации в уголовном праве можно сформулировать следующим образом:

– обоснованность криминализации деяния и соотношение данного процесса с дифференциацией уголовно-правового воздействия;

– вариативность уголовно-правового воздействия, превышающего объемы понятий мер правоограничения при уголовной ответственности и наказании;

– принадлежность к дифференциации уголовно-правового воздействия отдельных институтов и уголовно-правовых норм;

– границы судебного усмотрения в решении вопроса об избрании уголовно-правового воздействия;

– пределы постпенитенциарного изменения уголовно-правового воздействия;

– терминологический аппарат дифференциации правоограничений в уголовном законодательстве и теории уголовного права.

Принимая во внимание этимологию, полагаем, что наиболее обоснованно применение термина «дифференциация» именно к уголовно-правовому воздействию, а не к уголовной ответственности.

Содержательное наполнение уголовной ответственности как обязанности претерпевания государственного принуждения и субъективного восприятия уголовно-правовых мер сложно поддается делению средствами уголовно-правовых категорий и явно выходит за рамки уголовно-правового регулирования.

Кроме того, терминологическое сочетание «дифференциация уголовной ответственности» явно не охватывает все вариации уголовно-правовой реакции на совершение общественно опасного деяния (в частности, принудительные меры медицинского характера), в связи с чем в специальной литературе стало использоваться наряду с данным понятие «дифференциация ответственности в уголовном праве» [4, с. 55].

Представляется необходимым формально упорядочить средства уголовно-правовой дифференциации, используя категориальные возможности механизма уголовно-правового воздействия и учитывая этимологию данного терминологического сочетания.

В самом общем виде под дифференциацией понимается операция деления на части, однако аналогичное значение имеют и иные специальные термины (классификация, например). Однако нас интересует узкоспециальное, а затем и юридическое применение термина «дифференциация». Изначально это слово использовалось в ма-

тематике, где термин «дифференциал» (от лат. *differentia*, фр. *differentiation* – разность, различие) означал бесконечно малое количество, различный, неодинаковый при разных условиях, а «дифференцировать» – расчленить целое на различные части, формы и ступени, различить отдельное, частное [5, с. 266; 6, с. 163; 9, с. 208–209].

Дифференциал – это, во-первых, линейная функция, приближенно равная некоторой функции в окрестности какой-нибудь точки или а) главная линейная часть приращения зависимой переменной величины (функции), приближенно выражающая значение этого приращения, б) приращение независимой переменной величины (аргумента); во-вторых, механизм, дающий возможность расположенным на одной оси вращающимся деталям двигаться с разной скоростью для совместной работы (специальная, техническая терминология), устройство, позволяющее получать результирующее движение как сумму или разность составляющих движений, в счетно-решающих механизмах используется для выполнения операции сложения [2, с. 438].

Отсюда дифференциация в уголовном праве есть деление уголовно-правового воздействия (правоограничения) на отдельное, частное. Результатом указанной операции не обязательно будут равные величины, скорее напротив, нетождественные по своим качественным и количественным признакам категории. Дифференциация сродни механизму, однако на первый план в данном случае выступает неравное применение принуждения при разных условиях, обусловленное неравенством как выражение общеправовых принципов (гуманизма, справедливости, экономии репрессии и т. д.).

Условно постоянной величиной дифференциации в уголовном праве можно назвать санкцию статьи Особенной части УК РФ, содержащую типовой объем государственного принуждения за совершение типового общественно опасного деяния.

За переменную величину могут быть приняты используемые при наличии определенных условий (юридических фактов) приращения либо исключения правоограничений.

Представляется, что значение дифференциации уголовно-правового воздействия выходит за рамки содержательных последствий совершения общественно опасного деяния. Подобно математическому дифференциалу производятся конкретизация институтов и дальнейшее совершенствование уголовно-правовых норм, выстроенных в

порядке взаимодействия при первоначальном избрании и последующей реализации уголовно-правового воздействия.

Наибольшую сложность в аспекте соотношения правовых средств дифференциации уголовно-правового воздействия составляют вопросы разграничения проблем криминализации и квалификации. Санкция уголовно-правовой нормы является конструктивным признаком состава преступления, а проблема обоснованности санкций и уголовно-правового запрета в целом в том или ином контексте затрагивается криминалистами при рассмотрении понятия дифференциации в уголовном праве [8; 10].

Детерминирующая связка «общественно опасное деяние – уголовно-правовое воздействие» несомненна, при этом обратной связи не предполагается, данная зависимость односторонняя, поскольку невозможно мерами уголовно-правового воздействия повлиять на состоявшийся юридический факт (общественно опасное деяние). Коррекции подвергается лишь посткриминальное поведение субъекта, в то время как охранительным потенциалом действия уголовно-правовой нормы превентивно определяется желательное поведение неограниченного круга лиц.

Осуществляя криминализацию деяния, законодатель косвенно создает предпосылки дифференцированного воздействия, однако это разные правовые явления, как сущностно, так и по целеполаганию, в связи с чем они не могут осуществляться как единая правовая деятельность.

Все изложенное свидетельствует о том, что недопустимо смешивать категории

дифференцирующих и квалифицирующих уголовно-правовых признаков как одноправленных средств уголовно-правовой юридической техники.

Отсюда к определению дифференциации средствами норм Общей и Особенной частей уголовного закона необходимо подходить весьма осторожно. Подчеркнем, установление признаков преступного неравнозначно дифференцированному подходу к уголовно-правовому воздействию.

Таким образом, проблемы дифференциации в уголовном праве целесообразно рассматривать в структуре механизма уголовно-правового воздействия. Этимология данной категории позволяет заключить следующее: дифференциация в уголовном праве есть деление уголовно-правового воздействия (правоограничения) на отдельное, частное, нетождественное по своим качественным и количественным признакам. Дифференциация есть установление принуждения при разных условиях, детерминированных общеправовыми принципами.

Условно постоянной величиной дифференциации в уголовном праве можно назвать санкцию статьи Особенной части УК РФ, содержащую типовой объем государственного принуждения за совершение типового общественно опасного деяния.

За переменную величину могут быть приняты используемые при наличии определенных условий (юридических фактов) приращения либо исключения правоограничений, корректирующие типовое уголовно-правовое воздействие при его первоначальном избрании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бавсун, М. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: современное состояние и перспективы развития / М. В. Бавсун // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 6. – С. 3–6.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. Том 1. А–З / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1981. – 699 с.
3. Дворянсков, И. В. Уклонение осужденного от обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую (или) социальную реабилитацию / И. В. Дворянсков // Уголовно-исполнительная система сегодня : материалы всероссийской научно-практической конференции (17–18 октября 2018 года) / ответственный редактор кандидат педагогических наук, доцент А. Г. Чириков. – Новокузнецк : ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2018. – С. 66–68. – ISBN 978-5-91246-100-2.
4. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. – 300 с.
5. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – Москва : Эксмо, 2005. – 944 с. – ISBN 5-699-08073-2.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азъ, 1995. – 928 с.
7. Прохоров, Л. А. Дифференциация уголовной ответственности при рецидиве преступлений: соотношение законодательных подходов в нормах Общей и Особенной части УК РФ / Л. А. Прохоров, М. Л. Прохорова, Е. А. Жарких // Российский следователь. – 2018. – № 6. – С. 23–26.
8. Рогова, Е. В. Дифференциация уголовной ответственности / Е. В. Рогова // Российский следователь. – 2014. – № 21. – С. 30–32.
9. Современный словарь иностранных слов. – Москва : Русский язык, 2000. – 742 с.
10. Степашин, В. М. Содержание принципа экономии репрессии / В. М. Степашин // LexRussica. – 2017. – № 11. – С. 24–37.
11. Фирсова, А. П. Объект уголовно-правового воздействия : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. П. Фирсова. – Ульяновск, 2008. – 227 с.

12. Чучаев, А. И. Содержание уголовно-правового воздействия / А. И. Чучаев, А. П. Фирсова // LexRussika. – 2009. – № 5. – С. 1125–1140.
13. Чучаев, А. И. Уголовно-правовое воздействие: сущность и характеристика / А. И. Чучаев, А. П. Фирсова // LexRussika. – 2008. – № 6. – С. 1330–1347.

REFERENCES

1. Bavsun M. V. *Differenciaciya ugovnoj otvetstvennosti za prestupleniya protiv sobstvennosti: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Differentiation of criminal liability for crimes against property: current status and development prospects]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2016, no. 6, pp. 3–6. (In Russ.).
2. Dal', V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka v 4 tomah. Tom 1* [Explanatory dictionary of living great Russian language in 4 vol. Vol. 1]. Moscow, 1981. 699 p. (In Russ.).
3. Dvoryanskov I. V. *Uklonenie osuzhdenного ot obyazannosti proyti lechenie ot narkomanii i medicinskuyu i (ili) social'nyu rehabilitatsiyu* [Evasion of the convict from the obligation to undergo treatment for drug addiction and medical and (or) social rehabilitation]. *Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Ugovno-ispolnitel'naya sistema segodnya»* [Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Penal System Today»]. Novokuznetsk, 2018, pp. 66–68. (In Russ.).
4. Kruglikov L. L., Vasil'evskij A. V. *Differenciaciya otvetstvennosti v ugovnom prave* [Differentiation of liability in criminal law]. St. Petersburg, 2002. 300 p. (In Russ.).
5. Krysin L. P. *Tolkovyy slovar' inoyazychnyh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow, 2005. 944 p. (In Russ.).
6. Ozhegov S. I., SHvedova N. YU. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1995. 928 p. (In Russ.).
7. Prohorov L. A., Prohorova M. L., ZHarkih E. A. *Differenciaciya ugovnoj otvetstvennosti pri recidive prestuplenij: sootnoshenie zakonodatel'nyh podhodov v normah Obshchej i Osobnoy chasti UK RF* [Differentiation of criminal liability in relapse: correlation of legislative approaches in the norms of the General and Special part of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Rossijskij sledovatel' – Russian investigator*, 2018, no. 6, pp. 23–26. (In Russ.).
8. Rogova E. V. *Differenciaciya ugovnoj otvetstvennosti* [Differentiation of criminal liability]. *Rossijskij sledovatel' – Russian investigator*, 2014, no. 21, pp. 30–32. (In Russ.).
9. *Sovremennyy slovar' inostrannyh slov* [Modern dictionary of foreign words]. Moscow, 2000. 742 p. (In Russ.).
10. Stepashin V. M. *Soderzhanie principa ekonomii repressii* [The content of the principle of saving repression]. *LexRussica*, 2017, no. 11, pp. 24–37. (In Russ.).
11. Firsova A. P. *Ob'ekt ugovno-pravovogo vozdejstviya. Diss. kand. jurid. nauk* [Object of criminal law impact. Diss. PhD. in Law]. Ulyanovsk, 2008. 227 p. (In Russ.).
12. CHuchaev A. I., Firsova A. P. *Soderzhanie ugovno-pravovogo vozdejstviya* [The content of the criminal law impact]. *LexRussica*, 2009, no. 5, pp. 1125–1140. (In Russ.).
13. CHuchaev A. I., Firsova A. P. *Ugovno-pravovoe vozdejstvie: sushchnost' i harakteristika* [Criminal law impact: essence and characteristics]. *LexRussica*, 2008, no. 6 pp. 1330–1347. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10006

УДК 343.22

Ретроспективный анализ понятий «преступление» и «субъект преступления»

О. Ю. КРЮКОВА – старший научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

В статье рассмотрена история развития в российском уголовном праве одного из значимых элементов состава преступления – субъекта преступления, его обязательных признаков, а также понятия «преступление».

Анализ развития российского уголовного законодательства позволяет сделать вывод, что становление и совершенствование понятий «преступление» и «субъект преступления» происходят в зависимости от особенностей развития государства. Понятие преступления впервые появилось в XVIII в., а окончательно сформировалось в начале XX в., после чего не претерпело существенных изменений.

Определение возраста уголовной ответственности – достаточно сложная проблема, которая по-разному решалась в различные исторические периоды. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. закрепили положение о наступлении уголовной ответственности с 16 лет, а за отдельные виды преступлений – с 14 лет, что нашло отражение в УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г. Дальнейшие изменения касались лишь расширения и уточнения перечня преступлений, за которые уголовная ответственность наступала с 14 лет.

Несмотря на то что вменяемость является одним из существенных признаков субъекта преступления, определение данного понятия не получило закрепления в российском законодательстве. В уголовном праве употребляется противоположный термин – невменяемость. Необходимо отметить, что УК РФ 1996 г., в отличие от прежнего законодательства, содержит более развернутую и совершенную формулировку понятия невменяемости.

Ключевые слова: преступление; субъект преступления; уголовное законодательство; возраст субъекта преступления; вменяемость.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Retrospective analysis of the concepts of crime and the subject of crime

O. YU. KRYUKOVA – Senior Researcher of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

Abstract

The article discusses the history of the development in Russian criminal law of one of the significant elements of the offense – the «subject of the crime», its mandatory features, as well as the concept of «crime».

An analysis of the development of Russian criminal legislation allows us to conclude that the formation and improvement of the concepts of crime and the characteristics of the subject of crime occurs depending on the characteristics of the development of the state. The concept of crime first appeared in the 18th century, and finally formed at the beginning of the 20th century, after which it did not undergo significant changes.

Determining the age of criminal responsibility is a rather complicated problem that was solved differently in different historical periods. The fundamentals of the criminal legislation of the USSR and Union Republics of 1958 established the provision on criminal liability from 16 years of age, and for certain types of crimes from 14 years of age, which was reflected in the Criminal Code of the RSFSR in 1960 and the Criminal Code of 1996. Further changes only concerned expanding and clarifying the list of crimes for which criminal liability has occurred since 14 years.

Despite the fact that sanity is one of the essential features of the subject of a crime, the definition of this concept has not been enshrined in Russian law. In criminal law the opposite term is used – insanity. It should be noted that the Criminal Code of 1996, unlike the previous legislation, contains a more detailed and improved formulation of the concept of insanity.

Key words: crime; subject of crime; criminal law; age of the subject of the crime; sanity.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

В соответствии с уголовным правом России субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, совершившее преступление, предусмотренное уголовным законодательством.

В истории российского уголовного законодательства вопросы вменяемости и возраста наступления уголовной ответственности решались по-разному. Необходимо отметить, что невозможно изучить процесс изменения толкований терминологического сочетания «субъект преступления» без исторического анализа самого понятия преступления.

Анализируя памятники древнерусского права, приходим к выводу, что понятие преступления рассматривалось как «материальное зло»; само слово «преступление» еще не употреблялось [11, с. 253–254]. Первое упоминание о преступных действиях встречается в летописях и договорах Руси с Византией IX–X вв., где находим сведения о караемых государством криминальных посягательствах, которые именуются «злыми делами» [6, с. 214].

В науке традиционно считается, что первая попытка определить преступное деяние была осуществлена в старейшем законодательном акте Древней Руси – Русской Прав-

де, где причинение вреда личности называется «обидой» [6, с. 214]. Так, в частности, в ст. 4 сказано: «Аще утнеть мечем, а не вынем его, либо рукоятью, то 12 гривен за обиду» [7, с. 47]. Таким образом, из статьи следует, что удар мечом в ножнах или рукоятью расценивался как оскорбление.

В этот период отсутствовала дифференциация преступных деяний в зависимости от осуществления их несовершеннолетними или лицами, достигшими совершеннолетия, умалишенными или людьми, находящимися в здравом рассудке, в результате чего независимо от личности совершившего «обидное» деяние и условий его совершения оно одинаково влекло соответствующее равное наказание [11, с. 254].

Субъектами преступлений, то есть лицами, способными отвечать за криминальные действия, по мнению В. А. Рогова, могли быть лишь свободные люди. Это связано с тем, что за совершение любого преступления в качестве наказания, по Русской Правде, назначался штраф или иное имущественное взыскание, для чего требовалось наличие собственности, обладателями которой были только свободные люди. Холопы и зависимые люди собственности не имели, соответственно, в случае совершения ими преступного деяния не могли нести ответственности, поэтому за них отвечали их хозяева [6, с. 215].

В. Г. Павлов также отмечает, что из анализа таких памятников русского права, как Русская Правда, Кормчая книга, Судебник 1958 г., можно определенно сделать вывод, что субъектом преступного деяния является только физическое лицо – человек [5, с. 36].

Редакция Псковской судной грамоты, как и Русская Правда, не содержит особого термина для обозначения понятия преступления, но в то же время из содержания конкретных статей грамоты можно сделать вывод, что под преступлением подразумевается не только вред, причиненный частному лицу, но и государству в целом. В частности, в ст. 7 сказано: «А крим(с)кому татю и коневому и переветник и зажигальнику тем живота не дати» [7, с. 47]. Данная статья перечисляет наиболее опасные для того периода времени преступления против государства, караемые смертной казнью: измена, поджог, кража из Кремля (кримская), конокрадство. Кроме того, Псковская судная грамота в значительной степени учитывает различия возраста и пола, например, в статьях о судебных поединках с целью уравнивания физических возможностей противников: «а

против послуха... стар или млад...» (ст. 21) [7, с. 333], «а на котром человеке имуть сочести долгу по доскам, или жонка, или детина, или стара, или немощна, или чем безвечен, или чернец, или черница, ино им наймита волно наняти...» (ст. 36) [7, с. 335].

Если Русская Правда относила к преступным только те деяния, которые причиняли непосредственный ущерб конкретному человеку – его личности или имуществу, то Судебник 1497 г. под преступлением понимал в том числе и действия, которые в той или иной степени угрожали государству в целом и поэтому запрещались законом. Так, например, в ст. 9 говорится: «А государскому убойце и кромольнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигальнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью». Так же как ст. 7 Псковской судной грамоты, ст. 9 Судебника 1497 г. перечисляет особо опасные преступления против государства и церкви, а также преступные деяния, совершаемые феодально-зависимым населением против своих господ. Расширился и круг субъектов права. Холоп теперь считается способным самостоятельно отвечать за свои поступки [7, с. 9]. Возраст наступления правосубъектности по-прежнему не был отчетливо определен. Вместе с тем, по мнению В. А. Рогова, минимальным возрастом привлечения к уголовной ответственности являлся семилетний возраст. Это связано с тем, что преступление рассматривалось как грех, а в соответствии с православными канонами (ортодоксальной церкви в России) считалось, что человек несет ответственность за свои грехи с семи лет. Полную уголовную ответственность в XV–XVII вв. несли женщины, достигшие 12-летнего возраста, и мужчины – с 14 лет, поскольку это возраст вступления в брак (по церковным законам), а также приобретения всех соответствующих имущественных и семейных прав [6, с. 227].

Дальнейшее развитие и уточнение изучаемых понятий получило в Соборном уложении 1649 г., в котором под преступлением стало пониматься всякое противление царской воле, нарушение предписаний и правопорядка, установленного государством. Ответственность за уголовное преступление несли все лица феодального общества: бояре и дворяне, с одной стороны, крестьяне и холопы – с другой. Вместе с тем по-прежнему оставался четко выраженным основной принцип феодального права – права-привилегии, в соответствии с которым степень наказания определялась в

зависимости от сословно-социальной принадлежности потерпевшего и преступника: за равные преступные деяния наказание было тем сильнее, чем выше положение потерпевшего и ниже – преступника [4, с. 294].

Четкого упоминания о возрасте наступления уголовной ответственности в уголовном праве не встречается и в этот период.

Собственно термин «преступление» впервые появляется в Указе от 14.01.1704 «О наказании за измену и бунт смертию, а за меньшие преступления кнутом и ссылкой в каторжную работу вечно или только на десять лет» и используется для определения наиболее опасных деяний [2, с. 731].

Необходимо отметить, что в период царствования Петра I мало говорилось о возрасте лица, совершившего преступление. По-прежнему существовало правило не применять наказания до семилетнего возраста, смягчать его для лиц, которые не достигли 15 лет, в то же время в этих случаях могли применяться телесные кары. В середине XVIII в. возраст малолетства устанавливался в 17 лет для мужчин и 12 лет для женщин. Кроме того, в Петровскую эпоху закон устанавливал, что психические больные освобождаются от наказаний [6, с. 238].

В. А. Рогов отмечает, что в это время преступники в основном подлежали безжалостному искоренению, а вопросы, связанные с возрастом и вменяемостью субъекта преступления, практически не были разрешены [8, с. 231].

6 июня 1765 г. был принят Указ Правительствующего Сената «О производстве дел уголовных, учиненных несовершеннолетними, и о различии наказания по степени возраста преступников», определивший 17-летний возраст, недостижение которого смягчает или устраняет наказание [1, с. 121].

Статья 1 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. определяет преступление как «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц, есть преступление». Таким образом, преступление понимается как противозаконное деяние, посягающее на сущность и устройство власти и правления, на порядок, определенный для общества, на его безопасность и безопасность частных лиц [9, с. 174].

Субъектом преступления являлось вменяемое лицо, достигшее 10-летнего возраста (ст. 143) [10, с. 201]. Статья 143 также гласит: «дети, коим более семи, но менее десяти

лет отроду, и которые не имеют еще надлежащего о своих обязанностях разумения, не подвергаются определенному в законах наказанию, но отдаются родителям или благонадежным родственникам для строгого за ними присмотра, исправления и наставления...» [9, с. 202]. Это же правило распространялось и на лиц в возрасте от 10 до 14 лет. В ст. 144–147 определено смягчение наказания в разных степенях для несовершеннолетних разных возрастных групп (от 10 до 14 лет, от 14 лет до 21 года) [9, с. 202].

Уголовное уложение 1903 г. определяло преступление как «деяние, воспрещенное во время его учинения законом, под страхом наказания» (ст. 1) [10, с. 256]. Субъектом преступления признавалось лицо (вменяемое и физическое), достигшее 10-летнего возраста (ст. 40). Законодатель также предусматривал ситуацию «уменьшенной» вменяемости, относящейся к лицам в возрасте от 10 до 17 лет (ст. 41) [10, с. 284].

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. преступление определялось как «нарушение порядка общественных отношений, охраняемых уголовным правом» (ст. 5) [3, с. 440]. Указывалось, что несовершеннолетние до 14 лет не подлежат суду и наказанию. К ним могли применяться лишь воспитательные меры. Такие же меры предусматривались в отношении лиц переходного возраста (14–18 лет), действующих без разумения (ст. 13). Не подлежали уголовной ответственности лица, совершившие деяния в состоянии душевной болезни; к ним применялись лишь лечебные меры и меры предосторожности (ст. 14).

В соответствии со ст. 6 УК РСФСР 1922 г. и ст. 6 УК РСФСР 1926 г. под преступлением понималось общественно опасное действие или бездействие, направленное против советского строя и правопорядка.

Относительно вопроса о невменяемости указывалось, что наказанию не подлежат лица, совершившие преступление в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройств душевной деятельности, или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не могут отдавать себе отчета в своих действиях, а равно и те, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения или приведения приговора в исполнение заболел душевной болезнью. К таким лицам могли применяться лишь меры социальной защиты (ст. 17 УК 1922 г.; ст. 11 УК 1926 г.).

Также данными уголовными кодексами наказание не применялось к малолетним до

14 лет, а также всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, в отношении которых признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия.

В последующий период общего ужесточения и распространения репрессий в целях быстрой ликвидации преступности среди несовершеннолетних законом от 07.04.1935 «О Мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» была установлена ответственность в отношении лиц, достигших 12-летнего возраста, совершивших кражу, причинение насилия, телесных повреждений, увечий, убийство или попытку убийства с применением всех видов уголовного наказания.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10.12.1940 «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов» устанавливалась ответственность несовершеннолетних, достигших 12-летнего возраста, за совершение действий, которые могли вызвать крушение поездов (развинчивание рельсов, подкладывание на рельсы различных предметов и т. п.), с применением всех мер уголовного наказания.

В 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности несовершеннолетних» была установлена уголовная ответственность несовершеннолетних, достигших 14-летнего возраста, за преступления, не предусмотренные постановлением ЦИК и Совнаркома СССР от 07.04.1935 и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10.12.1940.

Статья 7 Основ уголовного законодательства 1958 г. [12, с. 30] содержала развернутое определение преступления: «Преступлением признается предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно и иное, посягающее на социалистический правопорядок, общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом».

В данном документе содержался новый подход к решению вопроса о возрасте наступления уголовной ответственности. В соответствии со ст. 10 уголовной ответственности подлежали лица, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет.

Несовершеннолетние лица, совершившие преступление в возрасте от 14 до 16

лет, несли уголовную ответственность только за совершение убийства, умышленного нанесения телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья, изнасилования, разбоя, кражи, злостного хулиганства, умышленного повреждения или уничтожения имущества, повлекшего тяжкие последствия, умышленного совершения действий, могущих вызвать крушение поезда. Основы уголовного законодательства 1958 г. предусматривали возможность неприменения к несовершеннолетнему в возрасте до 18 лет мер уголовного наказания, если суд сочтет достаточным воздействие на него мерами воспитательного характера (ст. 10).

Также более четко было закреплено, что не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими в силу хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния. К такому лицу могут быть применены принудительные меры медицинского характера (ст. 11).

Аналогичный подход по изучаемым проблемам наблюдается в УК РСФСР 1960 г.

Действующий УК РФ содержит предельно краткую дефиницию преступления: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» (ст. 14).

Субъектом преступления признается физическое, вменяемое лицо, достигшее предусмотренного уголовным законом возраста. В отдельных, указанных законом случаях оно должно обладать и дополнительными специальными признаками (ст. 19).

Что касается возраста субъекта преступления, то действующий уголовный кодекс сохраняет дифференцированный подход. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо, которому до совершения преступления исполнилось 16 лет (ст. 20). Это возраст является общим для субъектов всех преступлений, за исключением специальных составов, субъектами которых могут быть, как правило, лица, достигшие совершеннолетия, хотя законом это обстоятельство специально не оговорено.

За отдельные преступления уголовная ответственность установлена с 14 лет. В ч. 2 ст. 20 УК РФ содержится подробный перечень преступных деяний, за совер-

шение которых уголовная ответственность наступает с 14 лет. Кроме того, законодатель указал возрастным признаком субъекта преступления и в других составах, когда ответственность наступает с 18 лет (ст. 134, 135, 150, 151, ч. 2 ст. 157 и др.).

Статья 21 УК РФ дает более точную формулировку понятия невменяемости по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Уголовный закон содержит два критерия невменяемости: медицинский и юридический. Медицинский критерий подразумевает наличие у лица хронического психического заболевания, временно психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния. Юридический критерий представляет собой невозможность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий/бездействий (интеллектуальный признак) и неспособность руководить ими (волевой признак).

Анализ развития российского уголовного законодательства позволяет сделать вывод о том, что становление и совершенствование понятий «преступление» и «субъект преступления» происходило в зависимости от особенностей развития государства. Понятие преступления впервые появилось в XVIII в., а окончательно сформировалось в

начале XX в., после чего не претерпевало существенных изменений.

Определение возраста уголовной ответственности – достаточно сложная проблема, которая по-разному решалась на протяжении истории развития нашего государства. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. закрепили положение о наступлении уголовной ответственности с 16 лет, а за отдельные виды преступлений – с 14 лет, что нашло отражение в УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г. Дальнейшие изменения касались лишь расширения и уточнения перечня преступлений, за которые уголовная ответственность наступала с 14 лет.

Несмотря на то что невменяемость является одним из существенных признаков субъекта преступления, определение данного понятия не получило своего закрепления в российском законодательстве. В уголовном праве употребляется противоположный термин – невменяемость. Необходимо отметить, что УК РФ 1996 г., в отличие от прежнего законодательства, содержит более развернутую и совершенную формулировку понятия невменяемости.

Проанализировав все вышесказанное, приходим к выводу, что исследуемые в статье вопросы требуют дальнейшего изучения и совершенствования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Васильев, А. В.** Законодательство и правовая система дореволюционной России : учебное пособие для вузов / А. В. Васильев ; под редакцией С. А. Комарова. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 224 с. – ISBN 5-463-00002-6.
2. **Владимирский-Буданов, М. В.** Обзор истории русского права / М. В. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. – 640 с. – ISBN 5-7333-0172-4.
3. История государства и права России в документах и материалах. С древнейших времен по 1930 г. – 2-е изд. – Минск : Амалфея, 2003. – 640 с. – ISBN 985-441-334-9.
4. **Маньков, А. Г.** Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России / А. Г. Маньков. – Москва, 2003. – 317 с. – ISBN 5-85209-117-0.
5. **Павлов, В. Г.** Субъект преступления / В. Г. Павлов. – Москва ; Санкт-Петербург, 1999. – С. 318. – ISBN 5-94201-045-5.
6. **Рогов, В. А.** История государства и права России IX – начала XX вв. / В. А. Рогов. – Москва : Зерцало, ТЕИС, 1995. – 263 с. – ISBN 5-7218-0026-0.
7. Российское законодательство X–XX веков : в 9 томах. Том 1. Законодательство Древней Руси. – Москва : Юридическая литература, 1984. – 432 с. – ISBN 5-7260-0009-9.
8. Российское законодательство X–XX веков : в 9 томах. Том 3. Акты Земских соборов. – Москва : Юридическая литература, 1985. – 432 с. – ISBN 5-7260-0009-9.
9. Российское законодательство X–XX веков : в 9 томах. Том 6. Законодательство первой половины XIX века. – Москва : Юридическая литература, 1988. – 432 с. – ISBN 5-7260-0154-0.
10. Российское законодательство X–XX веков : в 9 томах. Том 9. Законодательство эпохи буржуазных революций. – Москва : Юридическая литература, 1994. – 352 с. – ISBN 5-7260-0712-3.
11. **Сергеевич, В. И.** Лекции и исследования по древней истории русского права / В. И. Сергеевич. – Москва : Зерцало, 2004. – 488 с. – ISBN 978-5-458-01729-9.
12. Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик (Основные законодательные акты) : сборник / под редакцией профессора Д. С. Кареева. – Москва : Госюриздат, 1957. – 531 с.

REFERENCES

1. Vasil'ev A. V. *Zakonodatel'stvo i pravovaya sistema dorevolucionnoy Rossii* [Legislation and the legal system of pre-revolutionary Russia]. St. Petersburg, 2004. 224 p. (In Russ.).
2. Vladimirs'kiy-Budanov M. V. *Obzor istorii russkogo prava* [Overview of the history of Russian law]. Rostov-on-Don, 1995. 640 p. (In Russ.).
3. *Istoriya gosudarstva i prava Rossii v dokumentah i materialah. S drevnejshih vremen po 1930 g.* [The history of the state and law of Russia in documents and materials. From ancient times to 1930]. Minsk, 2003. 640 p. (In Russ.).

4. Man'kov A. G. *Ulozhenie 1649 g. – kodeks feodal'nogo prava Rossii* [Laying 1649 – Code of feudal law of Russia]. Moscow, 2003. 317 p. (In Russ.).
5. Pavlov V. G. *Sub'ekt prestupleniya* [Subject of crime]. Moscow; St. Petersburg, 1999. 318 p. (In Russ.).
6. Rogov V. A. *Istoriya gosudarstva i prava Rossii IX – nachala XX vv.* [The history of the state and law of Russia in the 9th – early 20th centuries]. Moscow, 1995. 263 p. (In Russ.).
7. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov v 9 tomah. Tom 1. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi* [Russian legislation of the 10th–20th centuries in 9 vol. Vol. 1. Legislation of Ancient Russia]. Moscow, 1984. 432 p. (In Russ.).
8. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov v 9 tomah. Tom 3. Akty Zemskih soborov* [Russian legislation of the 10th–20th centuries in 9 vol. Vol. 3. Acts of Zemsky Cathedrals]. Moscow, 1985. 432 p. (In Russ.).
9. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov v 9 tomah. Tom 6. Zakonodatel'stvo pervoj poloviny XIX veka* [Russian legislation of the 10th–20th centuries in 9 vol. Vol. 6. Legislation of the first half of the XIX century]. Moscow, 1988. 432 p. (In Russ.).
10. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov v 9 tomah. Tom 9. Zakonodatel'stvo epohi burzhuaznyh revolyucij* [Russian legislation of the 10th–20th centuries in 9 vol. Vol. 9. Legislation of the era of bourgeois revolutions]. Moscow, 1994. 352 p. (In Russ.).
11. Sergeevich V. I. *Lekcii i issledovaniya po drevnej istorii russkogo prava* [Lectures and studies on the ancient history of Russian law]. Moscow, 2004. 488 p. (In Russ.).
12. Kareev D. S. (red.) *Ugolovnoe zakonodatel'stvo Soyuza SSR i soyuznyh respublik (Osnovnye zakonodatel'nye akty)* [Criminal Legislation of the USSR and Union Republics (Basic legislative acts)]. Moscow, 1957. 531 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10007

УДК 343

Смертная казнь: за и против

М. Ю. ДВОРЕЦКИЙ – доцент кафедры правовых дисциплин Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

А. И. АНАПОЛЬСКАЯ – доцент кафедры правовых дисциплин Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук

Реферат

В статье рассматривается такая форма реализации уголовной ответственности, как смертная казнь. Предметом научного исследования выступает комплекс теоретических и практических аспектов, связанных с генезисом данного вида наказания.

Авторы анализируют позиции ученых о назначении смертной казни и эффективности ее реализации. В публикации приводятся примеры из отечественной следственно-судебной практики, связанные с наиболее резонансными уголовными делами и приговорами к данному виду наказания. Статья содержит результаты репрезентативных социологических исследований, проводившихся в нашей стране по вопросу отмены или сохранения смертной казни в уголовном законодательстве.

В качестве вывода предложены рекомендации авторов отечественному законодателю по дальнейшей нормативной регламентации данного вида наказания в современной правовой системе в соответствии с международными обязательствами и ситуацией в Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовная ответственность; вид формы реализации уголовной ответственности; проблема теории и правоприменительной практики; уголовно-правовое отношение; оптимизация предупреждения преступности; эффективная реализация; смертная казнь; наказание.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Death penalty: for and cons

M. YU. DVORETSKY – Associate Professor of the Chair of Legal Disciplines of the Tambov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD. in Law, Associate Professor;

A. I. ANAPOLSKAYA – Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Tambov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD. in Law

Abstract

The article considers such a form of implementation of criminal liability as the death penalty. The subject of scientific research is a set of theoretical and practical aspects related to the genesis of this type of punishment.

The authors analyze the position of scientists on the appointment of the death penalty and the effectiveness of its implementation. The publication provides examples from domestic investigative-judicial practice related to the most resonant criminal cases and sentences to this type of punishment. The article contains the results of representative sociological studies conducted in our country on the issue of abolishing or maintaining the death penalty in criminal law.

As a conclusion authors' recommendations are proposed to the domestic legislator on further regulatory regulation of this type of punishment in the modern legal system in accordance with international obligations and the situation in the Russian Federation.

Key words: criminal liability; type of implementation of criminal liability; the problem of theory and law enforcement practice; criminal law relation; crime prevention optimization; effective implementation; the death penalty; punishment

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

В настоящее время существует необходимость повышения эффективности отечественной системы наказаний посредством сокращения применения таких их видов, доминирующих по частоте назначения российскими судами, как ограничение и лишение свободы на определенный срок, за счет корреляции регламента их реализации в правоприменительной практике. Считаем маловероятным усовершенствовать ныне действующую систему наказаний, включающую смертную казнь, продолжительное время являющуюся неназначаемой исключительной мерой наказания. Российские разработчики сократили число общественно опасных деяний с 35 до 5, объединенных общностью объекта: жизнь потерпевшего (ч. 2 ст. 105 УК РФ), жизнь потерпевших, которые имеют статус государственного, общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), должностное лицо, осуществляющее правосудие или предварительное следствие (ст. 295 УК РФ), сотрудник правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) и геноцид (ст. 357 УК РФ). Статья 59 современного уголовного закона позиционируется в качестве альтернативной меры к менее суровым наказаниям в виде лишения свободы и пожизненного лишения свободы и, в отличие от УК РСФСР 1960 г., не предусматривает назначение смертной казни женщинам, несовершеннолетним, 65-летним мужчинам, лицам, выданным России иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности [28].

Согласно ч. 1 ст. 59 УК РФ виновный приговаривается судом к смертной казни лишь за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь потерпевшего. Смертная казнь применяется как единственная уголовно-правовая мера, лишаящая приговоренного жизни, является необратимым последствием, не позволяющим исправить судебную ошибку, исключает возможность дифференциации характера и степени тяжести содеянного, предусмотренного Особенной частью УК РФ, не устанавливает судимость умерщвленного, конституционно гарантируется в качестве исключительной, вынужденной и временной уголовно-правовой меры до ее отмены. Априори исключительность характеристик данного вида наказания определяется наличием целого ряда правовых ограничений его назначения только основаниями, которые отягчают виновно содеянное субъектом, отражая наличие особенностей, подтверждающих повышенную общественную опасность именно данного преступления и лица, его совершившего, поэтому назначение смертной казни должно в обязательном порядке быть обосновано в судебном приговоре любой инстанции, включая и высшую, представленную Верховным Судом.

К началу 1990-х гг., после реформирования системы наказаний, сократилось число исполняемых смертных казней. В 1991 г. данная мера была назначена 147 лицам, что составило 0,02 % от зарегистрированных преступлений, но не приведена в исполнение, в 1992 г. – 159 (0,02 %) и казнено 18 чел., в 1993 г. – 157 (0,01 %) и 10 чел., в

1994 г. – 160 (0,01 %) и 10 чел., в 1995 г. – 143 (0,01 %) и 40 чел. соответственно. В 1996 г. к смертной казни были приговорены 153 чел. (0,01 %), в 1997 г. – 106 (0,01 %), в 1998 г. – 113 (0,01 %), однако исполнение казней в эти годы официальной статистикой не зафиксировано [19]. Членство в Совете Европы привело к отказу от данного вида наказания с 1997 г., на него был объявлен мораторий в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 16.05.1996 № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» и распоряжением от 27.02.1997 № 53-рп. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1999 № 3-П запретило назначение смертной казни на всей территории страны. Гарантируя соблюдение конституционных положений, Президент России 1 июня 1999 г. помиловал последнего приговоренного к смертной казни.

В настоящее время не сложилась оптимальная ситуация для того, чтобы данный вид наказания, сохраняемый в системе наказаний и продолжительное время не реализуемый, был скорректирован. Это вызывает постоянную научную полемику о целесообразности сохранения смертной казни как в системе наказаний, так и в структуре УК РФ в каком-либо ином качестве. Научной основой данной дискуссии выступила философско-правовая концепция Чезаре Беккариа, проявившаяся в критическом направлении невключения смертной казни в законодательство. Беккариа и его последователи идеологически обосновали положения договорной теории происхождения государства, согласно которой никто не имеет права распоряжаться жизнью другого [3, с. 125–131]. Это вызвало спор о морально-этических и социально-юридических аспектах целесообразности смертной казни в правовых системах государств. Сторонниками включения в правовые системы и расширения применения данного вида наказания среди отечественных правоведов были О. И. Горегляд [6], С. И. Баршев [2], С. Е. Десницкий [8] и другие ученые. Противоположная позиция была обоснована Н. С. Таганцевым [30], В. Д. Спасовичем [27], А. Ф. Кистяковским [17], С. В. Познышевым [26] и их последователями – С. С. Алексеевым [1] и С. Е. Вициным [5], и развита Н. А. Стручковым [29], И. И. Карпецом [14], С. Г. Келиной [15; 16], В. К. Дуюновым [11] и С. В. Жильцовым [12].

Назначение смертной казни – это жесткая, негуманная мера, противоречащая

всему перечню основополагающих личных прав, предусмотренных Всеобщей Декларацией прав человека и Пактом о гражданских и политических правах. Наказание реализуется посредством узаконенного умерщвления приговоренного государством, хотя моральные правомочия у последнего отсутствуют и не исключается совершение судебных ошибок. Так, в общей теории права констатируется, что «человеческая цивилизация на современном уровне ее развития призвана утвердить – и в торжественных декларативных формулах, и во всех своих практических проявлениях – абсолютную священность человеческой жизни и реально вытекающую недопустимость смертной казни [1, с. 337]. А. В. Орлов замечает, что «данный вид наказания в итоге предусматривает лишение человека наиболее ценного блага, его жизни, за совершение лицом только лишь особо тяжкого преступления, связанного с посягательством на жизнь человека, и является соответствующим образом “необходимой обороной” общества от совершения наиболее тяжких преступлений» [25, с. 59].

На наш взгляд, наказание, реализуемое в таком виде, фактически не устрашает правонарушителей, не удерживает потенциальных убийц от реализации задуманного. Мы солидарны с имеющимся в теории уголовного права мнением о более существенном превентивном воздействии иных наказаний: штрафа, лишения свободы на определенный срок, а также исправительных работ. А. С. Михлин подтверждает низкую общую предупредительную степень воздействия наказания в виде смертной казни [23, с. 32–39]. Однако можно с уверенностью говорить об абсолютной эффективности специальной превенции. С. Ф. Милюков отмечает, что среди 3054 осужденных, приговоренных американскими судами к смертной казни, убийцами были признаны лишь 8,5 %, а сохранение им жизни может непосредственно привести к смерти 260 сограждан. В отношении современной российской действительности ученым был сделан неоптимистичный вывод о том, что если в 1998 г. рост убийств был еще 0,9 %, то годом позже, после объявления моратория, достиг 4,4 % [21, с. 163]. Следовательно, наличие смертной казни устрашает замышляющих убийства, удерживает от их совершения.

Мы не должны игнорировать судебные ошибки, опосредованные допущениями судебного субъективизма [5, с. 10], поскольку ошибки возможны в любой сфере деятель-

ности человека. По логике сторонников отмены смертной казни, «нужно было бы запретить хирургические операции, ибо врач тоже может убить пациента скальпелем из-за недостатка профессионализма... Ошибочный приговор может быть исправлен многочисленными контрольными инстанциями...» [4, с. 38]. Актуальность указанной проблемы отражает «Витебское дело», в ходе расследования которого по ошибке был расстрелян невиновный и незаконно осужден другой человек, ставший в итоге инвалидом. Многолетнее расследование в результате все же установило серийного убийцу – Геннадия Модестовича Михасевича, в 1971–1985 гг. убившего 36 женщин. Практически одновременно были совершены следственно-судебные ошибки, приведшие к тому, что был лишен жизни еще один, также ни в чем невиновный человек, наказанный за деяния Чикатило. А. С. Михлин отмечает, в чем в судебно-следственной практике имеются лишь немногочисленные примеры реально ошибочного применения смертной казни как вида наказания [24, с. 142]. Однако «это не повод ради искоренения недостатков ставить под угрозу всю систему наказаний и отменять смертную казнь... Суждения, порожденные желанием ее отменить из-за неизбежности ошибок, в том числе имеющих судьбоносное значение, рождаются под влиянием некоторых обративших на себя внимание частных случаев, а не в результате взвешенной оценки всех возможных положительных и отрицательных положений...» [25, с. 60].

Считаем, что достижение цели отмены смертной казни возможно посредством эффективного воздействия отличной от нее по содержанию государственно-принудительной меры воздействия на осужденных. Альтернативой в данном случае может служить, по общему мнению отечественных криминалистов, наказание в виде пожизненного лишения свободы, несмотря на полемичность его соответствия принципу гуманизма и фактически сохраняющую у осужденного возможность совершать преступления по освобождению. В. В. Мальцев выступает за сохранение и назначение смертной казни, обосновывая свою позицию тем, что данное наказание является наиболее эффективным возмездием за содеянное виновным [20, с. 106]. Большинство граждан, участвовавших в исследованиях общественного мнения по рассматриваемой проблематике, традиционно высказываются за сохранение смертной казни в отечественном зако-

нодательстве. По данным опроса ВЦИОМ, 72 % респондентов выступали за сохранение указанного вида наказания, если совершено особо тяжкое деяние, 9 % – против [13, с. 199]. Другая группа социологов провела исследование среди экспертов – представителей судейского корпуса и правоохранительных органов – для выяснения отношения к применению смертной казни в случаях, когда совершено особо тяжкое преступление. За целесообразность применения рассматриваемой меры наказания высказались 89,1 % опрошенных [10]. Схожую позицию занимают и другие регулярно интервьюируемые россияне [23, с. 161–162].

Разнообразные мнения сторонников и противников смертной казни позволяют нам прогнозировать продолжение дискуссий о необходимости ее сохранения в отечественном законодательстве. Современная криминогенная обстановка, проявляющаяся в росте посягательств, представляющих повышенную общественную опасность, прежде всего умышленных убийств, преступлений террористического и экстремистского характера, совершенных группой лиц по предварительному сговору, обязывает законодателя научно обоснованно подходить к целесообразности отмены смертной казни, даже если перспективность этого будет асимметрично существующей действительности. Так, С. Г. Келина соглашается с данным подходом [16, с. 329]. В свою очередь С. В. Жильцов предполагает, что «полная отмена взаимосвязана с умышленными убийствами, социально-психологическим отношением граждан к возможности отмены, заменой пожизненным заключением» [12, с. 450–451]. Несмотря на то что в отечественной науке высказывается неразделяемое большинством криминалистов [11] мнение об окончательной отмене смертной казни [22], в действительности имеются лишь далекие перспективы этой возможности [23].

Изменения, сделанные законодателем в отношении смертной казни, вполне логично вызвали рост числа осужденных к пожизненному лишению свободы, в том числе приговоренных за совершение умышленного убийства с отягчающими обстоятельствами. В результате «миллионы граждан не только пострадали, но принуждаются государством отрывать от себя и детей часть зарплаты на их содержание... Ведь наказывая матерого преступника пожизненным заключением, мы тем самым наказываем

всех остальных членов общества» [18, с. 11]. Экспертами-психологами, исследовавшими пенитенциарные учреждения, констатировалось, что, отбыв в одиночной камере 10–15-летний срок, заключенный утрачивает социально полезные навыки, перестает быть психически нормальным человеком вследствие полной физической и умственной деградации [9, с. 24]. И. И. Карпец определяет это как «пожизненное мучение, узаконивать которое государство не вправе ввиду безнравственности» [14, с. 361].

Назначение пожизненного лишения свободы предусмотрено законодательством также за посягательство на общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность. Разделяя данный

концептуальный подход, считаем неоправданным расширение сферы применения пожизненного лишения свободы (например, включать его, как предлагает С. Ф. Милюков, в санкции составов за особо крупный либо сверхкрупный размер хищений [21, с. 12–13]). Нецелесообразно, на наш взгляд, применять после лишения свободы, когда виновный не угрожает жизни или общественной безопасности.

Таким образом, признавая юридико-технические несовершенства наказания в виде смертной казни, отметим его высокий превентивный потенциал и бесперспективность изъятия из отечественной системы наказаний, исходя из современной криминогенной ситуации в Российской Федерации [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеев, С. С.** Жизнь – абсолютная ценность / С. С. Алексеев // Смертная казнь: за и против / под редакцией С. Г. Келиной. – Москва : Юридическая литература, 1989. – С. 336–338. – ISBN 5-7260-0150-8.
2. **Баршев, С. И.** Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях / С. И. Баршев. – Москва : Университетская типография, 1841. – 269 с.
3. **Беккариа, Ч.** О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – Москва : ИНФРА-М., 2004. – 184 с. – ISBN 5-16-001961-8.
4. **Бойков, А.** О смертной казни / А. Бойков // Законность. – 1999. – № 8. – С. 36–38.
5. **Видин, С. Е.** Время казнить в России закончилось? / С. Е. Видин // Российская юстиция. – 1999. – № 3. – С. 10–12.
6. **Горегляд, О. И.** Опыт начертания российского уголовного права / О. И. Горегляд. – Санкт-Петербург : Типография Иос. Иоаннесова, 1815. – 224 с.
7. **Дворецкий, М. Ю.** Эффективная реализация уголовной ответственности как оптимальное средство предупреждения преступлений и преступности : монография / М. Ю. Дворецкий ; под научной редакцией Б. Т. Разгильдеева. – Тамбов : Издательство ТГУ, 2009. – 667 с. – ISBN 978-5-89016-473-5.
8. **Десницкий, С. Е.** Слово о причинах смертных казней по делам криминальным / С. Е. Десницкий. – Москва : Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1770. – 26 с.
9. **Дзигарь, А. Л.** Уголовные наказания: эволюция и перспективы : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. Л. Дзигарь. – Ростов-на-Дону, 2001. – 28 с.
10. **Добренков, В. И.** Молчание погубит нас / В. И. Добренков // Советская Россия. – 2002. – 10 сентября.
11. **Дуюнов, В. К.** Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике / В. К. Дуюнов. – Курск : РОСИ, 2000. – 504 с. – ISBN 5-88995-031-2.
12. **Жильцов, С. В.** Смертная казнь в истории России / С. В. Жильцов ; ответственный редактор В. С. Комиссаров. – Москва : Зерцало-М, 2002. – 464 с. – ISBN 5-94373-030-3.
13. **Жильцов, С. В.** Смертная казнь в России. История. Политика. Право / С. В. Жильцов, А. В. Малько. – Москва : Норма, 2003. – 224 с. – ISBN 5-89123-696-6.
14. **Карпец, И. И.** Польза или зло? / И. И. Карпец // Смертная казнь: за и против / под редакцией С. Г. Келиной. – Москва : Юридическая литература, 1989. – С. 350–366. – ISBN 5-7260-0150-8.
15. **Келина, С. Г.** Когда убивает государство: смертная казнь против прав человека / С. Г. Келина. – Москва : Прогресс, 1989. – 421 с. – ISBN 5-01-002441-1.
16. **Келина, С. Г.** Смертная казнь в системе уголовной политики // Смертная казнь: за и против / под редакцией С. Г. Келиной. – Москва : Юридическая литература, 1989. – С. 322–333. – ISBN 5-7260-0150-8.
17. **Кистяковский, А. Ф.** Исследование о смертной казни / А. Ф. Кистяковский. – Тула : Автограф, 2000. – 188 с. – ISBN 5-89201-022-8.
18. **Кузьмин, С. И.** Пожизненное лишение свободы: взгляд со всех сторон / С. И. Кузьмин // Человек: преступление и наказание. – 1999. – № 2. – С. 11.
19. **Лунеев, В. В.** Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ВолтерсКлувер, 2005. – 912 с. – ISBN 5-466-00098-1.
20. **Мальцев, В. В.** Терроризм: проблемы уголовно-правового регулирования / В. В. Мальцев // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 104–107.
21. **Милюков, С. Ф.** Российская система наказаний / С. Ф. Милюков ; под редакцией Б. В. Волженкина. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998. – 48 с. – ISBN 5-89094-068-6.
22. **Милюков, С. Ф.** Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа : монография / С. Ф. Милюков. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2000. – 279 с. – ISBN 573200551.
23. **Михлин, А. С.** Высшая мера наказания. История, современность, будущее / А. С. Михлин. – Москва : Дело, 2000. – 176 с. – ISBN 5-7749-0205-6.
24. **Михлин, А. С.** Смертная казнь – быть ли ей в России? / А. С. Михлин // Журнал российского права. – 1998. – № 10–11. – С. 138–147.
25. **Орлов, А. В.** Смертная казнь / А. В. Орлов // Юрист. – 1999. – № 1. – С. 58–63.

26. Познышев, С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права / С. В. Познышев. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издание А. А. Карцева, 1912. – 664 с.
27. Спасович, В. Д. Избранные труды и речи / В. Д. Спасович. – Тула : Автограф, 2000. – 494 с. – ISBN 5-89201-008-2.
28. Стромов, В. Ю. Система уголовных наказаний: история развития, сущность, цели, применение и эффективность : монография / В. Ю. Стромов, М. Ю. Дворецкий ; под научной редакцией Б. Т. Разгильдеева. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. – 513 с. – ISBN 978-5-89016-318-9.
29. Стручков, Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью / Н. А. Стручков. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1978. – 288 с.
30. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 томах. Том 2 / Н. С. Таганцев. – Москва : Наука, 1994. – 393 с. – ISBN 5-02-012941-0.

REFERENCES

- Alekseev S. S. ZHizn' – absolynutnaya cennost' [Life is absolute value]. *Smertnaya kazn': za i protiv* [Death Penalty: Pros and Cons]. Moscow, 1989, pp. 336–338. (In Russ.).
- Barshev S. I. *Obshchie nachala teorii i zakonodatel'stv o prestupleniyah i nakazaniyah* [General principles of the theory and legislation on crimes and punishments]. Moscow, 1841. 269 p. (In Russ.).
- Bekkaria CH. *O prestupleniyah i nakazaniyah* [About crimes and punishments]. Moscow, 2004. 184 p. (In Russ.).
- Bojkov A. O smertnoj kazni [About the death penalty]. *Zakonnost' – Legality*, 1999, no. 8, pp. 36–38. (In Russ.).
- Vicin S. E. Vremya kaznit' v Rossii zakonchilos'? [Is the time to execute in Russia over?]. *Rossiyskaya yusticiya – Russian justice*, 1999, no. 3, pp. 10–12. (In Russ.).
- Goreglyad O. I. *Opyt nachertaniya rossijskogo ugolovnogogo prava* [Experience in the writing of Russian criminal law]. St. Petersburg, 1815. 224 p. (In Russ.).
- Dvoreckij M. YU. *Effektivnaya realizaciya ugolovnoj otvetstvennosti kak optimal'noe sredstvo preduprezhdeniya prestuplenij i prestupnosti* [Effective implementation of criminal liability as an optimal means of crime and crime prevention]. Tambov, 2009. 667 p. (In Russ.).
- Desnickij S. E. *Slovo o prichinah smertnyh kaznej po delam kriminal'nym* [A word about the causes of capital punishment in criminal cases]. Moscow, 1770. 26 p. (In Russ.).
- Dzigar' A. L. *Ugolovnye nakazaniya: evolyuciya i perspektivy. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Criminal Punishments: Evolution and Perspectives. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Rostov-on-Don, 2001. 28 p. (In Russ.).
- Dobren'kov V. I. Molchanie pogubit nas [Silence will destroy us]. *Sovetskaya Rossiya – Soviet Russia*, 2002, September 10th. (In Russ.).
- Duyunov V. K. *Problemy ugolovnogogo nakazaniya v teorii, zakonodatel'stve i sudebnoj praktike* [Problems of criminal punishment in theory, law and judicial practice]. Kursk, 2000. 504 p. (In Russ.).
- Zhil'cov S. V. *Smertnaya kazn' v istorii Rossii* [The death penalty in the history of Russia]. Moscow, 2002. 464 p. (In Russ.).
- Zhil'cov S. V., Mal'ko A. V. *Smertnaya kazn' v Rossii. Istoriya. Politika. Pravo* [The death penalty in Russia. History. Politics. Right]. Moscow, 2002. 464 p. (In Russ.).
- Karpec I. I. Pol'za ili zlo? [Good or evil?]. *Smertnaya kazn': za i protiv* [Death Penalty: Pros and Cons]. Moscow, 1989, pp. 350–366. (In Russ.).
- Kelina S. G. *Kogda ubivaet gosudarstvo: smertnaya kazn' protiv prav cheloveka* [When the State Kills: The Death Penalty Against Human Rights]. Moscow, 1989. 421 p. (In Russ.).
- Kelina S. G. *Smertnaya kazn' v sisteme ugolovnoj politiki* [The death penalty in the criminal policy system]. *Smertnaya kazn': za i protiv* [Death Penalty: Pros and Cons]. Moscow, 1989, pp. 322–333. (In Russ.).
- Kistyakovskij A. F. *Issledovanie o smertnoj kazni* [Capital punishment study]. Tula, 2000. 188 p. (In Russ.).
- Kuz'min S. I. Pozhiznennoe lishenie svobody: vzglyad so vsekh storon [Life imprisonment: a view from all sides]. *CHelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 1999, no. 2, p. 11. (In Russ.).
- Luneev V. V. *Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii* [Crime of the XX century: global, regional and Russian trends]. Moscow, 2005. 912 p. (In Russ.).
- Mal'cev V. V. *Terrorizm: problemy ugolovno-pravovogo regulirovaniya* [Terrorism: problems of criminal regulation]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*, 1998, no. 8, pp. 104–107. (In Russ.).
- Milyukov S. F. *Rossiyskaya sistema nakazaniy* [Russian punishment system]. St. Petersburg, 1998. 48 p. (In Russ.).
- Milyukov S. F. *Rossiyskoe ugolovnoe zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza* [Russian Criminal Law: A Case Study]. St. Petersburg, 2000. 279 p. (In Russ.).
- Mihlin A. S. *Vyshshaya mera nakazaniya. Istoriya, sovremennost', budushchee* [Capital punishment. History, Present, Future]. Moscow, 2000. 176 p. (In Russ.).
- Mihlin A. S. *Smertnaya kazn' – byt' li ej v Rossii?* [The death penalty – should she be in Russia?]. *ZHurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*, 1998, no. 10–11, pp. 138–147. (In Russ.).
- Orlov A. V. *Smertnaya kazn'* [The death penalty]. *YUrist – Lawyer*, 1999, no. 1, pp. 58–63. (In Russ.).
- Poznyshchev S. V. *Osnovnye nachala nauki ugolovnogogo prava. Obshchaya chast' ugolovnogogo prava* [The main principles of the science of criminal law. General part of criminal law]. Moscow, 1912. 664 p. (In Russ.).
- Spasovich V. D. *Izbrannye trudy i rechi* [Selected Works and Speeches]. Tula, 2000. 494 p. (In Russ.).
- Stromov V. YU., Dvoreckij M. YU. *Sistema ugolovnyh nakazaniy: istoriya razvitiya, sushchnost', celi, primenenie i effektivnost'* [Criminal punishment system: history, essence, goals, application and effectiveness]. Tambov, 2007. 513 p. (In Russ.).
- Struchkov N. A. *Ugolovnaya otvetstvennost' i ee realizaciya v bor'be s prestupnost'yu* [Criminal liability and its implementation in the fight against crime]. Saratov, 1978. 288 p. (In Russ.).
- Tagancev N. S. *Russkoe ugolovnoe pravo. Lekcii. CHast' obshchaya v 2 tomah. Tom 2* [Russian criminal law. Lectures. Part common in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 1994. 393 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10008

УДК 343

Институт уголовного наказания в условиях введения военного положения: к вопросу о правоограничениях

А. В. ЗВОНОВ – начальник кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ю. В. ГОЛУБЕВ – преподаватель-методист отдела организации межвузовской учебно-методической работы Академии ФСИН России

Реферат

В статье рассматриваются содержание уголовных наказаний и тенденции развития уголовной политики Российской Федерации в условиях введения военного положения. Особо отмечается, что система уголовных наказаний представляет собой сложное уголовно-правовое явление, объединенное связями как между собой, так и с иными правовыми институтами. Подчеркивается, что, поскольку идеология военного времени обладает своей спецификой, целый ряд институтов Общей части и значительная часть норм Особенной части также претерпевают трансформацию. В первую очередь это обусловлено вариативностью и гибкостью уголовного закона военного времени, который должен быть ориентирован на соразмерную оценку повышения общественной опасности целого ряда преступлений, уже содержащихся в действующем УК РФ.

Авторами подчеркивается, что финансовые и имущественные лишения и ограничения свойственны всем наказаниям. Для одних (штрафа) они являются основными, в отношении других указанные правоограничения являются дополнением или следствием их применения.

Авторы приходят к выводу о необходимости более глубокого научного исследования системы уголовных наказаний в условиях введения военного положения с целью выработки действенных предложений для правоприменительных органов.

Ключевые слова: уголовное наказание; военное положение; система уголовных наказаний; уголовное законодательство; осужденные к лишению свободы.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Institute of criminal penalties under martial law: on the issue of legal restrictions

A. V. ZVONOV – Head of the Department of Criminology and Organization of Crime Prevention of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

YU. V. GOLUBEV – Teacher-methodologist of the Department of Organization of Interuniversity Educational and Methodical Work of the Academy of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The article discusses the content of criminal penalties and trends in the development of criminal policy of the Russian Federation in the context of the imposition of martial law. It is especially noted that the criminal punishment system is a complex criminal law phenomenon, combined with ties both among themselves and with other legal institutions. It is emphasized that, since the ideology of wartime is specific, a number of institutions of the General Part and a significant part of the norms of the Special Part also undergo a transformation. This is primarily due to the variability and flexibility of the wartime criminal law, which should be focused on a proportionate assessment of the increasing public danger of a number of crimes already contained in the current Criminal Code of the Russian Federation.

This paper emphasizes that financial and property deprivation and restrictions are also common to all punishments. The main ones are only for a fine, others include such restrictions only as a supplement or a consequence of their application.

The authors conclude that a deeper scientific study of the criminal punishment system is necessary in the context of the imposition of martial law in order to develop effective proposals for law enforcement agencies.

Key words: criminal penalty; martial law; criminal penal system; criminal law; convicted to imprisonment.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

С развитием государственности в разные эпохи неизбежно трансформируется и эволюционирует ее правовая система, на которую оказывают существенное влияние внешние и внутренние пограничные ситуации. Их можно назвать экстремальными. К внешним экстремальным условиям следует отнести военную угрозу.

Как показывает исторический опыт нашего государства, в период войны, при установлении режима военного положения неизбежно видоизменяется уголовно-правовая политика государства, что неизбежно влечет преобразование системы уголовных наказаний.

Последняя представляет собой сложное уголовно-правовое явление, содержащее уголовные наказания, объединенные связями как между собой, так и с иными правовыми институтами [3].

Как справедливо отмечает В. И. Боев, сама идеология военного времени несет в себе столь значительную специфику, что целый ряд институтов Общей части и норм Особенной части претерпевают существенную трансформацию [1]. Это в первую очередь обусловлено вариативностью и гибкостью уголовного закона военного времени, который должен быть ориентирован на соразмерную оценку повышения общественной опасности целого ряда преступлений, уже содержащихся в действующем УК РФ.

На наш взгляд, в экстремальных условиях вопрос заключается в относительности реализуемых ограничений и лишений, которая должна основываться на обычных условиях. Правоограничения, применяемые к осужденным, должны быть большими по объему в сравнении с правопослушной частью общества как в обычных условиях, так и экстремальных. Как минимум это будет правильно по отношению к лицам, не преступившим уголовный закон.

Кроме того, интерес представляет вопрос о целесообразности применения конкретных видов уголовных наказаний при введении режима военного положения. В данном случае необходимость примене-

ния уголовных наказаний не оспаривается вообще, проблема заключается в реализации конкретных их видов.

Актуальность вопроса объясняется экстремальностью условий, предполагающих введение существенного объема правоограничений по отношению к населению, в том числе и к осужденным, на что ранее уже обращалось внимание. Военное положение вызывает сложности в реализации некоторых правоограничений, предусмотренных уголовными наказаниями. Однако государство испытывает потребность в широком применении других правоограничений, которые будут способствовать достижению целей введения военного положения. Так, И. М. Гальперин отмечал, что при подборе уголовных наказаний следует учитывать объективную значимость и важность соответствующих благ, а также интересов с позиций большей части общества [2, с. 53]. Данное высказывание актуально как в обычных, так и в экстремальных условиях.

В науке уголовного права существует множество подходов к выделению лишений и ограничений в рамках уголовных наказаний. Наиболее оптимальной в аспекте рассматриваемого вопроса, по нашему мнению, является классификация, согласно которой уголовные наказания дифференцируются в зависимости от объема прав и свобод обладающего ими человека: морально-психологическое воздействие, финансово-имущественные лишения и ограничения, лишения и ограничения в трудовой сфере, ограничение и лишение свободы, лишение жизни человека [4].

Условием отнесения ограничений и лишений к конкретным видам уголовных наказаний является их весомость: составляют ли ограничения и лишения основное содержание наказания или применяются в качестве дополнения к иным правоограничениям. Полученные сведения позволяют согласиться с В. Н. Орловым, утверждающим, что каждому наказанию характерна совокупность рассмотренных карательных элементов, определяющих их содержание [6, с. 93].

Рассмотрим эти элементы с позиции вероятности введения военного или чрезвычайного положения.

1. Морально-психологическое воздействие присуще каждому уголовному наказанию. Как отмечает К. А. Сыч, «наказание, рассматриваемое как социально-правовая категория, несомненно, включает в свое содержание страх как психологическое переживание человека» [8, с. 7]. В. Н. Орлов подчеркивает, что «сам факт осуждения может вызывать у осужденного определенные морально-психологические переживания: угрызение совести, разочарование, раскаяние, сожаление и т. д.» [7, с. 142].

Рассматриваемая составляющая уголовного наказания имеет большое значение. Реакция государства и общества на совершенное преступление должна иметь отрицательную оценку совершенного деяния. Однако в настоящее время возведение в ранг основы данного вида воздействия не представляется целесообразным. Такая основа была свойственна существовавшему в нашей стране социализму, пришедший ему на смену капиталистический строй не предполагает такого уровня ценности морали.

Таким образом, применение морально-психологического воздействия как основополагающего последствия уголовного наказания представляется целесообразным в обычных и экстремальных условиях. Оно, напомним, является основополагающим такого наказания, как лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград. Другие наказания включают морально-психологическое воздействие лишь только в качестве дополнения, на что было обращено внимание выше.

2. Финансово-имущественные лишения и ограничения свойственны всем наказаниям, но основными они являются лишь для штрафа. Другие уголовные наказания включают подобные правоограничения только как дополнение или как следствие их применения.

К штрафу в науке имеются серьезные вопросы, связанные с закреплением данной меры воздействия в качестве наказания. В первую очередь они обусловлены сомнительностью достижения целей уголовного наказания. Если цель восстановления справедливости можно достигнуть лишь самим фактом осуждения, то для достижения других целей требуется более или менее длительный процесс, предполагающий осуществление комплекса мероприятий, поскольку нельзя исправить лицо или пред-

упредить совершение новых преступлений одним фактом осуждения. Уголовное наказание не может быть одномоментным, оно должно протекать на протяжении определенного времени, в течение которого и достигаются цели наказания. Можно заключить, что течение определенного периода времени, когда лицо должно находиться под постоянным контролем уполномоченных субъектов исполнения наказания, является необходимым условием эффективности уголовного наказания.

Следуя этому подходу, ценность штрафа как уголовного наказания, применяемого в качестве основного, ставится под сомнение и в обычное время. Более того, в условиях экстремального положения его значение дополнительно обесценивается сложной экономической обстановкой в стране, обусловленной уменьшением реальной денежной массы у населения, инфляцией, вызванной военным положением.

Следовательно, можно сделать вывод о нецелесообразности в условиях военного положения назначения уголовных наказаний, в том числе и штрафа, предусматривающих финансово-имущественные правоограничения в качестве основной меры воздействия.

3. Лишения и ограничения в трудовой сфере лежат в основе такого наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, которое предполагает соответствующий запрет, ограничение по военной службе, предусматривает приостановление карьерного роста военнослужащего, а также обязательные и исправительные работы, устанавливает необходимость осуществления таковых на разных условиях. Приведенные лишения и ограничения можно дополнительно разделить на пассивные, предполагающие соответствующий запрет, и активные, требующие осуществления принудительной деятельности.

Целесообразность применения последних (активных), на наш взгляд, не подвергается сомнению. Потребность государства в рабочей силе в период экстремальных условий возрастает. Нехватку неквалифицированных рабочих можно компенсировать за счет рассматриваемой категории осужденных путем определения мест отбывания исправительных или обязательных работ по территориальному признаку.

Пассивные же наказания имеют как свои плюсы, так и минусы в условиях военного положения. Так, например, ошибочным бу-

дет разрешить преступнику-военнослужащему карьерный рост, предполагающий повышение в должности и звании, особенно в экстремальных условиях.

Полагаем, что применение на практике уголовных наказаний, предусматривающих правоограничения в трудовой сфере, является весьма перспективным при введении режима военного положения, особенно в части привлечения осужденных к принудительному труду.

4. Ограничение свободы и лишение свободы как правоограничение свободы передвижения предусматривают необходимость территориального нахождения в определенном месте в определенное время.

Ограничение свободы в качестве основы предусматривается одноименным наказанием, а лишение свободы закреплено в рамках группы наказаний изоляционного характера (принудительные работы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы). Если в отношении наказаний, связанных с изоляцией от общества, вопросов не возникает, поскольку, как правило, они, несмотря на критику, востребованы во все времена, потому что способствуют дальнейшей криминальной деформации осужденных, то относительно ограничения свободы как вида уголовного наказания, способствующего достижению целей введения военного положения, появляются сомнения.

Уголовное наказание в виде ограничения свободы не предполагает привлечение к труду, как при условном осуждении. Оно направлено лишь на ограничение прав и свобод осужденного, в частности права находиться в определенное время в определенном месте, что следует из перечня обязанностей данной категории лиц [5]. Более того, рассматриваемые ограничения могут препятствовать привлечению лица для решения задач в экстремальных условиях, например для проведения работ за пределами муниципального образования. Таким образом, правопослушная часть общества может быть поставлена в неравные по сравнению с осужденными условия. В связи с изложенным назначение ограничения свободы и его реализация в экстремальных условиях признаются нами как не отвечающие целям введения военного положения.

В соответствии с ч. 1 ст. 103 УИК РФ осужденные к лишению свободы обязаны тру-

диться. Это предполагает наличие возможности привлечения их к выполнению работ для нужд обороны, ликвидации последствий применения противником оружия, восстановлению поврежденных или разрушенных объектов экономики, систем жизнеобеспечения и военных объектов, конечно, с учетом соблюдения режимных требований.

Таким образом, считаем, что применение изоляционных наказаний будет востребованным в плане близости целей введения экстремальных условий и целей уголовных наказаний, что нельзя сказать про наказание в виде ограничения свободы.

5. Последнее правоограничение – лишение жизни человека – реализуется в уголовном наказании в виде смертной казни. В России данное наказание не применялось более 15 лет в связи с подписанием Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Однако содержание протокола предусматривает исполнение смертной казни в случае совершения специально указанных в национальном законодательстве преступлений во время войны или при неизбежной угрозе войны.

Учитывая отечественный опыт ведения войн и приведенное последнее обстоятельство, считаем, что рассматриваемый вид наказания может быть весьма востребованным в условиях военного положения.

Таким образом, реализация всех видов правоограничений, закрепленных в действующей системе уголовных наказаний, является нелогичной в экстремальных условиях. Для достижения целей введения военного положения целесообразным было бы назначение наказаний, в основе которых заложены правоограничения в трудовой сфере, а также лишение свободы. Применение иных наказаний, как показывает проведенный выше анализ, не будет способствовать решению наиболее важных задач государства, а следовательно, их назначение можно признать неоправданным с позиций достижения целей введения военного и чрезвычайного положений.

Полученные результаты рассмотрения уголовно-правовой основы формирования системы уголовных наказаний в условиях введения военного положения свидетельствуют о необходимости более глубокого научного исследования данного вопроса с целью выработки действенных предложений для правоприменительных органов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боев, В. И. Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения : диссертация доктора юридических наук / В. И. Боев. – Москва, 2008. – 452 с.
2. Гальперин, И. М. Наказание: социальные функции, практика применения / И. М. Гальперин. – Москва : Юридическая литература, 1983. – 206 с. – ISBN 978-5-7260.
3. Звонов, А. В. Терминология системы уголовных наказаний: краткий анализ / А. В. Звонов // Бизнес в законе. – 2014. – № 6. – С. 43–46.
4. Звонов, А. В. Система ограничений и лишений, предусмотренных отечественными уголовными наказаниями / А. В. Звонов // Вестник Российской правовой академии. – 2017. – № 2. – С. 29–32.
5. Звонов, А. В. Соотношение условного осуждения и наказаний, альтернативных изоляции от общества / А. В. Звонов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 4. – С. 106–111.
6. Орлов, В. Н. К вопросу о сущности уголовного наказания / В. Н. Орлов // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2006. – № 1. – С. 92–94.
7. Орлов, В. Н. Содержание уголовного наказания в виде исправительных работ / В. Н. Орлов // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2005. – № 4. – С. 34–41.
8. Сыч, К. А. Относительные теории наказания классической школы уголовного права и их востребованность современной доктриной / К. А. Сыч // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 4. – С. 7–11.

REFERENCES

1. Boev V. I. *Mekhanizm ugovolno-pravovogo regulirovaniya rezhima voennogo polozheniya. Diss. dokt. yurid. nauk* [The mechanism of criminal law regulation of martial law. Diss. Dsc. in Law]. Moscow, 2008. 452 p. (In Russ.).
2. Gal'perin I. M. *Nakazanie: social'nye funktsii, praktika primeneniya* [Punishment: social functions, practice of application]. Moscow, 1983. 206 p. (In Russ.).
3. Zvonov A. V. Terminologiya sistemy ugovolnykh nakazaniy: kratkij analiz [Criminal Penalty System Terminology: A Brief Analysis]. *Biznes v zakone – Business in law*, 2014, no. 6, pp. 43–46. (In Russ.).
4. Zvonov A. V. Sistema ogranichenij i lishenij, predusmotrennykh otechestvennymi ugovolnymi nakazaniyami [The system of restrictions and deprivations provided for by domestic criminal penalties]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii – Bulletin of the Russian Law Academy*, 2017, no. 2, pp. 29–32. (In Russ.).
5. Zvonov A. V. Sootnoshenie uslovnogo osuzhdeniya i nakazaniy, al'ternativnykh izolyacii ot obshchestva [Correlation of conditional conviction and punishment, alternative to isolation from society]. *Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel'naya praktika – Jurisprudence and law enforcement practice*, 2016, no. 4, pp. 106–111. (In Russ.).
6. Orlov V. N. K voprosu o sushchnosti ugovolnogo nakazaniya [To the question of the essence of criminal punishment]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta – Bulletin of the North Caucasus Federal University*, 2006, no. 1, pp. 92–94. (In Russ.).
7. Orlov V. N. Soderzhanie ugovolnogo nakazaniya v vide ispravitel'nykh rabot [The content of criminal punishment in the form of correctional labor]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta – Bulletin of the North Caucasus Federal University*, 2005, no. 4, pp. 34–41. (In Russ.).
8. Sych K. A. Otnositel'nye teorii nakazaniya klassicheskoy shkoly ugovolnogo prava i ih vostrebovannost' sovremennoj doktriny [Relative theories of punishment of the classical school of criminal law and their relevance to modern doctrine]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2016, no. 4, pp. 7–11. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10009

УДК 343

Ограничение избирательных прав осужденных как проявление политического абсентеизма в России

Н. А. МЕЛЬНИКОВА – доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Д. О. СИЗОВ – курсант 3 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

Реферат

В статье рассматриваются особенности абсентеизма в сфере избирательных прав как социального феномена в обществе, выделяются виды абсентеизма и категории абсентеистов. Авторы приходят к выводу, что к вынужденным абсентеистам, то есть лицам, не принимающим участие в избирательном процессе по не зависящим от них причинам, можно отнести граждан, осужденных к наказанию в виде лишения свободы. Анализируются правовые основания ограничения избирательных прав осужденных, в том числе особое внимание уделяется соотношению конституционных норм и положений международных правовых актов. Интересной

представляется и прецедентная практика Европейского Суда по правам человека, содержание постановлений которого указывает на однозначную позицию суда о недопустимости излишнего ограничения избирательных прав заключенных. В статье сформулированы выводы о том, что вопрос об ограничении избирательного права осужденных должен быть решен последовательно с учетом категории совершенного преступления, его вида в зависимости от объекта посягательства (политические права), формы вины (умысел). Мера в виде ограничения избирательных прав должна применяться в качестве дополнительного наказания. Реализация данного положения предусматривает внесение соответствующих изменений в конституционное и уголовное законодательство.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; абсентеизм; избирательное право; ограничение избирательных прав; международный правовой акт; осужденный.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Restriction of the suffrage of convicts as a manifestation of political absenteeism in Russia

N. A. MELNIKOVA – Associate Professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

D. O. SIZOV – Cadet of the 3th year of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The article discusses the features of absenteeism in the field of suffrage as a social phenomenon in society. At the same time its types and categories of absenteeists are distinguished. The author comes to the conclusion that forced absenteeists, that is, persons who do not take part in the election process for reasons beyond their control, can include citizens convicted of imprisonment. The legal grounds for restricting the electoral rights of convicts are analyzed, including special attention to the relationship between constitutional norms and the provisions of international legal acts. The case-law of the European Court of Human Rights also seems interesting. The content of the judgments of this court regarding the restriction of the electoral rights of prisoners indicates an unequivocal position regarding the inadmissibility of excessive restriction of these rights. Conclusions are formulated that the issue of restricting the electoral rights of convicts must be resolved consistently, taking into account the category of the crime committed, its type, depending on the object of encroachment (political rights), the form of guilt (intent). A measure in the form of restriction of suffrage should be applied as an additional punishment. To implement this provision appropriate changes to the constitutional and criminal legislation are necessary.

Key words: penal system; absenteeism; suffrage; restriction of suffrage; international legal acts; convicts.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Избирательное право является одной из самых молодых и динамично изменяющихся подотраслей в системе российского права. Право избирать обеспечивает возможность гражданам реализовывать свою волю и участвовать в политической жизни государства. Однако становится распространенной ситуация снижения активности такого участия у населения. Типичным выражением данного социального явления в мировой практике считается абсентеизм в сфере реализации избирательных прав.

Как отмечает В. И. Лафитский, возрастающая пассивность избирателей выступает одной из наиболее сложных проблем, стоящих перед демократическим государством [8, с. 139], которая не обошла стороной и Российскую Федерацию. Ю. И. Бушенева справедливо указывает, что гражданское общество в России еще находится на стадии становления, а социальная, в том числе и политическая, активность граждан имеет относительно низкий уровень [3, с. 5]. Так, явка на выборах Президента Россий-

ской Федерации в 2018 г. составила 67 % (в 1991 г. – 74,7 %; в 1996 г. – 69,81 %; в 2000 г. – 68,64 %; в 2004 г. – 64,38 %; в 2008 г. – 69,6 %; в 2012 г. – 65,34 %) [9; 5]. Данный показатель, с одной стороны, можно оценить положительно – наблюдается небольшой рост активности (2 % по сравнению с 2012 г.), с другой – отрицательно: более 30 % российских граждан не приняли участие в голосовании. В целом уровень абсентеизма остается высоким. На региональных выборах динамика снижения политической активности граждан проявляется еще более отчетливо.

В научной литературе в области избирательного права абсентеизм в большей степени рассматривается как негативный фактор развития современного общества [7, с. 196–198]. В частности, увеличение количества граждан, не реализующих свои избирательные права, свидетельствует о снижении уровня легитимности власти.

Полагаем, что абсентеизм – более многогранное явление, которое следует воспринимать в том числе и как неотъемлемую составляющую демократических отношений, возможность выбора своего поведения. Отрицательные последствия абсентеизма при этом возникают в случае его массовости. Таким образом, выработка адекватных мер, направленных на профилактику и снижение уровня абсентеизма в стране, необходима.

Сущность абсентеизма сводится к социальным и политическим аспектам. К первому можно отнести социальный статус избирателей, их психофизические особенности, влияющие на политическую жизнь и условия развития всего общества в целом, ко второму – ситуацию в государстве, зависящую от правящей элиты и государственной системы в целом.

В зависимости от воли субъекта выделяют активный, пассивный, реактивный абсентеизм [10], в зависимости от политической мотивации – аполитичный, протестный, оппортунистический, конформистский [2, с. 174].

Современные социологические исследования позволяют выделить не только разновидности абсентеизма, но и категории абсентеистов:

1) вынужденные абсентеисты, то есть лица, не принимающие участие в избирательном процессе по причинам, не зависящим от них;

2) пассивные абсентеисты, то есть лица, не желающие участвовать в выборах, но при этом не имеющие веских причин критиковать сложившуюся политическую ситуацию;

3) активные абсентеисты, то есть лица, которые придерживаются конкретных политических взглядов и демонстрируют позицию негативного электорального поведения.

В рамках первой категории особо следует выделить граждан, которые не участвуют в выборах по причине лишения их избирательного права. К таковым относятся осужденные к наказанию в виде лишения свободы. Подчеркнем, что они являются вынужденными абсентеистами.

Часть 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации устанавливает категорический запрет на право избирать и быть избранными в отношении граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда. Конституционной нормой введен абсолютный запрет на возможность реализации избирательных прав осужденными, который автоматически исключает участие в выборах около полумиллиона граждан (546 473 чел.), содержащихся, по данным официального сайта ФСИН России, в учреждениях уголовно-исполнительной системы на 1 июня 2019 г. При этом законодатель никак не комментирует данное положение: причины и основания запрета не конкретизируются. Стоит отметить, что лица, содержащиеся в следственных изоляторах, не лишаются избирательного права, так как в их отношении нет вступившего в силу обвинительного приговора суда.

Несмотря на мировую практику поддержки общих демократических начал, всеобщего равенства, вопрос об избирательных правах осужденных решается неоднозначно. Так, в наши дни заключенные имеют право свободно голосовать в Швейцарии, Швеции, Дании, с некоторыми ограничениями – во Франции, Италии, а в Великобритании для них введен полный запрет на это право, а точнее привилегию.

Очевидно, что государства, которые сохраняют избирательные права лицам, совершившим уголовно наказуемые деяния, сталкиваются с ситуацией потенциальной возможности влияния на формирование публичной власти криминальной среды, проникновения ее представителей в выборные органы.

Особое значение для внутреннего законодательства, в том числе российского, имеют международные правовые акты, ратифицированные в установленном порядке. Так, согласно ст. 21 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.:

1) каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной

непосредственно или через посредство свободно избранных представителей;

2) каждый человек имеет право равного доступа к государственной службе в своей стране;

3) воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования.

Статья 25 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривает всеобщее равное избирательное право без каких-либо ограничений или дискриминации. В соответствии с п. 14 Замечания общего порядка от 12.07.1996 к ст. 25 «в своих докладах государства-участники должны перечислить и разъяснить законодательные положения, лишаящие граждан права голоса. Причины этого должны быть объективными и обоснованными. Если основанием для временного лишения права голоса является осуждение в связи с совершенным преступлением, то срок, на который действие этого права приостановлено, должен быть соразмерным тяжести преступления и вынесенному приговору. Лицам, лишенным свободы, но еще не осужденным, не может быть отказано в осуществлении их права голоса».

Статья 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод гласит, что «Высокие договаривающиеся стороны обязуются проводить с разумной периодичностью свободные выборы путем тайного голосования при таких условиях, которые обеспечивали бы свободное волеизъявление народа при выборе органов законодательной власти».

Таким образом, федеральное законодательство, включая Конституцию Российской Федерации, должно соответствовать подписанным международным документам. Но вместе с тем противоречие очевидно.

Важно понимать, что в случае необходимости пересмотра ст. 32 Конституции Российской Федерации, входящей во вторую главу Основного закона, должен быть организован созыв Конституционного Собрания при поддержке $\frac{3}{5}$ голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Данный орган учредительной власти созывается

в соответствии с федеральным конституционным законом, который до настоящего времени не принят. Поэтому можно констатировать невозможность осуществления рассматриваемой процедуры.

Наравне с мнением о целесообразности сохранения избирательных прав осужденным к наказанию в виде лишения свободы в научной литературе высказывается и иная точка зрения, согласно которой следует не только оставить данное ограничение, но и расширить круг лиц, которые подпадают под его действие, а именно распространить ограничение активного избирательного права на лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления [6, с. 288].

По нашему мнению, вопрос об ограничении избирательного права осужденных должен быть решен последовательно с учетом категории совершенного преступления, его вида в зависимости от объекта посягательства, умысла и мотивов. В силу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Считаем, что избирательные права имеют политическую природу и обеспечивают политическую активность граждан. Лица, осужденные за совершение преступлений, не перестают быть гражданами своего государства и не должны автоматически утрачивать гражданские права, обеспечивающие их взаимосвязь с государством.

Более того, как определяет сама Конституция Российской Федерации (ч. 3 ст. 55), любые ограничения прав граждан должны быть обусловлены необходимостью защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Доктринальное и официальное разъяснение возможных ограничений подразумевает использование конституционного принципа соразмерности, который предполагает адекватность и пропорциональность применяемых ограничительных мер воздействия [1, с. 14]. Отступление от указанного принципа можно расценивать как меру, не соответствующую целям защиты конституционно значимых

ценностей и интересов, и в итоге как нарушение конституционных прав и свобод [4, с. 38]. Конечно, формулировка рассматриваемого принципа имеет оценочные категории, что вызывает определенные затруднения. И все же принцип соразмерности можно рассматривать как естественный правовой барьер при установлении ограничений прав и свобод граждан.

Следует отметить, что большинство из лиц, находящихся в местах лишения свободы, осуждены за деяния, не связанные с посягательством на конституционный строй и политические права других лиц. Некоторые из них совершили преступные деяния небольшой или средней тяжести по неосторожности и отбывают наказание в колониях-поселениях.

Полагая, что если речь идет об осужденных, то ограничение политических прав возможно только в отношении тех лиц, которые совершили умышленные преступления против государственной власти, а также по экстремистским мотивам. При этом само решение об ограничении данного права должно носить дополнительный характер и приниматься по решению суда.

В рамках рассматриваемого вопроса интересной представляется прецедентная практика Европейского Суда по правам человека. В целом анализ постановлений суда по вопросам ограничения избирательных прав заключенных указывает на однозначную позицию недопустимости излишнего ограничения данных прав.

В 2005 г. было принято вызвавшее наибольшее обсуждение первое решение от 06.10.2005 по делу «Херст против Соединенного Королевства (№ 2)» (жалоба № 74025/01) в части полного лишения осужденных возможности участвовать в политических выборах,

Европейский Суд по правам человека признал, что ограничение избирательного права для заключенных относится к национальной юрисдикции и должно определяться законодательной властью. При этом не поддержал позицию о том, что абсолютный запрет на право голоса подпадает в область допустимой свободы усмотрения. Таким образом, суд постановил, что «заявитель по настоящему делу был лишен права голоса в результате введения автоматического и абсолютного ограничения на избирательные права осужденных и может заявлять о статусе жертвы этой меры».

Показательным является и постановление от 08.04.2010 по делу «Фродль (Frodli) против

Австрии» (жалоба № 20201 (04)). Обращение было подано заключенным, к которому было применено наказание в виде пожизненного лишения свободы за убийство. В соответствии с австрийским законодательством о выборах лица, осужденные к лишению свободы на срок, превышающий один год, лишаются активного избирательного права. Рассмотрев материалы дела, Европейский Суд по правам человека определил, что в основе правовых норм о лишении избирательного права, принятых в Австрии, использован дифференцированный подход, отличный от имеющегося в Великобритании. При этом суд не усмотрел фактической связи между совершенным преступлением и вопросами, касающимися выборов и демократических институтов, а также посчитал, что решение об ограничении активного избирательного права должно быть принято непосредственно национальным судом.

В 2010 г. Европейский Суд по правам человека, рассмотрев дело «Гринс и М.Т. (Greens and M.T.) против Соединенного Королевства» (жалоба № 60041/08, 60054/08), вынес пилотное постановление. Поданное обращение затрагивало вопрос об установлении полного запрета для осужденных на голосование при проведении выборов национального и европейского уровней. Суд установил, что по предыдущему делу «Херст против Соединенного Королевства (№ 2)» выявленные недочеты не были устранены, никаких изменений в национальное законодательство не внесено.

Можно сделать вывод, что данный судебный орган диктует условия о праве по очень сложной проблеме национального законодательства и правительству Соединенного Королевства предстоит принять непростое решение.

В рассматриваемом аспекте необходимо говорить и о практике обращения в Европейский Суд по правам человека граждан Российской Федерации. Так, 4 июля 2013 г. было принято постановление по делу «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05).

Данные осужденные в 1995 г. не имели возможности принять участие в голосовании на выборах по причине отбывания наказания в исправительной колонии за уголовные деяния. В отношении Анчугова за совершение ряда преступлений (убийство и мошенничество) суд вынес приговор о назначении наказания в виде смертной казни, который в дальнейшем был заменен на 15

лет лишения свободы. Гладков был осужден к смертной казни за убийство, грабеж, участие в организованной преступной группе и сопротивление сотрудникам правоохранительных органов. Решение суда в отношении Гладкова также было заменено на лишение свободы сроком на 15 лет.

Европейский Суд по правам человека обязал обеспечить в Российской Федерации дифференцированный подход к ограничению избирательных прав осужденных, что продиктовано положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Россией. Основанием данного решения послужила формулировка, используемая в ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, которая указывает на абсолютный, автоматический и недифференцированный запрет участвовать в голосовании на выборах лицам, осужденным к лишению свободы.

В 2016 г. Министерство юстиции Российской Федерации обратилось в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о разъяснении постановления Европейского Суда от 04.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации», основываясь на заключении Центральной избирательной комиссии о невозможности реализовать данное решение. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 19.04.2016 № 12-П пояснил, что в сложившейся ситуации наше государство рассчитывает на поиск компромисса с учетом основных положений Конституции Российской Федерации, которая выступает гарантом государственного суверенитета. Более того, имеющееся ограничение избирательных прав осужденных не является безусловным, а относится только к осужденным, находящимся в местах лишения свободы по приговору суда. В отношении же большей части лиц применяются наказания, не связанные с лишением свободы, а следовательно, к ним данные ограничения не относятся. Поэтому в России ограничение избирательных прав можно

рассматривать как правовой механизм недопущения криминализации публичной власти.

В рамках поиска компромисса рассматривается возможность изменения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства касательно перевода режима лишения свободы в альтернативные виды наказаний, характеризующиеся ограничением свободы и не влекущие ограничение избирательных прав. Подобные нововведения возможны в отношении отбывающих наказание в колониях-поселениях лиц, осужденных за преступления, совершенные по неосторожности или за умышленные преступления небольшой и средней тяжести, совершенные впервые.

В резолютивной части решения Конституционный Суд Российской Федерации указал Минюсту России о возможности неисполнения рассматриваемого постановления Европейского Суда по правам человека.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что Европейский Суд по правам человека в отношении избирательных прав осужденных имеет довольно обширную практику. Более того, в этом вопросе он стоит на стороне осужденных. Так как данный суд действует в соответствии с нормами международного права и международных соглашений, необходимо акцентировать внимание на том, что указанную судебную практику должны принимать во внимание все государства, подписавшие соответствующие соглашения.

Таким образом, ограничение избирательных прав для всех лиц, осужденных к лишению свободы, является, во-первых, необоснованным с точки зрения содержания указанной меры, во-вторых, противоречащим нормам международного права. Считаем, что ограничение избирательных прав должно быть дополнительным наказанием за узкий круг преступлений, а именно в сфере политических правоотношений. Для реализации данного положения необходимы соответствующие изменения в конституционном и уголовном законодательстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беломестных, Л. Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина (теоретический аспект) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Л. Л. Беломестных. – Москва, 2003. – 180 с.
2. Бирюков, С. В. Электоральный абсентеизм в контексте современных социально-политических трансформаций / С. В. Бирюков, М. М. Кисляков // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 43. – С. 171–180.
3. Бушенева, Ю. И. Абсентеизм как фактор избирательного процесса в современной России : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ю. И. Бушенева. – Санкт-Петербург, 2007. – 24 с.
4. Велиева, Д. С. Пассивные избирательные права: законодательное ограничение или юридическая стигматизация / Д. С. Велиева, М. В. Пресняков // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 2. – С. 38–41.

5. Выборы – 2018: результаты голосования и явка. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/03/2018/5aa652d49a79470acce8c29> (дата обращения: 18.06.2019).
6. **Королев, Р. В.** Некоторые вопросы о политических правах осужденных к лишению свободы / Р. В. Королев, Д. А. Бакиев // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 8 (111). – С. 288–289.
7. **Кузнецова, А. В.** Причины абсентеизма в политике / А. В. Кузнецова // Символ науки. – 2016. – № 11-4 (23). – С. 196–198.
8. **Лафитский, В. И.** Выборы в европейский парламент / В. И. Лафитский // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 136–152.
9. Президентские выборы в России с 1991 по 2012 год: цифры и факты. – URL: <http://antimaidan.ru/infographics/10154> (дата обращения: 18.06.2019).
10. **Силантьев, К. С.** Абсентеизм как социологическая проблема / К. С. Силантьев. – URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-356804.html?page=2> (дата обращения: 18.06.2019).

REFERENCES

1. Belomestnyh L. L. *Ogranichenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina (teoreticheskij aspekt)*. Diss. kand. yurid. nauk [Restriction of the rights and freedoms of man and citizen (theoretical aspect). Diss. PhD. in Law]. Moscow, 2003. 180 p. (In Russ.).
2. Biryukov S. V., Kislyakov M. M. Elektoral'nyj absenteizm v kontekste sovremennyh social'no-politicheskikh transformacij [Electoral absenteeism in the context of modern socio-political transformations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 2018, no. 43, pp. 171–180. (In Russ.).
3. Busheneva YU. I. *Absenteizm kak faktor izbiratel'nogo processa v sovremennoj Rossii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Absenteeism as a factor in the electoral process in modern Russia. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. St. Petersburg, 2007. 24 p. (In Russ.).
4. Velieva D. S., Presnyakov M. V. Passivnye izbiratel'nye prava: zakonodatel'noe ogranichenie ili yuridicheskaya stigmatizaciya [Passive suffrage: legislative restriction or legal stigma]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and municipal law*, 2019, no. 2, pp. 38–41. (In Russ.).
5. *Vybory – 2018: rezul'taty golosovaniya i yavka* [2018 Election: Voting Results and Turnout]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/18/03/2018/5aa652d49a79470acce8c29> (accessed 18.06.2019). (In Russ.).
6. Korolev R. V., Bakiev D. A. Nekotorye voprosy o politicheskikh pravah osuzhdennyh k lisheniyu svobody [Some questions about the political rights of prisoners]. *EvrAzijskij yuridicheskij zhurnal – Eurasian Law Journal*, 2017, no. 8 (111), pp. 288–289. (In Russ.).
7. Kuznecova A. V. Prichiny absenteizma v politike [Reasons for absenteeism in politics]. *Simvol nauki – Symbol of science*, 2016, 11-4 (23), pp. 196–198. (In Russ.).
8. Lafitskij V. I. Vybory v evropejskij parlament [European Parliament Elections]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*, 2005, no. 4, pp. 136–152. (In Russ.).
9. *Prezidentskie vybory v Rossii s 1991 po 2012 god: cifry i fakty* [Presidential elections in Russia from 1991 to 2012: figures and facts]. Available at: <http://antimaidan.ru/infographics/10154> (accessed 18.06.2019). (In Russ.).
10. Silant'ev K. S. *Absenteizm kak sociologicheskaya problema* [Absenteeism as a sociological problem]. Available at: <http://do.gendocs.ru/docs/index-356804.html?page=2> (accessed 18.06.2019). (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10010

УДК 343

К вопросу о криминализации подготовительных действий в уголовном законодательстве зарубежных стран (компаративистский анализ)

Э. Г. АГАСИЕВ – аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации, заместитель прокурора Кадуйского района Вологодской области

Реферат

Анализ современного уголовного права свидетельствует об отсутствии у законодателя единого подхода к проблеме наказуемости предварительной преступной деятельности.

Автором выявлено, что уголовное законодательство зарубежных государств имеет сходства и различия с российской уголовно-правовой системой. В статье зарубежные законодательные системы условно разделены на те, в которых приготовление в качестве криминально значимого явления не отражено в уголовном законодательстве, и те, в которых оно регламентировано.

На основе сравнительно-правового анализа зарубежного и отечественного законодательства сформулированы предложения о внесении в российское уголовное законодательство ряда изменений:

- приготовление как самостоятельный вид неоконченного преступления выделить в отдельную статью Общей части УК РФ;
- в понятии приготовления указать, что оно может быть совершено только умышленными действиями;
- приготовительные действия криминализировать, в том числе и за преступления средней тяжести.

Отмечается, что указанные выше предложения по совершенствованию института приготовления позволят снять ряд дискуссионных вопросов. Подчеркивается, что не следует в полном объеме следовать зарубежному опыту, необходимо адекватно воспринимать положительные моменты и использовать их в правоприменительном процессе.

Ключевые слова: уголовное законодательство; уголовная ответственность; приготовление к преступлению; подстрекательство; сговор; тяжкие преступления; особо тяжкие преступления.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

On the issue of criminalization of preparatory actions in the criminal legislation of foreign countries (comparative analysis)

E. G. AGASIEV – Graduate Student of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Deputy Prosecutor of the Kaduy District of the Vologda Region

Abstract

The analysis of modern criminal law indicates the absence of a unified approach to the problem of the punishability of preliminary criminal activity.

The author revealed that the criminal law of foreign countries has similarities and differences with the Russian criminal law system. In the article foreign legislative systems are conditionally divided into those in which preparation as a criminally significant phenomenon is not reflected in the criminal law, and those in which it is regulated.

Based on the comparative legal analysis of foreign and domestic legislation the author formulates proposals about some amendments to the Russian criminal law:

- preparation as an independent type of unfinished crime should be singled out in a separate article of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation;
- in the concept of preparation indicate that it can only be committed by deliberate actions;
- criminalize preparatory actions, including for crimes of moderate gravity.

It is noted that the above proposals for improving the preparation institution will remove a number of discussion issues.

It is emphasized that one should not blindly fully follow foreign experience, it is necessary to adequately perceive the positive aspects and use them in the law enforcement process.

Key words: criminal law; criminal liability; preparation for a crime; incitement; collusion; grave crimes; especially grave crimes.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Изучение законодательного опыта иностранных государств в уголовно-правовой сфере позволяет находить новые решения при совершенствовании действующей правовой системы Российской Федерации. Однако, по мнению ряда ученых, труднодоступность специальной литературы по рассматриваемому вопросу усложняет решение этой задачи.

Зарубежные законодательные системы по-разному подходят к вопросу относительно приготовления к преступлению: одни

приготовление в качестве криминально значимого явления не включают в уголовное законодательство, другие достаточно подробно его регламентируют [1, с. 253].

Уголовное законодательство стран англосаксонской системы права не содержит понятие «приготовление». Так, уголовное право Англии даже в период Средневековья исходило из того, что уголовная ответственность не должна наступать при наличии только одного преступного умысла. Необходимой ее предпосылкой считалось преступное пове-

дение, которое должно было выражаться в действии или бездействии. Общеуголовные преступления наказывались только в случаях, когда налицо было сочетание преступного поведения и преступного намерения [2, с. 91].

Не выделяя приготовление к преступлению как отдельный признак, уголовное право Англии признает уголовно наказуемыми подстрекательство и сговор. Уголовный закон США также не содержит понятия «приготовление к преступлению», однако данный институт восполняется наличием таких самостоятельных институтов, как подстрекательство и сговор.

В английском уголовном праве подстрекательство состоит в том, что обвиняемый устно или письменно пытается склонить другое лицо к совершению преступления, и при этом имеется в виду только то подстрекательство, которое не имело последствий и не привело в действительности к завершению преступления. Подстрекательство может принимать различные формы, но оно отличается от соучастия в преступлении и покушения тем, что подстрекатель не принимает физического участия в подготовке преступления [3, с. 26].

В системе англо-саксонского права сговор занимает промежуточное место между подстрекательством и покушением. Сговор отличается от других неоконченных преступлений тем, что цель деяния должна быть сама по себе преступной. В работах английских юристов по уголовному праву можно встретить и более расширенную формулировку сговора [3, с. 62]. Сговор не может наказываться строже, чем преступление, на которое он направлен. Если сговор направлен на совершение двух и более преступлений, то максимальное наказание назначается в пределах, предусмотренных самой высокой санкцией [3, с. 72]. Ответственность не наступает, если другое лицо или лица, с которыми виновный вступил в соглашение, являются его супругом или лицом, не достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или предполагаемой жертвой преступления [3, с. 95].

Ко второй группе можно отнести уголовное законодательство Франции, Италии, Китайской Народной Республики, Республики Беларусь, Эстонской Республики, Азербайджанской Республики, Грузии и других стран. Выделяя приготовление к преступлению, законодатели по-разному подходят к его регламентации.

Особого внимания заслуживает изучение уголовного закона Грузии. Так, под добровольным отказом понимается ситуация, когда потенциальный субъект отказывается от приготовления или прекращает свои действия (бездействия), при этом имея возможность реального его доведения до завершения. Вместе с тем подобный отказ грузинский законодатель наряду с приготовлением и покушением относит к незавершенным деяниям.

Изучив саму норму приготовления, можно сказать, что в уголовном праве данной страны оно раскрывается неоднозначно: под ним понимается создание условий (умышленно) для совершения общественно опасного деяния. При такой конструкции стадия приготовления вызывает большие сомнения, так как в ней исключена одна из составляющих – прерванность таких действий. При этом как с теоретической, так и с практической точки зрения сложно согласиться с грузинским законодателем, который всю суть приготовления свел лишь к единственному признаку – созданию условий для совершения преступления.

Следующей отличительной чертой является то, что наказуемым считается приготовление только к особо тяжким преступлениям. Кроме того, законодатель усмотрел ситуацию, когда лицо не подлежит ответственности за неоконченное преступление: если лицо ввиду своего личного недостатка (невежества) не могло достигнуть цели противоправных последствий при помощи средств, примененных для совершения преступления по ст. 20 Уголовного кодекса Грузии.

В Уголовном кодексе Китайской Народной Республики приготовление к преступлению определяется как «приискание орудий, создание условий для совершения преступления» [4, с. 63–64]. В соответствии со ст. 22 данного кодекса за приготовление к преступлению можно назначить наказание более мягкое, чем за оконченное преступление, наказание ниже низшего предела либо освободить от него. К недостаткам дефиниции приготовления к преступлению по уголовному закону КНР стоит отнести отсутствие указания на то, что при приготовлении преступление не доводится до конца по обстоятельствам, не зависящим от виновного.

В ст. 15 Уголовного кодекса Эстонской Республики приготовлением к преступлению признается приискание или приспособление средств или орудий для совершения преступления, а также иное умышленное

создание условий для этого. Данная дефиниция во многом схожа с соответствующей нормой УК РФ, однако формулировка российского законодателя выглядит более предпочтительной, поскольку в ней содержится указание на то, что приготовление не доводится до конца по не зависящим от лица обстоятельствам. В ч. 3 ст. 15 Уголовного кодекса Эстонской Республики указано, что ответственность за приготовление к преступлению назначается по статье уголовного закона, предусматривающей ответственность за данное преступление. При назначении наказания за приготовление и покушение на преступление суд учитывает личность виновного, тяжесть и характер совершенного преступления, степень осуществления преступного намерения и причины, в силу которых преступление не было доведено до конца.

В ст. 28 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики понятие приготовительных действий по своей конструкции полностью совпадает с нормой Общей части УК РФ. Однако при детальном анализе обнаружено одно существенное отличие: азербайджанский законодатель при конструировании указанной статьи целиком посвятил ее стадии приготовления. Статья 30 УК РФ включает в себя наряду с приготовлением и покушение на преступление. В этом случае наиболее предпочтительной является норма уголовного закона Азербайджанской Республики. По нашему мнению, выделение приготовления к общественно опасному деянию в отдельную статью является обоснованным и приемлемым инструментом при назначении наказания судебным органом.

Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Республики Армения и Российской Федерации позволил сделать вывод, что в Уголовном кодексе Республики Армения институт приготовления к преступлению (ст. 35) является недоработанным. Приготовительными действиями законодатель не признает такие элементы, как приискание соучастников преступления и сговор на совершение преступления. Из этого следует, что круг таких действий, по сравнению с УК РФ, определен неоправданно узко и сводится только к приисканию средств или инструментов или их приспособлений для совершения общественно опасных деяний с прямым умыслом, а также к созданию иных условий для совершения преступления. Таким образом, если следовать логике армянского законодателя, то лицо, приислав себе соучастников и достигнув сговора на совершение преступления, но не завершив его

по не зависящим от него обстоятельствам, может фактически быть освобождено от уголовной ответственности ввиду некриминальности таких действий. Считаем, что подобная законодательная конструкция приготовительных действий к преступлению нуждается в корректировке.

Норма приготовления в Уголовном кодексе Республики Беларусь закреплена в ч. 1 ст. 13, которая имеет одинаковое понятийное толкование с аналогичной нормой УК РФ, однако есть и отличия. Так, по российскому законодательству приготовительные действия подлежат криминализации только за тяжкие и особо тяжкие преступления, по белорусскому – уголовная ответственность установлена за приготовление к менее тяжким, тяжким и особо тяжким преступлениям, оставлено без внимания указание на то, что приготовление считается прерванным общественно опасным деянием по не зависящим от лица обстоятельствам. Также необходимо отметить, что уголовный закон Беларуси не определяет, какие преступления относятся к неоконченным. В этой связи наиболее предпочтительной выглядит ст. 29 УК РФ.

Норма приготовления в Уголовном кодексе Республики Казахстан закреплена в ч. 1 ст. 24. Так, приготовлением к преступлению признаются совершенные с прямым умыслом приискание, изготовление или приспособление средств или орудий преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от воли лица обстоятельствам. Нужно признать удачной формулировку казахского законодателя, что приготовление к преступлению можно совершить исключительно с прямым умыслом, что не содержится в ч. 1 ст. 30 УК РФ. Такое указание, внесенное в российский уголовный закон, усовершенствовало бы институт приготовления и помогло снять теоретические дискуссии вокруг этих вопросов. В ч. 2 ст. 24 Уголовного кодекса Республики Казахстан отмечено, что уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям.

Изучение уголовного законодательства Республики Молдова позволило установить, что норма, образующая приготовление к преступлению, схожа с российской нормой. Однако следует отметить, что такой признак, как приискание соучастников, молдавским законодателем не указан. Удачным, на наш взгляд, является решение о выде-

лении приготовления к преступлению в отдельную статью (ст. 26).

В Уголовном кодексе Республики Таджикистан, в отличие от УК РФ, оконченное и неоконченное преступления выделены законодателем в отдельные статьи. На наш взгляд, разделение ст. 29 УК РФ на две самостоятельные было бы целесообразным, поскольку в ней раскрываются два различных понятия. Соответственно, необходимо внести изменения и в название главы УК РФ, переименовав ее как «Оконченное и неоконченное преступление».

Также отметим, что по уголовному законодательству Республики Таджикистан наказывается приготовление к трем категориям умышленных преступлений, включая и преступления средней тяжести. Как верно указала С. В. Чернокозинская, это весьма целесообразно, поскольку по УК РФ многие приготовительные действия, содержащие значительную общественную опасность, остались ненаказуемыми [5, с. 49]. Вопрос о привлечении к ответственности за приготовительные действия к преступлениям средней категории тяжести в уголовном законодательстве России остается дискуссионным.

Достаточно детально разработаны нормы о неоконченном преступлении в Уголовном кодексе Голландии. Согласно ч. 1 ст. 46 преступными приготовительными действиями являются умышленное приобретение, производство, импорт, перевозка, экспорт, а также распоряжение предметами, вещами, деньгами, другими платежными докумен-

тами, носителями информации, тайниками или транспортными средствами, предназначенными для совершения преступлений. В соответствии с ч. 2 этой же статьи при приготовлении максимальное основное наказание, предусмотренное за преступление, уменьшается на половину. В случае назначения пожизненного лишения свободы за приготовление к преступлению срок тюремного заключения не должен превышать десяти лет. Кроме того, за приготовление к преступлению возможно назначение дополнительных видов наказания (ч. 4 ст. 46).

Таким образом, с учетом проведенного сравнительно-правового анализа зарубежного законодательства в российское уголовное законодательство целесообразно внести следующие изменения:

- приготовление как самостоятельный вид неоконченного преступления выделить в отдельную статью Общей части УК РФ;
- в понятии приготовления указать, что оно может быть совершено только умышленными действиями;
- приготовительные действия криминализовать, в том числе и за преступления средней тяжести.

Конечно, не стоит в полном объеме использовать зарубежный опыт и в российском правоприменительном процессе. Однако указанные выше предложения по совершенствованию института приготовления позволят снять ряд вопросов, по которым ведутся научные дискуссии, в частности о наказуемости предварительной преступной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлов, А. П. Учение о стадиях преступления : монография / А. П. Козлов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. – 353 с. – ISBN 5-94201-095-1.
2. Крылова, Н. Е. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии) : учебное пособие / Н. Е. Крылова, А. В. Серебренникова. – Москва : Зерцало, 1998. – 208 с. – ISBN 5-8078-0027-3.
3. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. Общая часть уголовного права / ответственный редактор Н. Ф. Кузнецова. – Москва : Юридическая литература, 1991. – 287 с. – ISBN 5-7260-0520-1.
4. Цзян Хуэйлинь. Основные черты Уголовного кодекса Китайской Народной Республики : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Цзян Хуэйлинь. – Москва, 1999. – 179 с.
5. Чернокозинская, С. В. Приготовление к преступлению: понятие, основания и причины криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказания : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / С. В. Чернокозинская. – Саратов, 2005. – 205 с.

REFERENCES

1. Kozlov A. P. *Uchenie o stadiyah prestupleniya* [The doctrine of the stages of crime]. St. Petersburg, 2002. 353 p. (In Russ.).
2. Krylova N. E., Serebrennikova A. V. *Ugolovnoe pravo zarubezhnykh stran* (Anglii, SSHA, Francii, Germanii) [Criminal law of foreign countries (England, USA, France, Germany)]. Moscow, 1998. 208 p. (In Russ.).
3. Kuznetsova N. F. (red.) *Prestuplenie i nakazanie v Anglii, SSHA, Francii, FRG, Yaponii. Obshchaya chast' ugovnogo prava* [Crime and punishment in England, USA, France, Germany, Japan. General part of criminal law]. Moscow, 1991. 287 p. (In Russ.).
4. Czyan Huejlin'. *Osnovnye cherty Ugolovnogo kodeksa Kitajskoj Narodnoj Respubliki. Diss. kand. yurid. nauk* [Key Features of the Criminal Code of the People's Republic of China. Diss. PhD. in Law]. Moscow, 1999. 179 p. (In Russ.).
5. Chernokozinskaya S. V. *Prigotovlenie k prestupleniyu: ponyatie, osnovaniya i prichiny kriminalizacii, vliyanie na kvalifikaciyu prestupleniya i nakazaniya. Diss. kand. yurid. nauk* [Preparation for a crime: the concept, grounds and causes of criminalization, the impact on the qualification of a crime and punishment. Diss. PhD. in Law]. Saratov, 2005. 205 p. (In Russ.).

Религиозные нормы как основа для дифференциации уголовной ответственности: на примере норм о преступлениях в области инновационной деятельности

В. Н. НЕКРАСОВ – начальник организационно-научного отдела, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

В статье предпринимается попытка изучения вопроса о том, как в различные исторические периоды развития России проводилась дифференциация ответственности за преступления в области инновационной деятельности. Религиозные нормы позволяют не только провести грань между преступным и не преступным, но и влиять на определение тяжести преступления и его общественной опасности в сравнении с другими противоправными деяниями. Однако является ли это универсальным правилом? В данной работе автор акцентирует внимание на исследовании оснований дифференциации уголовной ответственности применительно к такой группе общественно опасных деяний, как преступления в области инновационной деятельности. Ответ на поставленный автором вопрос невозможно получить без комплексного исследования религиозных норм, понимания сущности и средств дифференциации ответственности, определения понятия преступлений в области инновационной деятельности, роли церкви в системе регулирования общественных отношений.

В работе сделан вывод, что на сегодняшний день однозначно определить типовую степень общественной опасности такой группы общественно опасных деяний, как преступления в области инновационной деятельности, достаточно сложно. Связано это в том числе с тем, что указанные преступления не систематизированы и разбросаны по различным главам УК РФ. В этой связи одной из задач науки уголовного права является определение понятия, видов и общественной опасности преступлений в области инновационной деятельности. В противном случае это может привести к неоправданному включению в уголовный закон норм, устанавливающих уголовную ответственность за деяния, уголовная наказуемость которых сомнительна.

Ключевые слова: инновационная деятельность; преступление; религиозная норма.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Religious norms as a basis for differentiating criminal responsibility: the example of norms on crimes in the field of innovation

V. N. NEKRASOV – Head of the Organizational and Scientific Department, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

Abstract

The article attempts to study the issue of how differentiation of responsibility for crimes in the field of innovative activity was carried out in different historical periods of the development of Russia. Religious norms allow not only to draw a line between criminal and non-criminal, but also to influence the determination of the gravity of a crime and its social danger in comparison with other illegal acts. However is this a universal rule? In this work the author focuses on the study of the grounds for differentiating criminal liability in relation to such a group of socially dangerous acts as crimes in the field of innovation. The answer to the question posed by the author cannot be obtained without a comprehensive study of religious norms, an understanding of the nature and means of differentiating

responsibility, defining the concept of crimes in the field of innovation, the role of the church in the system of regulating social relations.

The paper concludes that today it is quite difficult to determine the typical degree of social danger of such a group of socially dangerous acts as crimes in the field of innovation. This is due to the fact that these crimes are not systematized and are scattered across various chapters of the Criminal Code of the Russian Federation. In this regard one of the tasks of the science of criminal law is the definition of the concept, types and public danger of crimes in the field of innovation. Otherwise this may lead to the unjustified inclusion in the criminal law of the rules establishing criminal liability for acts whose criminal penalties are doubtful.

Key words: innovation activity; the crime; religious norm.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Религия и церковь во все времена занимали центральное место в системе общественных отношений. Безусловно, это находило отражение и в конструировании правовых норм. Религиозные нормы содержат в себе первичные социальные правила поведения, которые в ряде случаев трансформируются в правовые нормы. Более того, религиозные установки могут не только служить основанием для создания правовых норм, но и выступать средством дифференциации ответственности. Для уголовного права это не является исключением. Религиозные нормы в таком случае не только позволяют провести грань между преступным и непроступным, но и влиять на определение тяжести преступления и его общественной опасности в сравнении с другими противоправными деяниями. Однако является ли это универсальным правилом? Ответ на данный вопрос невозможно получить без комплексного исследования религиозных норм, понимания сущности и средств дифференциации ответственности, определения понятия преступления в области инновационной деятельности, роли церкви в системе регулирования общественных отношений.

В юридической литературе немало исследований посвящено вопросам понятия, сущности, средств и оснований дифференциации уголовной ответственности. Между тем правоприменители нередко испытывают затруднения при проведении дифференциации ответственности на основе УК РФ.

Обратимся к дифференциации уголовной ответственности применительно к такой группе общественно опасных деяний, как преступления в области инновационной деятельности.

При определении содержания категории «дифференциация уголовной ответственности» мнения правоведов расходятся. Так, А. В. Васильевский под ней понимает «предусмотренное уголовным законом различие

вида, объема и характера негативных последствий в виде лишения и правоограничений для совершившего конкретное преступление лица в зависимости от изменения степени и характера общественной опасности данного лица и совершенного им деяния, а также в соответствии с принципом гуманизма» [3, с. 94]. Т. А. Лесниевски-Костарева определяет дифференциацию уголовной ответственности как градацию, расслоение ответственности в уголовном законе, в результате чего законодателем устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и личности виновного [7, с. 38]. По мнению О. Г. Соловьева, сущность дифференциации уголовной ответственности заключается в «различении, разграничении, разделении в уголовном законе ответственности, предусматривающей применение к виновному лицу различных видов и размеров наказания (или освобождение от него) либо иных мер уголовно-правового воздействия в зависимости от типовой степени и характера общественной опасности преступлений и типовой степени общественной опасности личности преступника» [9, с. 67–68]. М. Н. Каплин полагает, что дифференциация уголовной ответственности представляет собой установление в уголовном законе различных пределов наказуемости в зависимости от различий в характере и степени общественной опасности преступлений и лиц, их совершивших [4, с. 11–12]. П. В. Коробов считает, что дифференциация уголовной ответственности представляет собой предусмотренное в федеральных законах деление обязанности лица, совершившего преступление, подвергнуться осуждению, наказанию и судимости, основанное на учете степени и характера общественной опасности преступления и степени общественной опасности личности преступника [5, с. 10].

На наш взгляд, дифференциация уголовной ответственности представляет собой градацию, разделение, расслоение ответственности в уголовном законе, результатом чего являются различные уголовно-правовые последствия.

В науке уголовного права на протяжении длительного периода ведется дискуссия о том, что является основанием дифференциации уголовной ответственности. Вместе с тем в современной уголовно-правовой доктрине является общепризнанным мнение, что деяние должно быть общественно опасным, поскольку именно это свойство позволяет законодателю принять положительное решение о включении в Особенную часть УК РФ нормы, которая устанавливает уголовную ответственность за совершение этого деяния [6, с. 275–276]. Однако указанный критерий является очень подвижным и непостоянным. Учеными отмечаются такие дополнительные характеристики отмеченного свойства, как типовая степень общественной опасности содеянного, типовая степень опасности лица, совершившего преступление, обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность, форма вины [8, с. 38; 10, с. 7]. Вместе с тем следует отметить, что упомянутые критерии также подвергаются справедливой критике [6, с. 277].

В результате получается, что в настоящее время отсутствуют ясные критерии определения общественной опасности преступления как основания для дифференциации ответственности. Решение обозначенной проблемы видится в точном и грамотном определении в каждом конкретном случае общественной опасности деяния. Однако указанная ситуация осложняется тем, что на различных этапах исторического развития понимание общественной опасности трактовалось по-разному. В этой связи ряд исследователей отмечают, что только религиозные постулаты являются той непрекращаемой основой построения любых общественных отношений в любое время без исключения, которая представляет собой первичную основу для дифференциации ответственности [6, с. 280]. Как верно отмечает Е. В. Бабошина, «тесная связь права и религии характерна практически для всех правовых систем народов мира. Нет ни одной системы древнего писанного права, которая не включала бы религиозные предписания и ритуальные правила» [2].

Попытаемся выяснить, верно ли указанное утверждение, на примере такой группы общественно опасных деяний, как престу-

пления в сфере инновационной деятельности.

В отличие от общеуголовных преступлений, известных еще со времен древнейших памятников отечественного уголовного права, преступления в сфере инновационной деятельности до сих пор не выделяются российским законодателем в отдельную группу противоправных деяний. Вместе с тем общественные отношения, складывающиеся в сфере инновационной деятельности, существовали в российском государстве с давних времен, однако в качестве инновационных они тогда не обозначались. Как правило, их называли отношениями, которые возникали в связи с изобретательской, исследовательской и научной деятельностью, а также значимыми научными достижениями.

В античный период к проявлениям инновационной деятельности можно отнести первые труды по математике, механике, астрономии. Вместе с тем нередко ученые и новаторы признавались еретиками, чернокнижниками, а их изобретения попадали под запрет или уничтожались. На протяжении многих веков роль инновационной деятельности была ничтожна и подчинялась религиозным догмам и стереотипам, так как государство с помощью церкви стремилось максимально контролировать все сферы жизни общества, в том числе и новые знания и изобретения.

Например, в XVII в. состоялся судебный процесс по обвинению боярина Артамона Сергеича Матвеева, который был одним из любимцев царя Федора Алексеевича. Враги боярина для отдаления его от царя и двора обвинили его в чародействе, доказать которое в то время было несложно: достаточно было иметь при себе какую-нибудь иностранную книгу и медицинские пособия [1]. На Артамона Сергеича донесли, что якобы он вместе с доктором Стефаном и переводчиком Спафари, запершись в палате, читали черную книгу, и в то время явилось к ним множество нечистых духов. В результате боярин был признан виновным и сослан в заточение с лишением дворянства. Согласно другому судебному процессу доктор фон Гаден был осужден к смерти за то, что у него в доме нашли сушеных змей [1, с. 131].

Нельзя не отметить, что в приведенных примерах судебных дел лица были признаны виновными в совершении преступлений, которые в настоящее время как минимум являются общественно безопасными. Более того, виновные лица, по сути своей, занима-

лись в анализируемый исторический период инновационной деятельностью, а именно изобретательством и поддержкой научных исследований, что сейчас именуется как создание инновационной инфраструктуры.

В начале XVIII в. в российском уголовном праве впервые формируется стройная система преступлений, изложенная прежде всего в Воинском артикуле 1715 г. Примечательно, что в данном законодательном акте первое место занимали религиозные преступления, и возглавляет их перечень именно чародейство. Как уже отмечалось, нередко обвинение по данному преступлению выносилось в отношении людей, которые занимались научной или изобретательской деятельностью. В этой связи обращает на себя внимание тяжесть наказания за анализируемое деяние. В частности, чародейство наказывалось смертной казнью (сожжением) при условии, что будет доказано сношение обвиняемого с дьяволом. В противном случае назначались тюремное заключение и телесное наказание. На примере данного преступления видно, что законодатель наиболее общественно опасным преступлением считает именно посягательство на общественные отношения в области религии и церкви и только после этого посягательство на иные правоохраняемые объекты. Так, например, преступления против жизни и здоровья, которые считаются сегодня наиболее общественно опасными, законодатель XVIII в. располагал лишь в девятнадцатой главе. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что при проведении дифференциации ответственности в Воинском артикуле 1715 г. законодатель отдает приоритет для государства и общества религиозным преступлениям, а уже после преступлениям в сфере жизни и здоровья. К сожалению, с таким положением дел нельзя согласиться, особенно учитывая тот факт, что нередко за чародейство уголовному наказанию подлежали люди, занимавшиеся исследованиями, которые продвигали вперед различные сферы общественной жизни.

Некоторое смягчение за анализируемый вид преступления в области инновационной деятельности произошло в 1722 г. Так, с 1722 г. смертная казнь за «ложные чудеса» заменялась ссылкой на галеры, с 1754 г. – кнутом и плетью.

Приведенные примеры позволяют сделать как минимум три вывода.

Во-первых, на примере преступлений в области инновационной деятельности очевидно, что граница преступного и непре-

ступного является очень уязвимой и неустойчивой. Так, одни и те же поступки людей в разные исторические периоды понимаются по-разному. Сегодня люди, занимающиеся исследованиями и разработками, воспринимаются как специалисты, от которых зависит будущее государства и общества. В XVIII в. указанная категория людей признавалась еретиками, а их деятельности считалась преступной. И как раз религиозные нормы были положены в основу не вполне удачной дифференциации уголовной ответственности за анализируемую группу преступлений.

Во-вторых, во все исторические периоды законодатель рассматривает инновационную деятельность как сферу активного государственного внимания ввиду ее важности для государства и общества. Об этом, в частности, свидетельствует то, что нормы о преступлениях в рассматриваемой сфере в Воинском артикуле 1715 г. были расположены в разделе, посвященном преступлениям против церкви, и занимали первое место в системе преступлений. Отмеченное позволяет заключить, что признаки публичного характера общественных отношений в области инновационной деятельности характерны для различных периодов государственности.

Конечно, не всех чародеев следует причислять к инноваторам, но вместе с тем их число, а самое главное результаты труда были весомыми для развития науки того периода. В этой связи в ряде случаев преступления в сфере инновационной деятельности относились к группе религиозных. Подтверждением этого является, в частности, то, что виновные лица при совершении преступлений в области инновационной деятельности используют для этого те же методы, что применяются при создании инновации или результата инновационной деятельности.

В-третьих, на примере анализа понимания законодателем общественной опасности отдельных преступлений в области инновационной деятельности сложно согласиться с тем, что первичными основаниями дифференциации ответственности выступают религиозные нормы. Наиболее предпочтительной, на наш взгляд, является позиция, относящая к основаниям дифференциации уголовной ответственности характер и типовую степень общественной опасности преступления, а также типовые характеристики личности виновного. Вместе с тем следует отметить, что в ряде

случаев как раз религиозные нормы могут быть первичным основанием дифференциации. Так, например, заповедь «Не убий» органично детализирована в группу норм действующего УК РФ, посвященных охране общественных отношений в области жизни и здоровья человека. Однако указанное правило нельзя признать универсальным и устойчивым.

Таким образом, однозначно определить типовую степень общественной опасности такой группы общественно опасных деяний, как преступления в области инноваци-

онной деятельности, достаточно сложно. Связано это в том числе с тем, что указанные преступления не систематизированы и разбросаны по различным главам закона. В этой связи одной из задач науки уголовного права является определение понятия, видов и общественной опасности преступлений в области инновационной деятельности. В противном случае это может привести к неоправданному включению в УК РФ норм, устанавливающих уголовную ответственность за деяния, уголовная наказуемость которых сомнительна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : в 3 томах. Том 3 / А. Н. Афанасьев. – Москва : Академический проект, 2013. – 362 с. – ISBN 978-5-8291-1461-9.
2. Бабошина, Е. В. Право и религия: теоретико-правовые аспекты взаимодействия / Е. В. Бабошина // Юристы-Правоведь. – 2009. – № 5. – С. 33–37.
3. Васильевский, А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. В. Васильевский. – Ярославль, 2000. – 219 с.
4. Каплин, М. Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / М. Н. Каплин. – Екатеринбург, 2003. – 187 с.
5. Коробов, П. В. Дифференциация уголовной ответственности в классификации уголовно наказуемых деяний : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / П. В. Коробов. – Москва, 1983. – 225 с.
6. Лапшин, В. Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / В. Ф. Лапшин. – Рязань, 2016. – 446 с.
7. Лесниевски-Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски-Костарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : НОРМА, 2000. – 400 с. – ISBN 5-89123-449-1.
8. Мельникова, Ю. Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания / Ю. Б. Мельникова. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 115 с. – ISBN 5-7470-0033-0.
9. Соловьев, О. Г. Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / О. Г. Соловьев. – Ярославль, 2002. – 222 с.
10. Чугаев, А. П. Индивидуализация ответственности за преступления и ее особенности по делам несовершеннолетних : учебное пособие / А. П. Чугаев. – Краснодар : Кубан. ун-т, 1979. – 96 с.

REFERENCES

1. Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predanij i verovanij v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennykh narodov. Tom 3* [Slavic poetic views on nature: the experience of a comparative study of Slavic traditions and beliefs in connection with the mythical legends of other kindred peoples. Vol. 3]. Moscow, 2013. 362 p. (In Russ.).
2. Baboshina E. V. *Pravo i religiya: teoretiko-pravovye aspekty vzaimodejstviya* [Law and religion: theoretical and legal aspects of interaction]. *YUrist'-Pravoved'* – *Lawyer-Legist*, 2009, no. 5, pp. 33–37. (In Russ.).
3. Vasil'evskij A. V. *Differenciaciya ugovolnoj otvetstvennosti i nakazaniya v Obshej chasti ugovolnogo prava. Diss. kand. yurid. nauk* [Differentiation of criminal liability and punishment in the General part of criminal law. Diss. PhD. in Law]. Yaroslavl, 2000. 219 p. (In Russ.).
4. Kaplin M. N. *Differenciaciya ugovolnoj otvetstvennosti za prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya. Diss. kand. yurid. nauk* [Differentiation of criminal liability for crimes against life and health. Diss. PhD. in Law]. Yekaterinburg, 2003. 187 p. (In Russ.).
5. Korobov P. V. *Differenciaciya ugovolnoj otvetstvennosti v klassifikacii ugovolno nakazuemykh deyanij. Diss. kand. yurid. nauk* [Differentiation of criminal liability in the classification of criminal offenses. Diss. PhD. in Law]. Moscow, 1983. 225 p. (In Russ.).
6. Lapshin V. F. *Teoreticheskie osnovy ustanovleniya i differenciacii otvetstvennosti za finansovye prestupleniya. Diss. dokt. yurid. nauk* [Theoretical foundations for establishing and differentiating liability for financial crimes. Diss. Dsc. in Law]. Ryzan, 2016. 446 p. (In Russ.).
7. Lesnievski-Kostareva T. A. *Differenciaciya ugovolnoj otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Differentiation of criminal liability. Theory and legislative practice]. Moscow, 2000. 400 p. (In Russ.).
8. Mel'nikova YU. B. *Differenciaciya otvetstvennosti i individualizaciya nakazaniya* [Differentiation of responsibility and individualization of punishment]. Krasnoyarsk, 1989. 115 p. (In Russ.).
9. Solov'ev O. G. *Prestupleniya v sfere nalogooblozheniya (st. 194, 198, 199 UK RF): problemy yuridicheskoy tekhniki i differenciacii otvetstvennosti. Diss. kand. yurid. nauk* [Crimes in the field of taxation (Articles 194, 198, 199 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of legal technology and differentiation of responsibility. Diss. PhD. in Law]. Yaroslavl, 2002. 222 p. (In Russ.).
10. CHugaev A. P. *Individualizaciya otvetstvennosti za prestupleniya i ee osobennosti po delam nesovershennoletnih* [Individualization of responsibility for crimes and its features in juvenile affairs]. Krasnodar, 1979. 96 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10012

УДК 343.13

Стадия возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: назначение и основания производства

А. Т. ВАЛЕЕВ – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент;

О. А. БЕЛОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент;

Н. В. СОФИЙЧУК – начальник учебно-методического управления Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье анализируются проблемы законодательной регламентации стадии возобновления производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, ее назначения, оснований для производства, изложена правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации по данным вопросам, приведена практика Европейского Суда по правам человека по пересмотру судебных решений, вступивших в законную силу.

Авторами рассматриваются отличия института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств от иных производств по пересмотру судебных решений, прежде всего от производства в суде кассационной или надзорной инстанции; исследуются основания для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, приводится перечень обстоятельств, которые относятся к новым, вновь открывшимся, а также иным новым. На основании проведенного анализа действующего уголовно-процессуального законодательства и судебной практики предлагается ввести в УПК РФ понятие «иные вновь открывшиеся обстоятельства».

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; возобновление производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств; пересмотр приговоров; отмена приговора; изменение приговора; основания изменения приговора; виды судебных решений.

12.00.09 – Уголовный процесс

Stage of resumption of criminal proceedings of new and newly discovered circumstances: appointment and grounds of proceedings

A. T. VALEEV – Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the North-West Institute (branch) O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), PhD. in Law, Associate Professor;

O.A. BELOV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the North-West Institute (branch) O.E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), PhD. in Law, Associate Professor;

N. V. SOFIYCHUK – Head of the Educational and Methodological Department of the O.E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article analyzes the problems of legislative regulation of the stage of the resumption of proceedings in view of new and newly discovered circumstances, its purpose, grounds for proceedings, sets out the legal position of the Constitutional Court of the Russian

Federation on these issues, describes the practice of the European Court of Human Rights on the review of court decisions that have entered into force.

The authors examine the differences between the institution of the resumption of criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances from other proceedings for the review of court decisions, primarily from proceedings in a court of cassation or supervisory review; the grounds for the resumption of criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances are investigated, a list of circumstances that relate to new, newly discovered, and also other new ones is given. Based on the analysis of the current criminal procedure legislation and judicial practice, it is proposed to introduce the concept of "other newly discovered circumstances in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Key words: criminal proceedings; resumption of production due to new and newly discovered circumstances; review of sentences; annulment of sentence; sentence change; grounds for changing the sentence; types of court decisions.

12.00.09 – Criminal procedure

Производство по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств наряду с кассационным и надзорным производством является способом проверки приговоров, определений и постановлений судов, вступивших в законную силу. Многие обстоятельства объективно могут быть неизвестны суду в момент судебного разбирательства и провозглашения приговора, а кассационное и надзорное производство имеют свои ограничения. В российском уголовном судопроизводстве институт возобновления производства ввиду новых обстоятельств появился впервые в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и применялся на протяжении всего существования советского и постсоветского уголовно-процессуального законодательства [1, с. 40–63].

Предметом пересмотра в порядке возобновления производства уголовных дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств являются вступившие в законную силу судебные решения судов первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций (ч. 1 ст. 413 и ст. 417 УПК РФ). В соответствии с ч. 2 ст. 127 УПК РФ посредством данной процедуры может быть пересмотрено вступившее в законную силу судебное решение, принятое в процессе как судебного, так и досудебного производства.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 02.02.1996 № 4-П отметил, что по своему содержанию и предназначению возобновление дел, то есть их новое рассмотрение, выступает в качестве механизма, дополняющего все обычные способы обеспечения правосудности приговоров. Этот вид производства, имеющий как бы резервное значение, используется, когда неприменимы или были исчерпаны другие средства процессуально-правовой защиты. В силу этого в литературе

получила широкое распространение идея, что институт возобновления производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств имеет резервное значение по отношению к иным способам пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу [7, с. 200].

Такая вторичность обусловлена фактом, что УПК РСФСР от 27.10.1960, действовавший на момент принятия рассматриваемого постановления Конституционного Суда Российской Федерации, исходил из абсолютно-го запрета выявлять и устранять в надзорном порядке любые судебные ошибки, если дело было рассмотрено в качестве высшей надзорной инстанции Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, вне зависимости от качества соответствующего решения (ст. 371, 374 УПК РСФСР). Данные решения могли быть пересмотрены только в рамках возобновления производства ввиду новых обстоятельств.

Вместе с тем в соответствии с положениями ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, вступившие в законную силу, могут быть обжалованы в Президиум Верховного Суда Российской Федерации, который правомочен отменять свои собственные решения. Таким образом, необходимость существования какой-то резервной, дополнительной судебной инстанции по отношению к надзорной в действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует.

На основании изложенного более верной представляется точка зрения, согласно которой механизм возобновления производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств может и должен использоваться для устранения допущенных в ходе уголовного судопроизводства нарушений сам по себе, а не тогда, когда возможности

их исправления в кассационном порядке и порядке надзора оказались исчерпанными. В этом смысле по отношению к этим производствам он не должен восприниматься как резервный [16, с. 340]. Сходного мнения придерживается А. В. Давыдов, отмечая, что данный институт вполне самостоятелен и применяется не вместо или после надзорного производства, а вполне самостоятельно [3, с. 111].

Конституционный Суд Российской Федерации в вышеуказанном постановлении подразделяет процессуальные стадии на обычные и особые, относя к числу последних и стадию возобновления уголовных дел ввиду новых обстоятельств. В юридической литературе используются также термины «экстраординарные стадии» [14, с. 521] или «исключительные стадии» [10, с. 6].

В этой связи В. А. Давыдов придерживается точки зрения, согласно которой в настоящее время не имеется никаких препятствий к тому, чтобы и производство в надзорной инстанции, и возобновление производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в теории уголовного процесса рассматривать как вполне ординарные или нормальные стадии. Автор указывает, что нет ничего чрезвычайного, исключительного или экстраординарного в пересмотре вступившего в законную силу судебного акта по уголовному делу и исправлении судебной ошибки, допущенной вследствие неосведомленности суда относительно обстоятельств, имеющих важное значение для правильного разрешения уголовного дела, поскольку большая часть этих обстоятельств в принципе не может быть обнаружена до вступления судебного акта в законную силу. В современных условиях данный вид проверочного производства если и можно рассматривать как производство исключительное, то только с точки зрения его соотношения с общепризнанным правовым принципом правовой определенности [3, с. 99–100].

Полагаем, однако, что именно последнее обстоятельство и свидетельствует об исключительности, экстраординарности данной стадии. В этой связи считаем важным также отметить, что, например, в практике Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) стадии, направленные на пересмотр судебных решений, вступивших в законную силу, также не относятся к числу обычных, ординарных. Согласно многочисленным его решениям они находятся за рамками обычных средств внутренней пра-

вовой защиты и являются экстраординарными производствами.

Большое значение имеет вопрос об основных отличиях института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств от иных производств по пересмотру судебных решений, прежде всего от производства в суде кассационной или надзорной инстанции.

Как отмечается в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16.05.2007 № 6-П, основанием для пересмотра судебных актов в кассационном и надзорном порядках выступают судебные ошибки, проистекающие из материалов уголовного дела, неправильной их оценки судом и неверного применения материального закона. Производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств возбуждаются в связи с ошибками, возникшими из таких фактических или юридических обстоятельств, которые в силу объективных причин ранее не могли входить в предмет исследования по уголовному делу.

Кроме того, предусмотренные законом основания пересмотра приговора, постановления, определения суда ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств предопределяют процессуальную специфику его практического осуществления. В отличие от апелляционного, кассационного и надзорного производств, заключающихся в повторном исследовании судом, в сущности, одних и тех же материалов уголовного дела, производство ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств предполагает, в частности, осуществление процессуальных действий и принятие решений, характерных не только для судебного, но и для досудебного производства [16, с. 340–341].

Институт возобновления производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств в российском законодательстве регламентируется положениями гл. 49 УПК РФ. Как отмечается значительным числом авторов, правоотношения, возникающие в ходе рассматриваемой стадии процесса, урегулированы не в полной мере, кроме того, в указанной главе имеются и очевидные противоречия. Сказанное характерно как в целом для всего правового института возобновления производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам, так и для составляющих его элементов. Вследствие этого правоприменители сталкиваются с неизбежными трудностями реализации положений УПК РФ о

производстве по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам [8, с. 14].

Статья 413 УПК РФ, подвергаясь за последние годы весьма существенным изменениям, устанавливает основания возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

К вновь открывшимся обстоятельствам закон относит:

1. Установленные вступившим в законную силу приговором суда заведомая ложность показаний потерпевшего или свидетеля, заключения эксперта, а равно подложность вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий и иных документов или заведомая неправильность перевода, повлекшие за собой постановление незаконного, необоснованного или несправедливого приговора, вынесение незаконного или необоснованного определения или постановления.

В отношении рассматриваемого обстоятельства в научной литературе возникает несколько проблемных вопросов:

1) возможно ли отнести к основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 3 ст. 413 УПК РФ, добросовестное заблуждение потерпевшего или свидетеля, ошибочное заключение эксперта или ошибочность перевода?

Абсолютное большинство авторов справедливо отмечают, что при решении данного вопроса необходимо учитывать, что законодатель исходил из того, что показания свидетеля или потерпевшего, заключение эксперта должны быть заведомо ложными. Следовательно, такую ситуацию нельзя отнести к основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 3 ст. 413 УПК РФ [2, с. 41–42; 5, с. 88]. Этот же подход реализуется в рамках судебной практики.

Безусловно, данные ситуации не охватываются ни одним из предусмотренных ст. 413 УПК РФ оснований, в том числе и «иными новыми обстоятельствами», которые упомянуты в п. 3 ч. 4 ст. 413 УПК РФ. В этой связи мы полагаем, что перечень оснований возобновления производства по уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств нуждается в совершенствовании;

2) могут ли в качестве данного основания выступать заведомо ложные показания обвиняемого и подозреваемого?

В судебной практике встречаются случаи, когда обвиняемый оговаривает другое лицо в совершении преступления, а затем сам заявляет о заведомой лжности своего ого-

вора или это выясняется в результате произведенного расследования или судебного разбирательства [2, с. 46].

2. Установленные вступившим в законную силу приговором суда преступные действия дознавателя, следователя или прокурора, повлекшие за собой постановление незаконного, необоснованного или несправедливого приговора, вынесение незаконного или необоснованного определения либо постановления (примером может служить постановление президиума Орловского областного суда от 13.09.2012).

3. Установленные вступившим в законную силу приговором суда преступные действия судьи, совершенные им при рассмотрении данного уголовного дела. По указанному основанию следует квалифицировать преступления, совершенные не только профессиональным судьей, но также и членом коллегии присяжных заседателей, как это осуществлено в определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.05.2014 по уголовному делу № 25-Д14-9.

Частью 5 ст. 413 УПК РФ определено, что вновь открывшиеся обстоятельства могут быть установлены не только приговором, но и постановлением или определением суда, постановлением следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела по упомянутым нереабилитирующим основаниям.

В этой связи К. В. Лиджаев справедливо отмечает, что из перечня лиц, чьи постановления о прекращении уголовного дела могут устанавливать вновь открывшиеся обстоятельства, необоснованно исключен прокурор, ведь по результатам рассмотрения уголовного дела, поступившего к нему от органа дознания с обвинительным актом, он вправе вынести постановление о прекращении уголовного дела [7, с. 202].

Значительное число авторов выступают с критикой ч. 5 ст. 413 УПК РФ в той части, где вновь открывшиеся обстоятельства могут быть установлены только постановлением следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Такой подход законодателя представляется ошибочным, поскольку факт совершения преступления против правосудия, квалифицируемый как вновь открывшееся обстоятельство, может быть установлен и в случае прекращения уголовного дела по иным основаниям [3, с. 193–194].

Критике подвергают исследователи и положения УПК РФ, не предоставляющие воз-

возможность возобновления производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств, когда на основании собранных доказательств устанавливаются факты, с очевидностью свидетельствующие о неправомерности вступившего в законную силу судебного акта, но производство по уголовному делу не может быть завершено приговором либо решением следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела ввиду того, что оно приостановлено [2, с. 99; 5, 109–110; 3, с. 193–196; 16, с. 342].

Важно отметить, что не только законодатель, но и судебная практика, в том числе Верховного Суда Российской Федерации, идет по пути ограничительного толкования положений ч. 5 ст. 413 УПК РФ [3, с. 194–195].

Мы согласны с мнением, что каждый случай необоснованного осуждения или оправдания лица наносит ущерб интересам правосудия, существенным образом нарушает права и законные интересы граждан, что свидетельствует о необходимости внесения соответствующих изменений в ч. 5 ст. 413 УПК РФ [5, с. 109–110].

Новыми обстоятельствами, которые могут служить основанием для пересмотра судебного решения, являются:

1. Признание Конституционным Судом Российской Федерации примененного судом в конкретном уголовном деле закона не соответствующим Конституции Российской Федерации.

Как отмечается исследователями, определенную правовую проблему представляет ситуация, при которой при рассмотрении жалобы в Конституционном Суде Российской Федерации правовая норма признается конституционной, но с выявлением ее конституционно-правового смысла, исключающего иные ее толкования в практике [12, с. 83–84]. Согласно содержанию п. 1. ч. 4 УПК РФ такое решение не может рассматриваться как новое обстоятельство. Вместе с тем, насколько данное положение является правильным, вопрос спорный.

2. Установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод, иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Важно отметить, что ЕСПЧ не является вышестоящей судебной инстанцией по от-

ношению к судебным системам государств – участников конвенции. В связи с этим он неправомочен отменять или изменять судебные решения, постановленные национальными судами, давать обязательные для исполнения указания по внесению изменений в законодательство. ЕСПЧ лишь рассматривает конкретные жалобы в целях установления наличия или отсутствия нарушений требований конвенции и присуждения в соответствии со ст. 41 конвенции справедливой компенсации потерпевшей стороне.

В целом отнесение данного основания к новым обстоятельствам не является бесспорным. Как правильно отмечается в литературе, нарушение прав и свобод человека делает решение суда незаконным. Соответственно, можно говорить о том, что постановление ЕСПЧ выступает новым обстоятельством, влекущим за собой незаконность ранее постановленных национальными судами решений. Однако если исходить из того, что постановлением ЕСПЧ только устанавливается факт нарушения конвенции, но при этом сам факт нарушения не возникает как результат деятельности ЕСПЧ, а существует уже на момент разрешения дела национальными судами, процедура пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам также вполне применима [13, с. 66].

3. Наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Включение данного основания возобновления производства ввиду новых обстоятельств в УПК РФ было связано с вынесением Конституционным Судом Российской Федерации постановления от 16.05.2007 № 6-П, в котором неконституционными были признаны нормы УПК РФ, не позволявшие возобновить производство ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств в случае наступления новых общественно опасных последствий преступления после передачи дела в суд первой инстанции. Нельзя не отметить, что данное решение Конституционного Суда Российской Федерации не было принято единогласно: в особом мнении судья С. М. Казанцев отметил, что рассмотренные в постановлении нормы УПК РФ нельзя признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, поскольку они направлены на защиту признавае-

мых Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми актами прав осужденного (оправданного). Кроме того, они не лишают потерпевшего права на доступ к правосудию и права на эффективную судебную защиту в установленных законом процессуальных формах.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации, изложенная в постановлении от 16.05.2007 № 6-П, была подтверждена и развита в постановлении от 02.07.2013 № 16-П, где Конституционный Суд Российской Федерации признал положения ч. 1 ст. 237 УПК РФ, в том числе во взаимосвязи с ч. 2 ст. 252 УПК РФ, которые исключают в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, не соответствующими Конституции Российской Федерации.

Как правильно отмечают исследователи, правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированная в постановлении № 16-П, допускает возвращение дела прокурору для изменения квалификации судом по собственной инициативе [11, с. 197].

Необходимо подчеркнуть, что указанные решения Конституционного Суда Российской Федерации вызвали неоднозначную реакцию юридической общественности. В частности, в литературе можно встретить высказывания о кардинальном изменении вектора развития уголовного судопроизводства, поскольку на смену таким революционным преобразованиям, как расширение сферы действия принципа состязательности сторон, пришло реакционное движение в направлении, резко противоположном ранее взятому либеральному курсу [4, с. 98, 100–101].

Мы согласны с теми авторами, которые полагают, что данные постановления вполне обоснованны [6, с. 294].

4. Иные новые обстоятельства.

К иным новым обстоятельствам можно отнести, например, ситуации, когда якобы убитый оказался жив, осужденный заявляет, что оговорил соучастника, эксперт заявил, что ошибся при производстве экспертизы, и другие, которые невозможно полностью предусмотреть заранее [9, с. 168].

Сам перечень обстоятельств, которые могут повлечь возобновление производства по делу, по которому уже принято и вступило в силу решение суда, является предметом многочисленных дискуссий. В литературе обосновывается точка зрения о недопустимости отсутствия строгих критериев в этой сфере. Аналогичного мнения придержива-

ется и Конституционный Суд Российской Федерации [14, с. 523].

Многие авторы отмечают неудачность формулировки «иные новые обстоятельства», поскольку в большинстве случаев речь фактически ведется не о иных новых обстоятельствах, а о иных вновь открывшихся обстоятельствах. Различие данных понятий состоит в том, что первые устанавливаются расследованием, а вторые этого не требуют. В этой связи нередко предложения ввести в УПК РФ также понятие «иные вновь открывшиеся обстоятельства». В целом такое нововведение имеет под собой основания, однако может несколько запутать правоприменителей [2, с. 70; 5, с. 88].

Важным моментом при определении того, какие обстоятельства могут быть признаны иными новыми обстоятельствами, является то, что согласно ч. 4 ст. 413 УПК РФ новыми обстоятельствами являются только такие фактические обстоятельства, которые не были ранее предметом исследования по делу в силу объективных причин, а не в результате упущения со стороны органов предварительного расследования.

Таким образом, по итогам рассмотрения возобновления производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств считаем возможным сформулировать некоторые выводы.

Стадия возобновления уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в настоящий период не может считаться резервной по отношению к другим стадиям уголовного судопроизводства, поскольку имеет свой предмет производства, свои задачи, круг субъектов, процедуру и т. п. Механизм возобновления производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств может и должен использоваться для устранения допущенных в ходе уголовного судопроизводства нарушений сам по себе, а не тогда, когда возможности их исправления в кассационном порядке и в порядке надзора оказались исчерпанными.

Перечень обстоятельств, которые могут повлечь возобновление производства по делу, по которому уже принято и вступило в силу решение суда, является предметом многочисленных дискуссий. В литературе обосновывается точка зрения о недопустимости отсутствия строгих критериев для перечисления обстоятельств, влекущих отмену вступившего в силу решения суда.

Перечень иных новых обстоятельств не установлен и вообще не является исчерпы-

вающим, если исходить из позиций Конституционного Суда Российской Федерации. Тем не менее на практике большинство уголовных дел пересматривается по последнему из указанных новых обстоятельств оснований (наличие иных новых обстоятельств). Необходимо отметить, что многие авторы отмечают неудачность формулировки «иные новые обстоятельства», поскольку в боль-

шинстве случаев речь фактически ведется о иных вновь открывшихся обстоятельствах. Отличие в данном случае заключается в том, что первые устанавливаются расследованием, проведенным в порядке, предусмотренном УПК РФ, а вторые этого не требуют. В этой связи предлагается ввести в УПК РФ также понятие иных вновь открывшихся обстоятельств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бородинова, Т. Г.** Институт пересмотра приговоров ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств: теория, история формирования, особенности структуры : монография / Т. Г. Бородинова. – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2011. – 144 с. – ISBN 978-5-91718-151-6.
2. **Ведищев, Н. П.** Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств / Н. П. Ведищев. – Москва : Юрлитинформ, 2003. – 256 с. – ISBN 5-93295-079-X.
3. **Давыдов, В. А.** Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / В. А. Давыдов. – Москва, 2011. – 403 с.
4. **Дикарев, И. С.** Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией / И. С. Дикарев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 : Юриспруденция. – 2013. – № 3. – С. 98–103.
5. **Зумакулов, А. Д.** Институт возбуждения производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств как гарантия прав и свобод личности : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. Д. Зумакулов. – Кисловодск, 2005. – 219 с.
6. **Костромин, В. Ю.** Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в свете постановления Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-п «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» / В. Ю. Костромин // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 293–295.
7. **Лиджаев, К. В.** Проблемы реализации института уголовного судопроизводства ввиду вновь открывшихся обстоятельств / К. В. Лиджаев // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 200–205.
8. **Оксюк, Т. Л.** Актуальные проблемы возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств / Т. Л. Оксюк // Законность. – 2014. – № 1 (951). – С. 14–19.
9. **Петрухин, И. Л.** Оправдательный приговор и право на реабилитацию : монография / И. Л. Петрухин. – Москва : Проспект, 2009. – 192 с. – ISBN 978-5-392-00508-6.
10. **Рыжаков, А. П.** Возобновление уголовных дел по вновь открывшимся обстоятельствам / А. П. Рыжаков. – Москва : Фименъ, 1997. – 96 с. – ISBN 5-900855-71-6.
11. **Смирная, Л. В.** К вопросу о возобновлении уголовного судопроизводства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств в свете концептуальных тенденций развития уголовно-процессуального законодательства / Л. В. Смирная // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 6. – С. 195–198.
12. **Соколов, Т. В.** Возобновление производства по уголовным делам лиц, обращавшихся в Конституционный Суд Российской Федерации: реальность и перспективы совершенствования уголовно-процессуальной формы / Т. В. Соколов // Социология и право. – 2014. – № 1 (23). – С. 82–92.
13. **Султанов, А. Р.** Правовые последствия постановлений Европейского суда по правам человека / А. Р. Султанов // Журнал российского права. – 2011. – № 9. – С. 64–72.
14. **Уголовный процесс : учебник для бакалавров / ответственный редактор Л. А. Воскобитова.** – Москва : Проспект, 2013. – 694 с. – ISBN 978-5-392-10406-2.
15. **Хоменко, С. М.** Проблемы законодательного регулирования возобновления производства по уголовным делам ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств / С. М. Хоменко // Юристы-правоведы. – 2008. – № 4. – С. 40–41.
16. **Шаталов, А. С.** Правовые и организационные основы возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств / А. С. Шаталов // Вопросы правоведения. – 2013. – № 4. – С. 338–357.

REFERENCES

1. Borodinova T. G. *Institut peresmotra prigovorov vidu novykh i vnov' otkryvshihsyia obstoyatel'stv: teoriya, istoriya formirovaniya, osobennosti struktury* [The Institute for the Review of Sentences in view of new and newly discovered circumstances: theory, history of formation, structural features]. Krasnodar, 2011. 144 p. (In Russ.).
2. Vedishchev N. P. *Vozobnovlenie proizvodstva po ugovornomu delu vidu novykh ili vnov' otkryvshihsyia obstoyatel'stv* [Resumption of criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances]. Moscow, 2003. 256 p. (In Russ.).
3. Davydov V. A. *Vozobnovlenie ugovornogo sudoproizvodstva vidu novykh ili vnov' otkryvshihsyia obstoyatel'stv. Diss. dokt. yurid. nauk* [The resumption of criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances. Diss. Dsc. in Law]. Moscow, 2011. 403 p. (In Russ.).
4. Dikarev I. S. Ugolovnyj process: «tihaya revolyuciya» smenilas' reakciej [Criminal process: "silent revolution" gives way to reaction]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudenciya – Bulletin of Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence*, 2013, no. 3, pp. 98–103. (In Russ.).
5. Zumakulov A. D. *Institut vobuzhdeniya proizvodstva po ugovornomu delu vidu novykh ili vnov' otkryvshihsyia obstoyatel'stv kak garantiya prav i svobod lichnosti. Diss. dokt. yurid. nauk* [Institution of criminal proceedings in view of new or newly discovered circumstances as a guarantee of individual rights and freedoms. Diss. PhD. in Law]. Kislovodsk, 2005. 219 p. (In Russ.).
6. Kostromin V. YU. *Vozobnovlenie proizvodstva po ugovornomu delu vidu novykh ili vnov' otkryvshihsyia obstoyatel'stv v svete postanovleniya Konstitucionnogo Suda RF ot 16 maya 2007 g. № 6-p «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij statej 237, 413 i 418 Ugolovno-procussual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom prezidiuma Kurganskogo oblastnogo suda»* [The resumption of criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances in the light of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 16, 2007 No. 6-p "In the case of the constitutionality of the provisions of Articles 237, 413 and 418 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation

- in connection with the request Presidium of the Kurgan Regional Court]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian law*, 2008, no. 2, pp. 293–295. (In Russ.).
7. Lidzhaev K. V. Problemy realizacii instituta ugovolnogo sudoproizvodstva v vidu vnov' otkryvshisya obstoyatel'stv [Problems of the implementation of the institution of criminal proceedings in view of newly discovered circumstances]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Bryansk State University*, 2014, no. 2, pp. 200–205. (In Russ.).
8. Oksyuk T. L. Aktual'nye problemy vobnovleniya proizvodstva po ugovolnomu delu vidu novyh ili vnov' otkryvshisya obstoyatel'stv [Actual problems of the resumption of criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances]. *Zakonnost' – Legality*, 2014, no. 1 (951), pp. 14–19. (In Russ.).
9. Petruhin I. L. *Opravdatel'nyj prigovor i pravo na reabilitaciyu* [Verdict of acquittal and right to rehabilitation]. Moscow, 2009. 192 p. (In Russ.).
10. Ryzhakov A. P. *Vozobnovlenie ugovolnykh del po vnov' otkryvshimsya obstoyatel'stvam* [Resumption of criminal cases due to newly discovered circumstances]. Moscow, 1997. 96 p. (In Russ.).
11. Smirnaya L. V. K voprosu o vobnovlenii ugovolnogo sudoproizvodstva vidu novyh i vnov' otkryvshisya obstoyatel'stv v svete konceptual'nykh tendencij razvitiya ugovolno-processual'nogo zakonodatel'stva [On the issue of resuming criminal proceedings in view of new and newly discovered circumstances in the light of conceptual trends in the development of criminal procedure legislation]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and practice of social development*, 2014, no. 6, pp. 195–198. (In Russ.).
12. Sokolov T. V. Vozobnovlenie proizvodstva po ugovolnym delam lic, obrashchavshisya v Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii: real'nost' i perspektivy sovershenstvovaniya ugovolno-processual'noj formy [Resumption of criminal proceedings of persons who applied to the Constitutional Court of the Russian Federation: reality and prospects for improving the criminal procedure form]. *Sociologiya i pravo – Sociology and Law*, 2014, no. 1 (23), pp. 82–92. (In Russ.).
13. Sultanov A. R. Pravovye posledstviya postanovlenij Evropejskogo suda po pravam cheloveka [Legal consequences of rulings of the European Court of Human Rights]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*, 2011, no. 9, pp. 64–72. (In Russ.).
14. Voskoboitova L. A. (red.) *Ugolovnyj process* [Criminal process]. Moscow, 2013. 694 p. (In Russ.).
15. Homenko S. M. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya vobnovleniya proizvodstva po ugovolnym delam vidu novyh ili vnov' otkryvshisya obstoyatel'stv [Problems of legislative regulation of the resumption of criminal proceedings in view of new or newly discovered circumstances]. *Yurist»-pravoved» – Lawyer-legalist*, 2008, no. 4, pp. 40–41. (In Russ.).
16. SHatalov A. S. Pravovye i organizacionnye osnovy vobnovleniya proizvodstva po ugovolnomu delu vidu novyh ili vnov' otkryvshisya obstoyatel'stv [Legal and organizational basis for the resumption of criminal proceedings in view of new or newly discovered circumstances]. *Voprosy pravovedeniya – Jurisprudence Issues*, 2013, no. 4, pp. 338–357. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10013

УДК 343

Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью в Вологодской области в 1985–1991 гг.¹

А. Л. КУЗЬМИНЫХ – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент

Реферат

Изучение деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в переломные периоды развития отечественной государственности представляет несомненный теоретический и практический интерес. В статье на основе новых архивных документов автором рассмотрены факторы, структура и динамика преступности на территории Вологодской области в 1985–1991 гг., изучены мероприятия органов внутренних дел по борьбе с криминалом. Автор приходит к выводу, что если в начальный период перестройки, в условиях начавшихся политических и социально-экономических перемен и оживления общественной жизни наблюдался спад преступности, то в конце 1980-х – начале 1990-х гг. наметился ее скачкообразный рост. Системный кризис советского общества, дезинтеграция органов государственного управления, появление новых форм криминального поведения объективно затрудняли работу сотрудников милиции, приводили к оттоку кадров. Несмотря на осложнившуюся обстановку, сотрудники органов внутренних дел профессионально выполняли свою работу, противостояли не только мелкой, но и профессиональной, организованной преступности.

Ключевые слова: Вологодская область; перестройка; органы внутренних дел; преступность.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 18-09-00554 «Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений власти и общества России в XX веке (на материалах Европейского Севера России)».

Law enforcement agencies to combat crime in the Vologda region in 1985–1991 years¹

A. L. KUZMINYKH – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor

Abstract

The study of the activities of law enforcement agencies in the fight against crime during the critical periods of the development of national statehood is of undoubted theoretical and practical interest. On the basis of new archival documents the author examined the factors, structure and dynamics of crime in the Vologda region in 1985–1991 years, studied the activities of the internal affairs agencies to combat crime. The author concludes that if in the initial period of perestroika under the conditions of the beginning of political and socio-economic changes and the revival of public life there was a decline in crime, then in the late 1980s and early 1990s its jump-like growth has been outlined. The systemic crisis of soviet society, the disintegration of government, the emergence of new forms of criminal behavior objectively impeded the work of police officers and led to an outflow of personnel. Despite the complicated situation the employees of the internal affairs bodies carried out their work professionally opposed not only petty, but also professional, organized crime.

Key words: Vologda region; restructuring; internal affairs bodies; crime.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of studies of law and state

История человечества наглядно показывает, что по мере усложнения общества и социальных отношений меняется преступность. Как правило, всплески криминальной активности приходятся на периоды социальных трансформаций, когда сложившиеся институты социального контроля утрачивают свою эффективность, а на смену прежним политическим и социально-экономическим структурам приходят новые. Масштабные перемены в политической и экономической жизни Советского Союза во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. получили название «перестройка». Их целью являлась демократизация существующей в СССР политической системы и общественного строя. Одной из важнейших задач нового политического курса, провозглашенного М. С. Горбачевым весной 1985 г., объявлялось укрепление законности и правопорядка.

К началу 1980-х гг. стало очевидно, что преступность в советском обществе, несмотря на декларативные заявления руководителей государства, не только не ликвидирована, но и динамично прогрессирует. По данным МВД СССР, с 1973 по 1983 г. общее число преступлений в стране увеличилось в два раза, разбоев и грабежей – в два раза, квартирных краж – в три раза [2, с. 18]. В Вологодской области количество зарегистрированных преступлений также возросло и

составляло в 1975 г. 7370, в 1980 г. – 8995, в 1985 г. – 11 068. При этом наблюдался не только абсолютный, но и относительный рост преступности. В расчете на 100 тыс. населения в 1975 г. количество зарегистрированных преступлений равнялось 568, а в 1985 г. – 820. В 1985 г. общая раскрываемость преступлений составляла 89 %, в том числе по линии уголовного розыска – 85 %, тяжких преступлений – 96 %, краж государственного имущества – 62 %, краж личного имущества – 72 % [3, с. 534, 557].

Рост преступности и нарушений общественного порядка во многом объяснялся широким распространением пьянства и алкоголизма. Весной 1985 г. М. С. Горбачев инициировал начало крупнейшей в истории страны антиалкогольной кампании. Она была продиктована растущей алкоголизацией населения. В 1984 г. среднегодовое потребление алкогольных напитков на одного жителя Вологодской области составляло 36 литров. В состоянии алкогольного опьянения было совершено 62 % преступлений, что на 15 % превышало показатели по РСФСР. Особую тревогу вызывал рост женского и подросткового алкоголизма. В 1984 г. в вытрезвители области было доставлено 2600 женщин и 500 подростков (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 8. Оп. 1. Д. 310. Л. 116).

¹ This article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) under the project No. 18-09-00554 «Internal Affairs Agencies in the Context of Relations between the Government and Society of Russia in the 20th Century (based on materials from the European North of Russia)».

7 мая 1985 г. были опубликованы постановления Центрального комитета КПСС и Совета министров СССР о мерах по преодолению пьянства и алкоголизма. 16 мая 1985 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР, который подкрепил эту борьбу административными и уголовными наказаниями. В стране сократилось производство спирта, были повышены цены на водку и введены ограничения на продажу алкогольной продукции. Одновременно были предприняты жесткие меры против распития спиртных напитков в общественных местах, пропагандировались безалкогольные свадьбы и банкеты. Сотрудники милиции выявляли факты нарушения продажи вино-водочных изделий, привлекали к административной ответственности граждан за распитие алкоголя в общественных местах, проводили профилактическую работу среди населения (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 244. Л. 179).

Первоначально перечисленные мероприятия дали положительный результат, о чем свидетельствовало улучшение оперативной обстановки в Вологодской области (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 251. Л. 172). По сравнению с 1985 г. преступность на почве пьянства в 1986 г. снизилась на 30 %, на треть уменьшилось количество граждан, доставленных в медвытрезвители, в два раза сократился бытовой травматизм [5]. Однако в скором времени стали проявляться побочные эффекты: массовое употребление алкогольных суррогатов и самогонование. Если в 1985 г. в Вологодской области было привлечено к ответственности за изготовление и хранение браги и самогона 118 граждан, то в 1986 г. – 617, а в 1987 г. – уже 1080. В первом полугодии 1988 г. у населения было изъято более 11 тыс. литров крепких напитков домашней выработки и 99 самогонных аппаратов [1, с. 3].

По данным отдела охраны общественного порядка Управления внутренних дел Вологодского облисполкома, 70 % самодельного алкоголя производилось в квартирах вологжан. При этом в 80 % случаев спиртные напитки изготавливались для собственного потребления. Причинами самогонования вологжане называли большие очереди в магазинах и высокие цены на вино-водочную продукцию [3, с. 545].

О расцвете теневой экономики в сфере производства и реализации алкогольной продукции свидетельствует так называемое

«водочное дело». В конце 1980-х гг. сотрудники отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности областного УВД вскрыли крупные хищения на Вологодском ликероводочном заводе, в результате чего на скамье подсудимых оказались 24 чел. В ходе расследования выяснилось, что сотрудники завода организовали систему хищений водки. Приемосдатчицы превышали процент брака и боя, при этом акты не составлялись. Водка и спирт разворовывались: сотрудники крали по две-три бутылки каждую смену. Чтобы беспрепятственно вынести водку через проходную был придуман сигнал: если проверки при выходе не будет – метла клалась на подоконник, если ожидалась проверка – ставилась в угол. Сотрудники вневедомственной охраны предприятия входили «в долю», брали себе часть выносимой водки. Только одним из них было похищено 110 бутылок. Ворованная водка шла на продажу [3, с. 568].

Принудительное лечение и трудовое перевоспитание злостных пьяниц осуществлялось на базе лечебно-трудовых профилакториев (ЛТП). Первый ЛТП (на 500 чел.) в Вологодской области был открыт в 1969 г. в Великом Устюге (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 69. Л. 119), второй (на 360 чел.) – в 1972 г. в Вологде (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 73. Л. 159). В 1985 г. в ЛТП-1 содержалось 949 чел. Контингент использовался на 16 предприятиях и организациях, а также на внутреннем производстве по пошиву рукавиц, матрацев, постельного белья. Через год после завершения лечения в среднем от алкогольной зависимости избавлялись 12 % контингента, через два года – 9 % (по ЛТП МВД СССР соответственно 26,7 % и 22,7 %) (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 8. Оп. 1. Д. 311. Л. 135). Это свидетельствовало о низкой эффективности организации лечебного процесса и недостаточном контроле за освободившимися из данных учреждений.

Если в 1985–1987 гг., в условиях начавшихся политических и социально-экономических перемен и оживления общественной жизни, наблюдался некоторый спад преступности, то в 1988 г. наметился ее скачкообразный рост. Причиной тому были кризисные явления, вызванные ухудшением ситуации в стране. Резко сократились темпы производства в промышленности и сельском хозяйстве, усилилась нехватка

продовольствия и товаров народного потребления, уменьшились реальные доходы населения, обострились социальные проблемы.

Опубликованные в газете «Красный Север» от 03.08.1989 данные о структуре и динамике преступности в Вологодской области в 1988–1989 гг. приведены в таблице.

Структура и динамика преступности в Вологодской области в 1988–1989 гг.

Показатели	Первое полугодие 1988 г.	Первое полугодие 1989 г.	Соотношение показателей
Общее количество преступлений	4125	5342	1:1,3
Зарегистрировано преступлений по линии уголовного розыска, в том числе тяжких	2674	3845	1:1,4
Умышленные убийства и покушения на убийства	623	834	1:1,3
Умышленные тяжкие телесные повреждения	46	57	1:1,2
Изнасилования и покушения на изнасилования	133	188	1:1,4
Разбойные нападения на граждан	31	52	1:1,7
Грабежи личного имущества	11	36	1:3,3
Кражи государственного имущества	78	150	1:1,9
Кражи личного имущества	235	418	1:1,8
Хулиганство	888	1634	1:1,8
Преступления, совершенные несовершеннолетними, в том числе по линии уголовного розыска	441	427	1:1,0
Преступления, совершенные в общественных местах	355	455	1:1,3
Преступления, совершенные на улицах	326	434	1:1,3
Преступления, совершенные ранее судимыми, в том числе по линии уголовного розыска	848	1148	1:1,4
Преступления, совершенные в нетрезвом состоянии, в том числе по линии уголовного розыска	229	327	1:1,4
Преступления, совершенные ранее судимыми, в том числе по линии уголовного розыска	924	963	1:1,0
Преступления, совершенные в нетрезвом состоянии, в том числе по линии уголовного розыска	751	800	1:1,1
Процент нераскрытых преступлений по линии уголовного розыска	1039	1159	1:1,1
Преступления по линии БХСС	897	951	1:1,0
Зарегистрировано дорожно-транспортных происшествий	29,2	46,6	1:1,6
Количество погибших в ДТП, в том числе детей	761	748	1:1
Количество раненых в ДТП, в том числе детей	527	727	1:1,4
Количество ДТП, совершенных по вине пьяных водителей	50	103	1:2
Количество пожаров	2	10	1:5
Ущерб от пожаров (руб.)	585	766	1:1,3
Другие преступления	75	113	1:1,5
	109	211	1:1,9
	376	412	1:1,1
	1 725 998	1 705 353	1:1
	690	749	1:1,1

Приведенные данные свидетельствуют об ухудшении оперативной ситуации на территории Вологодской области по всем показателям. В целом в 1989 г. общая преступность в регионе увеличилась на 43 %, по линии уголовного розыска – на 60 %. Количество тяжких преступлений возросло на 54 %, краж государственного имущества – на 97 %, личного имущества – на 81 %, разбойных нападений – на 292 %, грабежей – на 162 % (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 263. Л. 99). Аналогичная ситуация наблюдалась в стране в целом. Подводя итоги работы ведомства за 1989 г., министр

внутренних дел СССР В. В. Бакатин характеризовал ситуацию в правоохранительной сфере как «глубокий провал» [7, с. 508].

По данным профессора В. В. Лунеева, ослабление государства в условиях низкой правовой культуры населения неизбежно приводит к росту преступности, а погружение общества в состояние безнормности (аномии) – к ее бурному всплеску. Это наглядно подтверждается данными статистики, согласно которым в СССР общее количество преступлений с 1980 по 1991 г. выросло с 1,5 млн до 3,3 млн, то есть более чем в два раза, а коэффициент преступности на 100 тыс. населения – с 578 до 1115 [6, с. 27].

Динамичному росту преступности способствовало изменение экономической ситуации в стране. В 1988 г. в СССР был принят закон о кооперации, началось развитие индивидуальной трудовой деятельности, создавались первые кооперативы в различных сферах производства, торговли и услуг. Становление рыночных отношений породило качественно новые виды преступности, бросившие вызов правоохранительным органам. Появились банды рэкетиров и вымогателей, которые «крышевали» предпринимателей, получая за это «дивиденды».

Резко выросла преступность среди несовершеннолетних. В молодежной среде широкое распространение получили различные субкультуры: металлисты, панки, рокеры, фанаты и т. п. Члены данных неформальных объединений нарушали общественный порядок, употребляли спиртные напитки и наркотические вещества, устраивали массовые драки. В конце 1980-х гг. Вологодская область по уровню преступности несовершеннолетних являлась наиболее неблагополучной в РСФСР. В 1988 г. несовершеннолетними было совершено 893 преступления, в 1989 г. – 1245, в 1990 г. – 1510, то есть уровень подростковой и молодежной преступности вырос в 1,7 раза (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 8. Оп. 1. Д. 330. Л. 104).

Участились преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических веществ. В 1985 г. в Вологодской области было выявлено 7 фактов хищения, хранения и сбыта наркотических препаратов, привлечено к ответственности 19 чел. В 1986 г. на учете состояло 28 наркоманов, из них 10 – в исправительно-трудовых колониях (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 8. Оп. 1. Д. 309. Л. 169). Широкое распространение получила токсикомания.

Негативные тенденции в сфере правопорядка усилились в начале 1990-х гг. Только в областном центре за десять месяцев 1990 г. количество зарегистрированных преступлений увеличилось на 33 %, в том числе тяжких – на 48 % (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 269. Л. 118–120). За девять месяцев 1991 г. преступность в Вологодской области возросла на 22 %. Показатели раскрываемости преступлений составляли по городским и районным отделениям внутренних дел от 42 до 56 %, то есть фактически оставалось нераскрытым каждое второе преступление (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 328. Л. 74–75).

Участились случаи оказания сопротивления сотрудникам правоохранительных органов. В условиях осложнения криминогенной обстановки, наглых и дерзких действий преступников сотрудники милиции и члены их семей стали одной из самых незащищенных социальных групп. В стране ежегодно росло число убитых и раненых милиционеров и работников исправительно-трудовых учреждений. Если в 1988 г. в Советском Союзе от рук преступников погибло 263 милиционера, то в 1989 г. уже 345 [9, с. 135].

Ухудшение материального положения населения в целом сказывалось и на сотрудниках милиции. В 1990 г. заработная плата рядового сотрудника составляла 166 руб., офицера – 193, старшего офицера – 223. Как следствие, снизилась дисциплина среди личного состава, начался отток кадров. Сотрудники правоохранительных органов предпочитали уходить на работу в кооперативы или на промышленные предприятия, чтобы повысить уровень своих доходов. К примеру, в г. Череповце из органов МВД в 1990 г. были уволены 32 сотрудника с формулировкой «служебное несоответствие» [9, с. 142].

Бурный рост преступности вызывал тревогу в обществе. В октябре 1989 г. в Вологде состоялся пленум областного комитета КПСС, на котором обсуждалась критическая ситуация в сфере законности и правопорядка. Впервые был публично заслушан отчет о работе вологодской милиции, с которым выступил начальник областного УВД Л. А. Мильков. На страницах газеты «Красный Север» отмечалось, что деятельность милиции была подвергнута жесткой критике со стороны партийных и советских органов, прокуратуры, областного суда, а также руководства МВД СССР.

Органы милиции предпринимали меры по нормализации сложившейся ситуации. В 1986 г. при областном УВД была создана комиссия по борьбе с наркоманией (Арх. Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 248. Л. 221). В 1987 г. были сформированы оперативно-следственные группы по предупреждению и раскрытию краж автотранспорта, в 1989 г. – квартирных краж, в 1991 г. – краж компьютерной техники (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 248. Л. 16; Д. 253. Л. 77; Д. 255. Л. 163–164; Д. 258. Л. 144; Д. 320. Л. 93–94). В ноябре 1989 г. начальник УВД генерал-майор Л. А. Мильков подписал приказ «О мерах по усилению борьбы с организованной преступностью», который мобилизовал все милицеские службы на противодействие этой

угрозе (Арх. Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 262. Л. 72–73).

В целях профилактики рецидивной преступности создавались пункты социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы (Арх. Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 264. Л. 31–33). В 1991 г. для предупреждения массовых беспорядков и других противоправных действий был сформирован межрегиональный отряд быстрого реагирования. В его состав вошли 50 сотрудников вологодской милиции, обладавших высокими деловыми и моральными качествами и способных нести службу в сложных условиях (Арх. Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 324. Л. 185). Для обеспечения безопасности при выполнении служебных обязанностей личному составу патрульно-постовой службы милиции, ГАИ и вневедомственной охраны выдавались спецсредства: слезоточивый газ «Черемуха», резиновые палки, а сотрудникам уголовного розыска и следователям разрешалось ношение табельного оружия во внеслужебное время (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 260. Л. 245–246; Д. 264. Л. 8; Д. 320. Л. 10).

Несмотря на возросшие сложность и напряженность работы, сотрудникам правоохранительных органов удавалось раскрывать преступления, имевшие большой общественный резонанс. Так, в ночь с 26 на 27 июля 1989 г. из кассы Череповецкого судостроительно-судоремонтного завода были похищены 63 тыс. руб. На следующий день в районе кладбища г. Череповца был обнаружен труп кассира предприятия с признаками насильственной смерти. Для поиска и задержания преступника была сформирована оперативно-следственная группа. В результате проведенных мероприятий был установлен и задержан гражданин И. А. Филиппов, который признался в совершенных преступлениях. Изъятые деньги были возвращены государству (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 260. Л. 188).

Другим резонансным событием стало задержание в июле 1989 г. преступника, угрожавшего совершением террористического акта на Череповецком металлургическом комбинате. Злоумышленник вымогал у руководства предприятия 60 тыс. руб., а в случае отказа в удовлетворении данного требования обещал взорвать один из цехов. В срочном порядке была создана оперативная группа из работников госбезопасности и внутренних дел, которую возглавили

В. К. Кругликов и Ю. Г. Афонин. В результате тщательно разработанной спецоперации преступник был задержан. Им оказался работник одного из химических предприятий г. Череповца [8, с. 145–149].

В начале 1990 г. при областном УВД было создано подразделение по борьбе с организованной преступностью (ОБЭП) (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 265. Л. 157). Его главной задачей было раскрытие преступлений, совершенных организованными группами. За полтора года своей деятельности сотрудники ОБЭП разоблачили 13 организованных преступных групп, раскрыли более 200 преступлений, изъяли 15 стволов огнестрельного оружия, две гранаты. К примеру, в январе 1991 г. в г. Череповце была задержана банда из 7 чел., занимавшаяся грабежами и разбоями. Всего ею было совершено 21 преступление. Сотрудниками милиции у банды были изъяты 2 обреза, 9 тыс. руб. наличными, ценные вещи [3, с. 561]. Деятельность вологодского ОБЭП помогла взять под контроль организованную преступность.

Важно отметить, что вологодская милиция оказывала помощь другим регионам и республикам Советского Союза в борьбе с преступностью. В 1989 г. вологодские милиционеры были командированы в зоны межнациональных конфликтов в Азербайджанскую, Армянскую и Узбекскую ССР, где зарекомендовали себя с положительной стороны (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 262. Л. 131, 143; Д. 264. Л. 204; Д. 265. Л. 60, 134). Сотрудники органов внутренних дел Вологодской области принимали участие в боевых действиях в Афганистане, ликвидации последствий чернобыльской катастрофы [4, с. 183–184].

Опыт работы вологодской милиции неоднократно отмечался руководством МВД СССР. На базе УВД Вологодского облисполкома проводились общесоюзные научно-практические конференции и семинары по профилактике преступности несовершеннолетних, перевоспитанию осужденных и другим актуальным вопросам правоохранительной деятельности (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 238. Л. 159–162). С целью изучения передового опыта на Вологодчину приезжали делегации из социалистических стран (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 243. Л. 166). К примеру, на базе подразделений областного УВД проходили стажировку слушатели специфаккультета Академии

МВД СССР из Афганистана, Вьетнама и Кубы (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 256. Л. 209; Д. 265. Л. 31; Д. 321. Л. 170).

Серьезным испытанием для сотрудников милиции стали события 19–21 августа 1991 г., известные как «августовский путч». Целью членов Государственного комитета по чрезвычайному положению являлось сохранение в прежнем виде Советского Союза, который стремительно разрушался в условиях либерализации общественно-политической жизни и экономических отношений. Против путчистов выступили сторонники демократических перемен во главе с Президентом РСФСР Б. Н. Ельциным.

19 августа 1991 г. в адрес областного УВД поступило обращение министра внутренних дел РСФСР В. П. Баранникова. Он призвал личный состав органов внутренних дел в критический для страны момент проявить выдержку и благоразумие, способность трезво оценивать ситуацию, содействовать законно избранной народной власти и принять все возможные меры к недопущению кровопролития (Архив Упр. Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации по Вологод. обл. Ф. 8. Оп. 1. Д. 330. Л. 164). Сотрудники были переведены на усиленный вариант несения службы. Это обеспечило сохранение общественного порядка и контроля над общественно-политической ситуацией в области.

Таким образом, вторая половина 1980 – начало 1990-х гг. стали периодом кризиса и реорганизации правоохранительных ор-

ганов. На развитие региональной милиции в рассматриваемый период негативное влияние оказывала политическая и социально-экономическая ситуация в стране. Системный кризис советского общества, дезинтеграция органов государственного управления, снижение эффективности социального контроля, количественный и качественный рост преступности, появление новых форм криминального поведения объективно затрудняли работу сотрудников милиции, приводили к оттоку кадров.

Несмотря на усложнявшуюся обстановку, сотрудники органов внутренних дел честно и профессионально выполняли свою работу, противостояли не только мелкой, но и организованной преступности. Вологодские милиционеры обеспечивали правопорядок не только на территории области, но и далеко за ее пределами. Они выполняли интернациональный долг в Афганистане, предотвращали столкновения на межнациональной почве на территории республик Советского Союза.

В декабре 1991 г. прекратил свое существование Советский Союз. Ушла в прошлое советская эпоха со всеми ее достижениями и противоречиями. Но осталась преемственность поколений, которая основывается на лучших традициях милицейской профессии. Нарботанный десятилетиями опыт советской милиции во многом не утратил актуальности и в наши дни и востребован в практической деятельности правоохранительных органов Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагу и самогон – из жизни вон! Информационный листок. – Вологда, 1988. – 4 с.
2. Власов, А. Укреплять законность, правопорядок / А. Власов // Политическое образование. – 1988. – № 14. – С. 18–26.
3. История полиции Вологодского края : монография / М. А. Безнин и др. – Вологда : Вологод. гос. ун-т, 2018. – 864 с. – ISBN 978-5-87851-781-2.
4. Калашникова, Н. В. История вологодской милиции / Н. В. Калашникова. – Вологда : Полиграфист, 2003. – 254 с. – ISBN 5-86-402-112-1.
5. Кондаков, В. Создадим единый фронт / В. Кондаков // Красный Север. – 1987. – 20 мая.
6. Лунев, В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунев. – Москва : Норма, 1999. – 525 с. – ISBN 5-89123-205-7.
7. Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк. – Москва : Объединенная редакция МВД России, 2004. – 648 с. – ISBN 5-8129-0077-9.
8. Профессия «Опер»: 95-летию уголовного розыска посвящается. – Вологда, 2013. – 236 с. – ISBN 978-5-91967-099-5.
9. Шалашов, Е. В. Череповецкая милиция: история и современность / Е. В. Шалашов. – Череповец : Порт-Апрель, 2002. – 174 с. – ISBN 5-98007-003-6.

REFERENCES

1. *Informacionnyj listok «Bragu i samogon – iz zhizni von!»* [Newsletter «Braga and moonshine – out of life!»]. Vologda, 1988. 4 p. (In Russ.).
2. Vlasov A. *Ukreplyat' zakonnost', pravoporyadok* [Strengthen the rule of law]. *Politicheskoe obrazovanie – Political education*, 1988, no. 14, pp. 18–26. (In Russ.).
3. *Istoriya policii Vologodskogo kraja* [History of the Vologda Territory Police]. Vologda, 2018. 864 p. (In Russ.).
4. Kalashnikova N. V. *Istoriya vologodskoj milicii* [History of the Vologda police]. Vologda, 2003. 254 p. (In Russ.).
5. Kondakov V. *Sozdadim edinyj front* [Create a united front]. *Krasnyj Sever – Red North*, 1987, May 20th. (In Russ.).
6. Lunev V. V. *Prestupnost' XX veka. Mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii* [Crime of the twentieth century. World, regional and Russian trends]. Moscow, 1999. 525 p. (In Russ.).
7. *Ministerstvo vnutrennih del. 1902–2002. Istoricheskij ocherk* [Ministry of the Interior 1902–2002. Historical essay]. Moscow, 2004. 648 p. (In Russ.).
8. *Professiya «Oper»: 95-letiyu ugovornogo rozyska posvyashchaetsya* [Profession «Oper»: dedicated to the 95th anniversary of the criminal investigation department]. Vologda, 2013. 236 p. (In Russ.).
9. Shalashov E. V. *Cherepoveckaya miliciya: istoriya i sovremennost'* [Cherepovets police: history and modernity]. Cherepovets, 2002. 174 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10014

УДК 343.8

Правовое регулирование подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по образовательным программам высшего образования

А. А. КУХТИН – инспектор по особым поручениям отдела профессионального образования управления кадров ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент;

Д. В. ХАРЮШИН – заместитель начальника Академии ФСИН России по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент;

А. И. ОДИНЦОВ – начальник высших академических курсов Академии ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

С принятием Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» дополнительное правовое регулирование получили вопросы подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы, в том числе по образовательным программам высшего образования. В статье проанализированы положения указанного федерального закона применительно к системе нормативно-правового регулирования порядка получения высшего образования, выявлены недостатки в правовой регламентации данной сферы правоотношений. В частности, установлено, что положения рассматриваемого федерального закона предусматривают в качестве причины для расторжения контракта о службе в уголовно-исполнительной системе с обучающимся его отчисление из образовательной организации уголовно-исполнительной системы без учета правовых оснований данного отчисления; не закреплены предусматривающие назначение после окончания обучения на равнозначные или вышестоящие должности гарантии слушателей и адъюнктов, а также курсантов, поступавших на обучение в статусе сотрудника уголовно-исполнительной системы, завершивших обучение в образовательных организациях уголовно-исполнительной системы по очной форме; нормативно не закреплена обязанность курсантов, слушателей, адъюнктов по несению службы по обеспечению жизнедеятельности образовательной организации уголовно-исполнительной системы (служба в нарядах); не регламентирован порядок обучения в адъюнктуре (отсутствует нормативное закрепление понятия «адъюнкт»; не предусмотрены основания для предоставления адъюнктам каникулярных отпусков; адъюнкты не отнесены к числу обучающихся, к которым возможно применение меры дисциплинарного взыскания в виде отчисления из образовательной организации уголовно-исполнительной системы; не закреплено требование к кандидатам на поступление в адъюнктуру о наличии не менее двух лет практического стажа службы в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы).

С учетом перечисленных выше вопросов авторами сформулированы предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: служба в уголовно-исполнительной системе; образовательная организация высшего образования уголовно-исполнительной системы; подготовка кадров для уголовно-исполнительной системы; курсант; слушатель; адъюнкт.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Legal regulation of personnel training for penal system of the Russian Federation on educational programs of higher education

A. A. KUKHTIN – Inspector of Special Assignments of the Department of Professional Education of the Personnel Administration of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor;

D. V. KHARYUSHIN – Deputy Head of the Academy of the Federal Penal Service of Russia for Academic Affairs, PhD. in Law, Associate Professor;

A. I. ODINTSOV – Head of Higher Academic Courses of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD., in Law

Abstract

With the adoption of the Federal Law of July 19, 2018 No. 197-FZ «On Service in the Penal System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation» On Institutions and Bodies Executing Criminal Sentences of Imprisonment», additional legal regulation received preparation issues personnel for the penal system, including in higher education educational programs. The article analyzes the provisions of the federal law in the regulatory system the procedure for obtaining higher education, deficiencies in the legal regulation of this sphere of legal relations have been identified, in particular, it has been established that the provisions of this federal law provide for the reason for termination of the contract for service in the penal system with a student to be expelled from the educational institution of penal correction without taking into account the legal grounds for this expulsion; the guarantees of students and adjuncts, as well as cadets, who entered training in the status of an employee of the penal system, who completed training in educational organizations, are not fixed, providing for the appointment after graduation at equivalent or higher positions; the duty of cadets, students, adjuncts to carry out the life support services of the educational organization of the penal system (service in outfits) is not legally fixed; there are deficiencies in the legal regulation of the training in adjunct studies (there is no normative enshrining of the term "adjunct"; there are no grounds for granting vacation vacations to adjuncts; the requirement is fixed for applicants for admission to the post-graduate studies on the presence of at least 2 years of practical experience in the bodies and institutions of the penal correction system). The authors formulated suggestions for improving the legislation of the Russian Federation on all the above-mentioned problematic issues.

Key words: service in the penal system; educational organizations of higher education of the penal system; training for the penal system; cadets; trainees; adjuncts.

12.00.11 – Judicial activity, prosecutorial activity, human rights and law enforcement

Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» (далее – Закон о службе в УИС) систематизировал положения ранее применявшихся нормативно-правовых актов, а также усилил правовую регламентацию порядка прохождения службы в уголовно-исполнительной системе, что отмечают педагогические и научные работники, подвергнувшие анализу положения указанного нормативного правового акта [1; 2; 3].

Дополнительное правовое регулирование в Законе о службе в УИС также получили правоотношения в сфере подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы по образовательным программам высшего образования. Так, закреплен ряд правовых норм, непосредственно регламентирующих порядок обучения по образовательным программам высшего образования в образовательных организациях высшего образования федерального органа уголовно-исполнительной системы (да-

лее – образовательные организации УИС), а также правовой статус участников данных правоотношений:

– обучение по программам высшего образования является одним из основных видов подготовки кадров (п. «в» ч. 1 ст. 78), который реализуется как в образовательных организациях уголовно-исполнительной системы (ч. 2 ст. 78), так и в иных образовательных организациях (государственный заказ на подготовку кадров для уголовно-исполнительной системы) (ст. 79);

– право сотрудников на получение высшего образования (п. 11 ч. 1 ст. 11), в том числе порядок получения второго и последующего высшего образования (ч. 9 ст. 78), а также требование о наличии высшего образования для замещения должностей старшего и высшего начальствующего состава (ч. 2 ст. 9);

– право граждан на поступление на службу путем зачисления в образовательные организации уголовно-исполнительной системы для обучения по очной форме в должности курсанта (ч. 2 ст. 17);

– минимальный (16 лет) и предельный (25 лет) возраст для поступления в образова-

тельные организации УИС для обучения по очной форме по программам бакалавриата и специалитета в должности курсанта (ч. 2, п. 2 ч. 3 ст. 17);

– для граждан, поступающих в образовательные организации уголовно-исполнительной системы для обучения по очной форме, испытание при поступлении на службу не устанавливается (п. 2 ч. 11 ст. 24);

– порядок присвоения первых специальных званий курсантам (п. 1 ч. 2 ст. 43), очередных специальных званий адъюнктам и слушателям (ч. 5 ст. 41);

– обязательность заключения и условия контракта о службе с сотрудником, поступающим в образовательную организацию уголовно-исполнительной системы для обучения по очной форме или научную организацию уголовно-исполнительной системы для подготовки диссертации на соискание ученой степени доктора наук (п. 4 ч. 9 ст. 22, п. 2 ч. 2 и ч. 3 ст. 23);

– обязательность заключения и условия дополнительного соглашения к контракту о службе в уголовно-исполнительной системе с сотрудником, имеющим высшее образование и направляемым на обучение по очно-заочной или заочной форме обучения по другой специальности или другому направлению подготовки (ч. 10 ст. 78);

– возможность привлечения обучающихся к исполнению обязанностей, возложенных на учреждения и органы уголовно-исполнительной системы (ч. 3 ст. 78);

– именную стипендию в качестве дополнительной меры поощрения, применяемой в отношении курсантов (ч. 3 ст. 48);

– дополнительные дисциплинарные взыскания, применяемые к курсантам и слушателям: 1) назначение вне очереди в наряд; 2) отчисление из образовательной организации (ч. 2 ст. 50);

– виды каникулярных отпусков и их продолжительность (зимний каникулярный отпуск – 14 календарных дней; летний каникулярный отпуск – 30 календарных дней) для курсантов и слушателей, обучающихся по очной форме в образовательных организациях уголовно-исполнительной системы (ст. 62);

– отчисление из образовательной организации высшего образования (п. 10 ч. 2 ст. 84) в качестве основания расторжения контракта и увольнения сотрудника со службы в уголовно-исполнительной системе;

– основания возмещения сотрудником затрат, понесенных на его обучение (ч. 12 ст. 78), а также исключения из них (ч. 6 ст. 87).

Анализ перечисленных положений Закона о службе в УИС, касающихся порядка обучения по образовательным программам высшего образования в образовательных организациях УИС, позволяет выявить ряд недостатков в правовой регламентации.

Во-первых, положения Закона о службе в УИС предусматривают в качестве причины для расторжения контракта о службе с обучающимся его отчисление из образовательной организации УИС без учета правовых оснований данного отчисления.

В соответствии с п. 2 Порядка отчисления из федеральных государственных организаций, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении ФСИН России, обучающихся по основным профессиональным образовательным программам, утвержденного приказом ФСИН России от 24.03.2016 № 194 (далее – Порядок отчисления из образовательных организаций УИС), предусмотрены четыре основания для отчисления обучающихся:

1. В связи с получением образования (завершением обучения).

2. По инициативе обучающегося или родителей (законных представителей) несовершеннолетнего обучающегося, в том числе в случае перевода обучающегося для продолжения освоения образовательной программы в другую организацию, осуществляющую образовательную деятельность.

3. По инициативе образовательной организации УИС:

– в случае применения к обучающемуся, достигшему возраста пятнадцати лет, отчисления как меры дисциплинарного взыскания;

– в случае невыполнения обучающимся по профессиональной образовательной программе обязанностей по добросовестному освоению такой образовательной программы и выполнению учебного плана;

– в случае установления нарушения порядка приема в образовательную организацию, повлекшего по вине обучающегося его незаконное зачисление в образовательную организацию.

4. По обстоятельствам, не зависящим от воли обучающегося или родителей (законных представителей) несовершеннолетнего обучающегося и образовательной организации УИС, в том числе в случае ликвидации организации, осуществляющей образовательную деятельность.

В действующей редакции при отчислении из образовательной организации по любому из перечисленных выше оснований

с обучающимся может быть инициировано расторжение контракта о службе в уголовно-исполнительной системе. При этом в соответствии с ч. 12 ст. 78 Закона о службе в УИС расторжение контракта о службе в уголовно-исполнительной системе в свою очередь является основанием для взыскания с обучающегося затрат, понесенных на его обучение.

Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости конкретизации в п. 10 ч. 2 ст. 84 Закона о службе в УИС оснований для отчисления обучающихся из образовательных организаций. Представляется, что для расторжения контракта о службе в уголовно-исполнительной системе с обучающимся и последующего взыскания затрат, понесенных на его обучение, отчисление из образовательной организации должно быть осуществлено только при наличии одного из перечисленных ниже оснований:

1. Применение к обучающемуся, достигшему возраста пятнадцати лет, отчисления как меры дисциплинарного взыскания.

2. Невыполнение обучающимся по профессиональной образовательной программе обязанностей по добросовестному освоению такой образовательной программы и выполнению учебного плана.

3. Установление нарушения порядка приема в образовательную организацию, повлекшего по вине обучающегося его незаконное зачисление в образовательную организацию.

4. Отчисление по инициативе обучающегося или родителей (законных представителей) несовершеннолетнего обучающегося, в том числе в случае перевода обучающегося для продолжения освоения образовательной программы в другую организацию, осуществляющую образовательную деятельность, не входящую в уголовно-исполнительную систему и не осуществляющую подготовку кадров для уголовно-исполнительной системы на основе государственного заказа в соответствии со ст. 79 Закона о службе в УИС.

Во-вторых, требуется нормативное закрепление понятия «адъюнкт».

В Законе о службе в УИС используются понятия «курсант», «слушатель», «адъюнкт», но их содержание не раскрывается.

Определения указанных понятий закреплены в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании в РФ).

Так, ст. 81 устанавливает, что в образовательных организациях, находящихся в том

числе в ведении ФСИН России, к числу обучающихся относятся адъюнкты, аспиранты, слушатели, курсанты и студенты (ч. 6); курсантами являются обучающиеся в образовательной организации сотрудники из числа лиц рядового состава и младшего начальствующего состава (ч. 8); слушателями – офицеры (лица среднего, старшего и высшего начальствующего состава) (ч. 7).

Определение понятия адъюнкта приводится в п. 5 ч. 1 ст. 33: адъюнкты – лица, проходящие военную или иную приравненную к ней службу, службу в органах внутренних дел в адъюнктуре по программе подготовки научно-педагогических кадров. Указанное понятие не включает в себя лиц, обучающихся по программам подготовки научно-педагогических кадров в образовательных организациях иных федеральных государственных органов, поскольку они не являются ни лицами, проходящими военную или иную приравненную к ней службу, ни службу в органах внутренних дел.

Уместно будет отметить, что в предыдущей редакции п. 5 ч. 1 ст. 33 к числу адъюнктов относились также лица, проходящие службу в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, которые были упразднены Указом Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции».

На основании изложенного предлагаем внести в ст. 81 Закона об образовании в РФ дополнения, раскрывающие понятие «адъюнкта»: адъюнктами являются сотрудники из числа лиц среднего, старшего и высшего начальствующего состава, обучающиеся по программам подготовки научно-педагогических кадров в федеральной государственной образовательной организации, находящейся в ведении федеральных органов исполнительной власти, указанных в части 1 настоящей статьи.

Отсутствие определения понятия адъюнкта приводит к его совмещению с понятием «слушатель», поскольку полностью охватывается последним по объему содержания: слушателями являются офицеры (лица среднего, старшего и высшего начальствующего состава), обучающиеся в федеральной государственной образовательной организации, находящейся в ведении федеральных органов исполнительной власти, указанных в части 1 настоящей статьи (ч. 7 ст. 81).

В-третьих, в Законе о службе в УИС не предусмотрены основания для предоставления адъюнктам каникулярных отпусков.

Регламентируя вопросы предоставления обучающимся каникулярных отпусков, Закон о службе в УИС необоснованно сужает круг обучающихся, имеющих право на указанный вид отпуска, до лиц, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры.

Так, в частности, ст. 62 Закона о службе в УИС предусматривает возможность предоставления каникулярных отпусков только курсантам и слушателям, обучающимся по очной форме. Адъюнкты, несмотря на то что также являются обучающимися, не имеют права на каникулярный либо иной вид отпуска.

Предоставление адъюнктам основного и дополнительного отпусков, предусмотренных ст. 59 и 60, вместо каникулярного не противоречит Закону о службе в УИС, но затрудняет организацию учебного процесса в связи с различной продолжительностью отпусков адъюнктов. Предоставление адъюнктам основного и дополнительного отпусков нарушает общий подход к пониманию сути и цели предоставления времени отдыха обучающимся, установленных Законом об образовании в РФ, содержащим понятие каникул (п. 11 ч. 1 ст. 34) и рассматривающим их в качестве одной из составляющих охраны здоровья обучающихся (п. 3 ч. 1 ст. 41).

В связи с этим адъюнктам как обучающимся должен предоставляться именно каникулярный отпуск, что требует внесения дополнений в ст. 62 Закона о службе в УИС, предусматривающих отнесение адъюнктов наряду с курсантами и слушателями к категории обучающихся по очной форме, которым предоставляется каникулярный отпуск.

В настоящее время правовым основанием предоставления адъюнктам, обучающимся по очной форме, каникулярного отпуска является ст. 49 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (утв. Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23.12.1992 № 4202-1), применение которой возможно в части, не противоречащей Закону о службе в УИС.

Следует также заметить, что норма о каникулярном отпуске адъюнкта имеет место быть также в федеральных законах от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федера-

ции», от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В-четвертых, Закон о службе в УИС не относит адъюнктов к числу обучающихся, к которым возможно применение меры дисциплинарного взыскания в виде отчисления из образовательной организации, как, например, в соответствии с ч. 2 ст. 50 к курсантам и слушателям.

При этом возможность применения к адъюнктам дисциплинарного взыскания в виде отчисления из образовательных организаций содержится в Порядке отчисления из образовательных организаций уголовно-исполнительной системы.

Отсутствие указания на рассматриваемый вид дисциплинарного взыскания в Законе о службе в УИС и его упоминание в Порядке отчисления из образовательных организаций уголовно-исполнительной системы свидетельствуют о конкуренции правовых норм и не позволяют применять в отношении адъюнктов отчисление в качестве меры дисциплинарного взыскания.

Данное обстоятельство в свою очередь препятствует расторжению контракта о службе с адъюнктом по основанию, предусмотренному п. 10 ч. 2 ст. 84 Закона о службе в УИС (в связи с отчислением из образовательной организации высшего образования федерального органа уголовно-исполнительной системы), а также делает невозможным взыскание с адъюнкта затрат, понесенных на его обучение, в порядке, установленном ч. 12 ст. 78 закона.

Анализ отдельных направлений функционирования образовательных организаций УИС позволяет определить ряд правоотношений, требующих дополнительной правовой регламентации. Так, не получили правового регулирования в Законе о службе в УИС следующие вопросы:

1. Предусмотрение назначения после окончания обучения на равнозначные или вышестоящие должности на неопределенный срок (в частности, на должности, не замещенные временно отсутствующим сотрудником, имеющим право на сохранение указанной должности за собой) как гарантии для слушателей и адъюнктов, а также курсантов, поступавших на обучение в статусе сотрудника, завершивших обучение в образовательных организациях УИС по очной форме. Отсутствие данных гарантий в законе является существенным негативным

фактором, влияющим на качество работы по подбору кандидатов на обучение по очной форме.

2. Обязанность курсантов, слушателей, адъюнктов по несению службы по обеспечению жизнедеятельности образовательной организации УИС (служба в нарядах).

Статья 78 Закона о службе в УИС устанавливает, что участие обучающихся в исполнении обязанностей, возложенных на учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, является частью их подготовки, но только при условии, что данная подготовка предусмотрена в соответствующих образовательных программах. К исполнению указанных обязанностей не допускаются курсанты, не достигшие возраста 18 лет.

В связи с этим спорным представляется вопрос о возможности отнесения различных видов нарядов (например, дневальный по курсу, по курсантской столовой и др.) к исполнению обязанностей, возложенных на учреждения и органы уголовно-исполнительной системы. Абсолютное большинство курсантов, обучающихся на первом курсе, и значительное число на втором курсе не достигли возраста 18 лет, что не позволяет в соответствии со ст. 78 привлекать их к несению службы ни в каких видах нарядов.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о необходимости включения в Закон о службе в УИС нормы, регламентирующей порядок привлечения обучающихся к несению службы, связанной с обеспечением функционирования образовательных организаций УИС.

3. Требование к кандидатам на поступление в адъюнктуру о наличии не менее двух лет практического стажа службы в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы. Представляется целесообразным также предусмотреть исключение в виде сокращения срока стажа для лиц, достигших значительных результатов в научной деятельности.

Говоря о правовом регулировании порядка поступления в образовательные организации УИС для обучения по программам подготовки научно-педагогических кадров,

следует отметить, что в целях повышения качества отбора кандидатов на обучение необходимо дополнительно изучить возможность предоставления права на поступление для обучения по указанным программам лицам, не являющимися сотрудниками уголовно-исполнительной системы, но достигшим значительных результатов в научной деятельности. Это позволило бы существенно повысить конкурсный отбор на программы подготовки научно-педагогических кадров за счет привлечения к участию в конкурсе выпускников неведомственных образовательных организаций.

В случае принятия данного решения потребуется дополнить ч. 2 ст. 17 Закона о службе в УИС, предусмотрев, что зачисление не являющихся сотрудниками уголовно-исполнительной системы граждан в образовательные организации УИС для обучения по очной форме в должности адъюнкта является поступлением на службу в уголовно-исполнительную систему. Соответствующие изменения также потребуется внести в Приказ ФСИН России от 31.05.2017 № 483 «Об утверждении Порядка и условий приема в федеральные государственные организации, осуществляющие образовательную деятельность и находящиеся в ведении ФСИН России».

Таким образом, Закон о службе в УИС систематизировал и существенным образом развил правовую регламентацию порядка подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по образовательным программам высшего образования. При этом отдельные его положения нуждаются в корректировке, уточнении либо развитии.

Представленные в настоящей статье предложения являются дискуссионными, а сформулированные выводы, несомненно, требуют дальнейшего анализа и являются отправной точкой для последующих исследований, могут быть использованы при разработке ведомственных нормативных актов, в том числе проекта Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борзенко, Ю. А. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (анализ Федерального закона № 197-ФЗ) / Ю. А. Борзенко, К. В. Косарев // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 3 (36). – С. 15–22.
2. Брыков, Д. А. Совершенствование системы управления персоналом уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / Д. А. Брыков // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 2. – С. 2–6.
3. Моторова, Н. В. Новые положения законодательства в сфере подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы / Н. В. Моторова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 4. – С. 45–48.

REFERENCES

1. Borzenko YU. A., Kosarev K. V. O sluzhbe v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme Rossijskoj Federacii (analiz Federal'nogo zakona № 197-FZ) [On service in the penal system of the Russian Federation (analysis of Federal Law No. 197-FZ)]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta – Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2018, no. 3 (36), pp. 15–22. (In Russ.).
2. Brykov D. A. Sovershenstvovanie sistemy upravleniya personalom ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii [Improving the personnel management system of the penal system of the Russian Federation]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy – Journal of the penal system*, 2019, no. 2, pp. 2–6. (In Russ.).
3. Motorova N. V. Novye polozeniya zakonodatel'stva v sfere podgotovki kadrov dlya ugovolno-ispolnitel'noj sistemy [New legislation in the field of training for the penal system]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy – Journal of the penal system*, 2019, no. 4, pp. 45–48. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10015

УДК 343.985

**Особенности преодоления противодействия,
осуществляемого подозреваемыми (обвиняемыми)
на первоначальном этапе расследования
дистанционных мошенничеств, совершенных
в пенитенциарных учреждениях**

Р. М. МОРОЗОВ – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

В. Н. ОСТАПЕНКО – преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

Реферат

В статье рассматриваются особенности преодоления противодействия при совершении мошенничества с использованием мобильных средств связи подозреваемым (обвиняемым) в пенитенциарных учреждениях ФСИН России. Исследование основано на результатах интервьюирования, а также анализа материалов приговоров по делам о мошенничествах, совершенных с использованием средств мобильной связи.

В качестве основного субъекта противодействия расследованию по указанному преступлению выделяется подозреваемый (обвиняемый), отбывающий наказание в исправительном учреждении или содержащийся под стражей в СИЗО, что обусловлено рассмотренными авторами объективными и субъективными факторами расследования. В статье раскрыта специфика группы способов противодействия расследованию в виде утаивания, уничтожения, маскировки, фальсификации. По результатам анализа каждого способа противодействия предлагаются практические рекомендации по его нейтрализации с учетом правоприменительной практики. Также авторами последовательно охарактеризованы следы (материальные, идеальные), оставляемые субъектами преступления, совершенного с использованием средств связи, описаны их локализация и способы закрепления.

Ключевые слова: мобильные средства связи; мошенничество; пенитенциарное учреждение; осужденный; подозреваемый; обвиняемый; противодействие расследованию; первоначальный этап расследования; сокрытие преступления.

12.00.12 – Криминалистика; судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность

Features of overcoming the opposition carried out by suspects (accused) at the initial stage of the investigation of distance fraud committed in prisons

R. M. MOROZOV – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and the Investigation of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

V. N. OSTAPENKO – Lecturer in the Department of Criminal Procedure, Criminology and the Investigation of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The article discusses the features of overcoming opposition in the commission of fraud using mobile means to suspects (accused) in prisons of the Federal Penal Service of Russia. The study is based on the results of interviews as well as analysis of materials of fraud convictions committed using mobile communications.

A suspect (accused) who is serving a sentence in correctional facilities or being held in custody in a pre-trial detention center is identified as the main subject of opposition to the investigation of this crime, which is due to the objective and subjective factors of the investigation considered by the authors. The article reveals the specifics of the group of methods of counteracting the investigation in the form of concealment, destruction, disguise, falsification. Based on the results of a study of each method of counteraction, practical recommendations are offered for its neutralization taking into account law enforcement practice. Also the authors have consistently characterized the traces (material, ideal) left by the subjects of the crime committed using the means of communication, their localization and methods of consolidation are described.

Key words: mobile communications; fraud; penal institutions; convict; suspected; accused; opposition to the investigation; initial stage of the investigation; concealment of a crime.

12.00.12 – Forensics; forensic activity; operational investigation

Рассматривая вопрос актуальности расследования мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ) в Российской Федерации, стоит отметить, что в 2016 г. было зарегистрировано 2 160 063 преступления, из них 208 926 мошенничеств [12], в 2017 г. эти показатели составили 2 058 476 и 222 722 соответственно [13], в 2018 г. – 1 991 532 и 215 036 [14]. Можно заключить, что за последние годы доля мошенничеств в общей структуре преступности в России принципиально не меняется, каждое девятое совершенное преступление связано с мошенничеством. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в использованных нами статистических источниках отсутствуют сведения о мошенничествах, совершенных с использованием средств связи.

Имеющаяся негативная ситуация с делами о мошенничествах не могла не отразиться и на пенитенциарной преступности. Однако официальных данных о количестве дистанционных мошенничеств, совершенных лицами, содержащимися в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, нет. С помощью метода экспертных оценок нами в 2019 г. было про-

ведено интервьюирование 15 сотрудников УМВД России по Вологодской области, занимающихся расследованием дистанционных мошенничеств, и определено, что пятая часть указанных преступлений совершается лицами, содержащимися в пенитенциарных учреждениях. При этом респондентами было отмечено, что порядка 30–40 % случаев мошенничества остаются латентными. Схожие сведения о данном виде мошенничества содержатся в аналитических отчетах руководителей органов предварительного расследования [2].

Для исправительных учреждений характерны особенности, связанные с предметом, посредством которого совершается мошенничество. В этой роли выступает мобильное средство связи – сотовый телефон или иное техническое средство, включающее в себя элементы мобильного устройства, использующее сим-карту: планшет, смарт-часы и др. Указанные предметы в соответствии с нормативными актами являются запрещенными, их нахождение на территории пенитенциарных учреждений не допускается.

Проанализировав данные ведомственной статистики, можно заметить, что ежегодно в учреждениях уголовно-исполнительной системы изымаются десятки тысяч мобильных средств связи: в 2016 г. было изъято 63 287 единиц, из них 22 690 – в жилой и производственной зонах (непосредственно из оборота у осужденных) [9, с. 39], в 2017 г. – 57 309 и 21 622 соответственно [10, с. 38], в 2018 г. – 49 916 и 20 529 [11, с. 37]. Осужденные, подозреваемые, обвиняемые используют указанные средства как для общения с родственниками и иными лицами, так и в качестве предмета, с помощью которого совершаются дистанционные мошенничества.

Прежде чем рассматривать вопрос об особенностях противодействия на первоначальном этапе расследования дистанционных мошенничеств в пенитенциарных учреждениях, определим дефиниции, имеющие различные формулировки в науке и практике.

Так, под первоначальным этапом расследования пенитенциарных преступлений нами понимается ограниченная временными параметрами система отдельных следственных действий, а также оперативно-розыскных, организационных и режимных мероприятий, нацеленных на установление в достаточном объеме данных об обстоятельствах совершения преступления, закрепление следов преступления, розыск лица, его совершившего, выявление обстоятельств, способствовавших совершению данного преступления [3, с. 10].

Началом первоначального этапа можно считать момент производства предварительной проверки или принятие процессуального решения о возбуждении уголовного дела (в зависимости от следственной ситуации), а окончанием – предъявление лицу обвинения.

Не углубляясь в дискуссию по вопросу о содержании понятия противодействия расследованию, согласимся с В. А. Ищенко, который под ним понимает «разновидность ненормативного поведения участников уголовного процесса и заинтересованных лиц, выражающегося в реализации приемов, уловок, хитростей, направленных на умышленное воспрепятствование законной деятельности должностных лиц и органов по выявлению, закреплению, проверке, оценке и использованию доказательств, изобличающих лицо, совершившее преступление, в целях обеспечения уклонения его от уголовной ответственности или смягчения наказания» [5, с. 45].

Поскольку расследование начинается с принятия процессуального решения, можно предположить, что противодействие ему на первоначальном этапе осуществляется с момента возбуждения уголовного дела. До этого события лицом (лицами), совершившим преступление, предпринимаются действия по сокрытию преступления, что не охватывается первоначальным этапом расследования. Однако стоит заметить, что мошенничества с использованием средств связи зачастую носят многоэпизодный характер, что осложняет разделение понятий «противодействие» и «сокрытие».

В связи с этим стоит рассмотреть понятие сокрытия преступления, которое является более узким по отношению к противодействию расследованию, в силу того что соответствующие действия осуществляются на этапе подготовки и реализации преступления, до момента принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела.

Наиболее точная, на наш взгляд, дефиниция С. В. Дубровина: «Сокрытие преступления – это явление, существующее до тех пор, пока не возбуждено уголовное дело, и представляет собой совокупность умышленных противоправных действий (способов), умышленного противоправного и непротивоправного бездействия субъектов преступления, воспрепятствующих тому, чтобы сведения о них и иных носителях информации, касающиеся события преступления, были установлены (обнаружены, получены), чтобы преступление оказалось в сфере внимания правоохранительных органов» [4, с. 88].

Стоит подчеркнуть, что в силу многоэпизодности рассматриваемого преступления, а также географии и временных интервалов его совершения, субъекта преступления на практике тяжело разделить этапы сокрытия преступления (имеет место до возбуждения уголовного дела) и противодействия расследованию. Так, например, по возбужденному уголовному делу одновременно может осуществляться противодействие и по выявленным эпизодам преступной деятельности, и по преступлениям, которые остались не выявленными на момент возбуждения уголовного дела или совершены в период расследования. Содержание последних из указанных действий подпадает под понятие «сокрытие», при этом способы противодействия и сокрытия зачастую идентичны. Полагаем, что четкое разделение указанных понятий невозможно для многоэпизодных дел, поскольку затруднительным представ-

ляется определение момента окончания сокрытия и начала противодействия. На наш взгляд, в силу специфики рассматриваемого преступления исследование вопросов противодействия расследованию должно охватывать и сведения о сокрытии преступления.

С целью изучения особенностей осуществления противодействия подозреваемыми (обвиняемыми) при расследовании дистанционных мошенничеств, совершенных в пенитенциарных учреждениях с использованием средств связи, были проанализированы 40 приговоров по делам указанной категории за период с 2017 по 2019 г.

Субъектами противодействия при расследовании мошенничеств, совершенных с использованием средств сотовой связи в пенитенциарных учреждениях, выступают подозреваемый, обвиняемый, свидетель, защитник (адвокат), следователь, дознаватель, потерпевший, сотрудник органа дознания. В качестве основного субъекта противодействия нами был определен подозреваемый (обвиняемый), содержащийся в пенитенциарном учреждении (исправительном учреждении или следственном изоляторе), который отбывает наказание за ранее совершенное преступление или в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Выбор субъекта был обусловлен как объективными факторами (определенные правила внутреннего распорядка учреждения, плотность размещения подозреваемых (обвиняемых) в пенитенциарных учреждениях, социальная стратификация лиц), так и субъективными (наличие опыта совершения преступлений и противодействия расследованию). Кроме того, необходимо понимать, что именно данные лица чаще всего стремятся избежать как ответственности, так и наказания.

К числу основных способов противодействия расследованию при совершении дистанционных мошенничеств относятся дача заведомо ложных показаний; заявления, ходатайства, целью которых выступает конструирование альтернативных версий события преступления; создание ложных следов; полное или частичное искажение представления о способе совершения преступления, личности виновного и др.

Довольно часто действия подозреваемых (обвиняемых) выражаются в уничтожении материальных и иных следов преступления, при этом объектом становится не только непосредственно криминалистически зна-

чимая информация, но и ее носитель (средства связи).

Таким образом, следователь (дознаватель) на первоначальном этапе расследования должен уметь объективно выявлять следы (материальные, идеальные), указывающие на противодействие расследованию в момент подготовки и совершения преступления. В целом же полагаем, что выявление и нейтрализация противодействия на первоначальном этапе позволяют достигать лучших результатов в расследовании. Сокращение времени расследования, установление значимых обстоятельств совершенного преступления и закрепление следов преступления позволяют корректировать позицию подозреваемого (обвиняемого) в направлении содействия в раскрытии преступления либо отказа от противодействия.

Анализ приговоров по делам о дистанционных мошенничествах в пенитенциарных учреждениях показал, что на первоначальном этапе расследования осуществляются следующие типичные процессуальные действия: осмотр, допрос, обыск, выемка, получение образцов для сравнительного исследования, сбор информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, направление запросов. Таким образом, именно при производстве указанных процессуальных действий оказывается наибольшее противодействие расследованию со стороны подозреваемых (обвиняемых).

Рассмотрим существующие подходы к систематизации форм противодействия расследованию. В научной литературе выделяются следующие основания для классификации: в зависимости от субъекта уголовно-процессуальных отношений противодействие подразделяют на внутреннее (причастные к расследованию) и внешнее (непричастные к расследованию), по длительности оказания – на временное и постоянное противодействие, по форме поведения субъекта – на осуществляемое в активной, пассивной и опосредованной форме, по структуре осуществляемых действий – на простое и сложное, по отношению к расследованию – на реализуемое до начала расследования, в период и после его завершения, по направленности противодействия – на материальные или идеальные следы преступления [6, с. 38–48]. Полагаем, что последний вариант (по направленности противодействия) можно взять за основу и применить его к дистанционным мошенничествам, совершаемым с территории пени-

пенитенциарных учреждений, обращая внимание на способы воздействия на значимую информацию при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела или по возбужденному уголовному делу.

Р. С. Белкин выделил следующие способы воздействия на информацию: утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификация [1, с. 217]. Рассмотрим указанные способы противодействия с учетом направленности противодействия на материальные и идеальные следы и определим меры по их нейтрализации.

Утаивание преследует своей целью скрыть отдельные обстоятельства расследуемого мошенничества или источники информации, позволяющие их установить. В качестве источников информации о пенитенциарном мошенничестве чаще всего выступают люди, материальные следы и объекты. Полагаем, что утаивание как способ противодействия расследованию применимо в отношении как материальных, так и идеальных следов.

Выделяют два вида утаивания: пассивное и активное. К активным способам относится сокрытие материальных источников информации и следов по расследуемому уголовному делу. Орудия преступления (сотовые телефоны, сим-карты, зарядные устройства и др.) скрываются посредством хранения в тайниках. Так, например, осужденный М., находящийся в исправительной колонии, совершал мошеннические действия при помощи мобильного телефона. Чтобы избежать обнаружения и изъятия средств совершения преступлений, он соорудил в стенке тумбочки тайник, где прятал сим-карты (Арх. Свердлов. район. суда г. Костромы. Приговор от 18.05.2018 по делу № 1-187/2018).

Также утаивание может быть реализовано в местах, не связанных с повседневной жизнедеятельностью преступника. К примеру, осужденный А. осуществлял мошеннические действия с помощью сотовой связи, отбывая наказание в исправительной колонии. Он передал свой сотовый телефон осужденному Н., чтобы тот обеспечил его хранение. Когда осужденному А. был необходим телефон, он брал его у осужденного Н., вставлял в него свои сим-карты, после чего возвращал обратно на хранение (Арх. Зарин. гор. суда Алтайс. края. Приговор от 22.05.2018 по делу № 1-56/2018).

С учетом специфики расследуемого преступления особенно важно найти предмет (средство сотовой связи), с помощью которого совершено мошенничество, так как он

обладает большим объемом следов преступления (следы рук, данные об истории звонков и др.). Также в качестве объектов сокрытия выступают бумажные носители информации о преступлении (блокноты, тетради, книги, журналы, на которых делаются записи, и др.).

При преодолении утаивания материальных объектов (активный способ) в первую очередь необходимо опираться на возможности поисковых следственных действий: в данном случае сотруднику органов предварительного расследования целесообразно осуществить обыск спального или рабочего места осужденного с использованием устройства для поиска сотовых телефонов, заручившись поддержкой специалиста, который знает особенности его применения. Кроме того, необходимо обратиться к сотрудникам учреждения с целью получения данных об изъятых в ходе режимных мероприятий в интересующем отряде сотовых телефонах с последующей выемкой данных объектов.

Основным примером пассивного способа утаивания по делам о пенитенциарных мошенничествах является умолчание об отдельных известных обстоятельствах события преступления или источниках информации о нем.

Результаты исследования показали, что чаще всего не разглашаются сведения о подготовке, совершении и сокрытии преступления; источниках информации или ее носителях; личности преступника и лицах, причастных к данному преступлению, а также их ролевых функциях; способе завладения средствами сотовой связи; обстоятельствах, способствовавших совершению преступления; связях с должностными лицами, необходимых для осуществления мошеннических действий; возможности получения информации о личности потерпевшего, характере и величине нанесенного ущерба и т. п.

В качестве источников информации, утаиваемой таким способом, часто выступают лица, каким-либо образом причастные к пенитенциарному мошенничеству или владеющие информацией о нем. Например, осужденные Л. и М., отбывая наказание в исправительной колонии, совместно совершали мошенничества с помощью сотовой связи. При этом Л. звонил потерпевшим, а М. приобретал средства сотовой связи, а именно сим-карты и мобильные телефоны. На первоначальном этапе расследования была установлена только причастность Л. к

совершаемым мошенничествами. На допросах Л. молчал о причастности М. к преступлениям, а иных источников информации об этом установлено не было (Арх. Киров. район. суда г. Перми. Приговор от 08.05.2018 по делу № 1-89/2018).

Эффективным способом преодоления такого рода пассивного противодействия является выявление мотивов. Например, частым мотивом умолчания выступает приверженность осужденных в своем поведении нормам тюремной субкультуры, согласно которым содействие правоохранительным органам осуждается. Кроме того, неофициальные лидеры осужденных могут оказать как психологическое, так и физическое воздействие на несоблюдающих эти нормы. Поэтому вызывать осужденного для допроса (получения объяснений) целесообразно с использованием причины, не связанной с преступлением, либо стоит вызывать сразу большую группу осужденных. Указанные действия не позволят осужденным установить лицо, предоставившее значимую информацию о мошенничестве (об участниках, распределении ролей и др.). Особенно это значимо при расследовании мошенничества, совершенного группой лиц.

Значительно реже встречается такой вид умолчания, как невыполнение требуемых действий. Оно может проявляться в отказе подозреваемого (обвиняемого) от предоставления необходимых образцов для сравнительного исследования. Так, осужденный К., подозреваемый в совершении мошеннических действий, отказался зачитать предложенный ему оперуполномоченным текст для записи на диктофон при проведении данного процессуального действия (Арх. Октябр. район. суда г. Красноярск. Приговор от 16.05.2018 по делу № 1-168/2018).

С целью исключения утаивания осужденными образцов голоса сотрудниками органов дознания исправительных учреждений по поручению следователя (дознателя) возможно произвести такое оперативно-розыскное мероприятие, как сбор образцов для сравнительного исследования. В последующем результаты оперативно-розыскных мероприятий с использованной аудиозаписью могут быть представлены органам предварительного расследования (рассекречивание информации).

2. Уничтожение как вид противодействия может быть направлено на устранение следов преступления, следов преступника, орудий и средств преступления. Уничтожение может быть полным и частичным.

Как правило, единственными следами преступника по делам о пенитенциарных мошенничествах, позволяющими его идентифицировать, являются фонограммы его голоса в электронно-цифровой форме. Аналогичную форму имеют следы преступления, хранящиеся у сотовых операторов и банковских организаций, поэтому преступник никак не может повлиять на носители этой информации с целью их уничтожения.

Чаще всего объектом уничтожения выступают различные объекты, использовавшиеся для совершения мошенничества: сотовые телефоны, сим-карты, зарядные устройства, тетради, блокноты и др. Так, например, в 2016 г. осужденный С., находясь в колонии-поселении и совершая мошеннические действия с помощью мобильного телефона, регулярно менял сим-карты с разными абонентскими номерами. Для уничтожения следов преступной деятельности ранее использованные сим-карты он измельчал (Арх. Благовещ. гор. суда Амур. обл. Приговор от 22.05.2018 по делу № 1-430/2018).

Примеров физического устранения свидетелей и очевидцев, владевших информацией об обстоятельствах пенитенциарных мошенничеств, при анализе судебной практики не было обнаружено. Представляется, что данный факт объясняется особенностями режима деятельности исправительного учреждения, а также надзором за подозреваемыми (обвиняемыми), осужденными.

Основным способом, позволяющим предотвратить уничтожение, выступает своевременное планирование и производство процессуальных действий, оперативно-розыскных и режимных мероприятий, направленных на обнаружение, закрепление и изъятие источников информации о преступлении. Именно быстрота производства данных действий позволит сократить вероятность уничтожения следов. В первую очередь это зависит от уровня взаимодействия органов расследования с сотрудниками исправительных учреждений. Кроме того, в ходе совместно спланированных и проводимых мероприятий усилия должны быть направлены на поиск материальных следов, уничтоженных объектов (в виде частей телефонов, сим-карт и др.) или поиск очевидцев.

Для восстановления данных о звонках, переписке или другой информации, стертой из памяти телефона или другого используемого устройства, а также поврежденной информации можно назначить компьютерную экспертизу.

3. Маскировкой называется искажение представлений о преступных действиях, личности виновного, назначении объектов – носителей информации и их круге [7, с. 55].

В числе основных способов маскировки следует назвать:

1) Изменение информации о субъекте преступления (искажение голоса, использование сим-карт, оформленных на других лиц). Так, например, осужденные Н. и К. в период 2015–2016 гг., находясь на территории исправительной колонии, совершили серию мошеннических действий с помощью мобильного телефона. В своей деятельности преступники применяли сим-карты различных операторов сотовой связи и банковские карты, оформленные на посторонних лиц, не осведомленных о деятельности организованной преступной группы, чтобы исключить возможность установления соучастников правоохранительными органами (Арх. Николаев. район. суда Волгоград. обл. Приговор от 07.02.2018 по делу № 1-109/2017).

Искажение голоса на стадии расследования определяется в рамках производства фоноскопической экспертизы при сравнении записи разговора с образцами голоса подозреваемого. Кроме того, устанавливаются личности тех, на чье имя оформлены сим-карты, использованные для преступной деятельности. Данные лица проверяются на причастность посредством опроса, наведения справок, что позволяет уточнить алиби, установить связь с преступниками и их окружением. Также в этих целях необходимо производство допроса.

2) Перемещение объектов в необычные места хранения. Как правило, осужденные скрывают средства преступления в предметах повседневного обихода: тубиках из-под шампуня, геля для душа, производственных механизмах, готовой продукции и т. д. [8, с. 51]. Для преодоления такого противодействия важно информировать сотрудников исправительного учреждения о перечне объектов, подлежащих поиску, их внешнем виде и необходимых обстоятельствах совершенных преступлений. В ходе поиска сотрудники должны анализировать имеющуюся обстановку в исправительном учреждении, опираться на знание типичных способов и мест сокрытия запрещенных предметов осужденными и опыт своей практической деятельности. Ключевым моментом является привлечение оперативных сотрудников исправительного учреждения для производства обыска на режимной территории.

3) Действия, искажающие представление о целях осуществляемой деятельности. Зачастую осужденные просят родственников, знакомых открывать банковские карты и электронные кошельки (WebMoney, QIWI, Money Mail, PayPal, Liberti Reserve и др.), на которое перечисляют деньги жертв мошенничества. При этом осужденные вводят в заблуждение указанных лиц, поясняя, что кошельки необходимы для перечисления средств за работу в исправительном учреждении, передачи долга, исполнения договорных обязательств и т. д.

В целях нейтрализации такой маскировки необходимо произвести такое следственное действие, как получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Это позволит установить время выхода в Интернет, места нахождения пользовательского оборудования, персональный IMEI-код абонентского устройства. В кредитную организацию, платежную систему следователем может быть направлен запрос. Однако сложности могут возникнуть при обращении в платежные системы PayPal, Liberti Reserve и др., так как указанные юридические лица находятся вне юрисдикции Российской Федерации, и потому необходимо оформить международное следственное поручение, что увеличивает сроки исполнения. В ответах кредитных организаций, платежных систем будут содержаться сведения об IP-адресе, с которого был создан электронный кошелек. Далее в целях персонализации лица, открывшего счет, необходимо направить в организацию-провайдер, которой принадлежит IP-адрес, запрос о предоставлении сведений об абоненте. Однако в последнее время ситуация осложняется использованием программ анонимайзеров (Opera Browser + VPN, Tor Browser и др.) в совокупности с распространенностью биткоин-кошельков. Применение таких технологий не позволяет получить персональные данные о владельце кошелька и его местонахождении.

4. Фальсификация как способ сокрытия мошенничества представляет собой создание, формирование ложной информации или ее носителей. Основными целями фальсификации выступают уклонение преступника от ответственности или ее минимизация, сокрытие соучастников, преступных связей. Это может позволить продолжить неустановленным фигурантам осуществлять преступную деятельность и использовать ее результаты.

Чаще всего фальсификация проявляется в виде дачи заведомо ложных показаний. Классическим примером являются доводы осужденных о том, что они не имеют отношения к совершенным мошенничествам, им незнакомы абонентские номера, люди, о которых задаются вопросы, что исправительные учреждения и следственные изоляторы являются режимными помещениями, на территории которых использование средств связи запрещено нормативными актами, и отсутствие таковых в учреждении подтверждается результатами режимных мероприятий, проводимых сотрудниками ФСИН России.

В качестве способа преодоления в данном случае может выступать приведение неопровержимых доказательств причастности к мошенничеству (например, показания соучастников и свидетелей, запись переговоров с потерпевшими и иными участниками, изъятые средства совершения преступления, результаты опознания голоса или фоноскопической экспертизы).

Нетипичным примером дачи ложных показаний служит ситуация при расследовании пенитенциарного мошенничества, когда осужденный А., отбывающий наказание в колонии-поселении, отрицал не факт совершения хищения, а его мошеннический характер. Он интерпретировал факты с целью изменения квалификации деяния с мошенничества (ст. 159 УК РФ) на самоуправство (ст. 330 УК РФ). Осужденный утверждал, что, находясь в колонии-поселении, договаривался об оказании услуг по перевозке груза и реально предпринимал действия по организации доставки. При этом он сотрудничал по телефону с М., не находящимся в исправительном учреждении, который помогал А. в отправке груза. Однако материалами уголовного дела данные факты были опровергнуты (Арх. Якут. гор. суда Респ. Саха (Якутия). Приговор от 05.02.2018 по делу № 1-27/2018).

Способом преодоления в такой ситуации могут выступить проверка отдельных обстоятельств преступления на действительность их существования и сопоставление их с другими с целью выявления противоречий.

Также проявлением фальсификации могут быть заведомо ложные заявления и явки с повинной. Так, осужденным Л. на предварительном следствии добровольно было написано несколько явок с повинной о совершении мошенничеств дистанционным способом. Позднее в ходе расследования свои признания он не подтвердил на допро-

сах, сообщив, что указанные преступления он не совершал, себя оговорил с целью отвести подозрение от своего брата, вместе с которым отбывал наказание в исправительной колонии. Дистанционными мошенничествами в реальности занимался его брат, осужденный С., который скоро должен был освободиться из мест лишения свободы (Арх. Киров. район. суда г. Перми. Приговор от 08.05.2018 по делу № 1-89/2018).

Свидетельством подлинности сведений лица являются хорошая ориентация в хронологии события, последовательности сказанных фраз и совершенных действий, знание отдельных мелких деталей события. Указывать на ложь будут шаблонность, общая размытость показаний, избегание мелких деталей. Для разоблачения лжи необходимо выяснить мотивы путем проведения тщательного изучения личности сообщавшего ложные сведения и особенностей обстановки в учреждении.

Нетипичным примером фальсификации выступают создание ложных следов, предоставление ложного алиби. Так, например, группа осужденных, распределив преступные роли, осуществляла телефонные звонки в различные регионы Российской Федерации, в основном с существенной разницей во времени, в ночное время, когда в указанных регионах было уже раннее утро. Звонивший представлялся родственником, чаще всего сыном, говорил, что он попал в ДТП, в результате которого пострадали люди, и необходимы деньги, чтобы не возбуждалось уголовное дело. Описанный механизм, по мнению преступников, позволял уйти от ответственности, так как в установленное время совершения преступления по месту нахождения потерпевшего осужденные в исправительных колониях находились на работах, участвовали в проверках наличия осужденных, что создавало им алиби (Арх. Сыктывкар. гор. суда Респ. Коми. Приговор от 07.03.2014 по делу № 1-20/2013; 1-806/2012).

Варианты преодоления нетипичных способов фальсификации индивидуальны, но в основе всех лежат анализ имеющихся установленных фактов и их сопоставление на предмет наличия противоречий. Например, сопоставление времени поступления звонка потерпевшему в регионе А. от мошенника из региона В. с учетом часового пояса позволяет решить вопрос о возможности совершения этого звонка осужденным.

Проведенное нами исследование позволило сформулировать ряд выводов.

Применительно к специфике рассматриваемого преступления понятие «противодействие расследованию» будет включать в себя и действия по сокрытию преступления в силу следующих обстоятельств: многоэпизодность рассматриваемого преступления, география и временные интервалы его совершения, субъект преступления. Представляется, что на начальном этапе расследования дистанционного мошенничества в пенитенциарных учреждениях сокрытие преступления является первым этапом противодействия – противодействием выявлению преступления, а вторым становится этап противодействия расследованию.

Основным субъектом, оказывающим противодействие при расследовании дистанционного мошенничества, выступает подозреваемый, обвиняемый. На деятельность данного субъекта, а также иных лиц, прибывающих в исправительное учреждение и следственный изолятор в качестве свидетелей (осужденных, подозреваемых, обвиняемых), распространяются неофициальные нормы криминальной субкультуры, что автоматически обуславливает оказание противодействия данными участниками.

Своевременные действия должностных лиц (следователя, дознавателя) по нейтрализации противодействия на первоначальном этапе расследования позволяют установить значимые обстоятельства совершенного преступления, закрепить следы преступления, что в конечном счете дает возможность полностью или частично нивелировать дей-

ствия подозреваемого (обвиняемого) по противодействию расследованию.

При производстве расследования пенитенциарных мошенничеств производятся следующие процессуальные действия: осмотр, допрос, обыск, выемка, получение образцов для сравнительного исследования, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, направление запросов. В ходе их осуществления подозреваемыми (обвиняемыми) оказываются наибольшие усилия по противодействию. Максимальная эффективность определенных выше процессуальных действий достигается только в случае обеспечения взаимодействия с оперативными подразделениями ФСИН России, которые предоставляют органам предварительного расследования информацию о способах противодействия расследованию и его преодоления; в результате режимных и оперативно-розыскных мероприятий формируются материалы, которые через процессуальные процедуры трансформируются в доказательства.

Основными способами противодействия расследованию являются утаивание, уничтожение, фальсификация, маскировка. Важную роль играет их направленность на материальные и идеальные следы. В отношении каждого из способов противодействия существуют эффективные меры по закреплению следов преступления, а также нейтрализации действий подозреваемых (обвиняемых).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Белкин, Р. С.** Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: от теории к практике / Р. С. Белкин. – Москва, 1988. – 304 с.
2. **Богатырева, Е. Л.** О мошенничествах с использованием средств сотовой связи (по материалам уголовных дел) / Е. Л. Богатырева. – URL: <https://45.xn--b1aew.xn--p1ai/document/1979642> (дата обращения: 22.07.2019).
3. **Грязева, Н. В.** Особенности первоначального этапа расследования побегов из исправительных учреждений : учебное пособие / Н. В. Грязева, Р. М. Морозов. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2017. – 185 с. – ISBN 978-5-94991-389-5.
4. **Дубровин, С. В.** Соотношение (взаимосвязь и различие) противодействия расследованию преступлений и их сокрытия / С. В. Дубровин // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 6. – С. 86–88.
5. **Ищенко, В. А.** Противодействие предварительному расследованию в местах лишения свободы и основные направления его нейтрализации : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / В. А. Ищенко. – Москва, 2007. – 176 с.
6. **Карнаухова, О. Г.** Тактика преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / О. Г. Карнаухова. – Санкт-Петербург, 2015. – 225 с.
7. **Николайчук, И. А.** Сокрытие преступлений как форма противодействия расследованию : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / И. А. Николайчук. – Краснодар, 2000. – 360 с.
8. **Нуждин, А. А.** Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. А. Нуждин. – Рязань, 2013. – 232 с.
9. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2016 г.) : информационно-аналитический сборник. – Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2017. – 385 с.
10. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2017 г.) : информационно-аналитический сборник. – Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2018. – 393 с.
11. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2018 г.) : информационно-аналитический сборник. – Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2019. – 328 с.
12. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 года. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/9338947/> (дата обращения: 01.07.2019).

13. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2017 года. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987> (дата обращения: 01.07.2019).

14. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2018 года. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/> (дата обращения: 01.07.2019).

REFERENCES

1. Belkin R. S. *Kriminalistika: problemy, tendencii, perspektivy: ot teorii k praktike* [Forensics: problems, trends, prospects: from theory to practice]. Moscow, 1988. 304 p. (In Russ.).
2. Bogatyreva E. L. *O moshennichestvah s ispol'zovaniem sredstv sotovoy svyazi (po materialam ugovolnykh del)* [About fraud using cellular communications (based on criminal cases)]. Available at: <https://45.xn--b1aew.xn--p1ai/document/1979642> (accessed 22.07.2019). (In Russ.).
3. Gryazeva N. V., Morozov R. M. *Osobennosti pervonachal'nogo etapa rassledovaniya pobegov iz ispravitel'nykh uchrezhdenij* [Features of the initial stage of investigation of escapes from correctional facilities]. Vologda, 2017. 185 p. (In Russ.).
4. Dubrovin S. V. *Sootnoshenie (vzaimosvyaz' i razlichie) protivodejstviya rassledovaniyu prestuplenij i ih sokrytiya* [Correlation (interconnection and difference) of counteraction to investigation of crimes and their concealment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 6, pp. 86–88. (In Russ.).
5. Ishchenko V. A. *Protivodejstvie predvaritel'nomu rassledovaniyu v mestah lisheniya svobody i osnovnye napravleniya ego nejtralizacii. Diss. kand. yurid. nauk* [Countering the preliminary investigation in places of deprivation of liberty and the main directions for its neutralization. Diss. PhD. in Law]. Moscow, 2007. 176 p. (In Russ.).
6. Karnauhova O. G. *Taktika preodoleniya protivodejstviya rassledovaniyu so storony svitatelej i poterpevshih. Diss. kand. yurid. nauk* [Tactics to overcome opposition to the investigation by witnesses and victims. Diss. PhD. in Law]. St. Petersburg, 2015. 225 p. (In Russ.).
7. Nikolajchuk I. A. *Sokrytie prestuplenij kak forma protivodejstviya rassledovaniyu. Diss. dokt. yurid. nauk* [Concealment of crimes as a form of opposition to the investigation. Diss. Dsc. in Law]. Krasnodar, 2000. 360 p. (In Russ.).
8. Nuzhdin A. A. *Rassledovanie moshennichestva, sovershennogo osuzhdennymi v uchrezhdeniyah UIS s ispol'zovaniem sredstv sotovykh sistem podvizhnoj svyazi. Diss. kand. yurid. nauk* [Investigation of fraud committed by convicts in penal institutions using mobile cellular communication systems. Diss. PhD. in Law]. Ryazan, 2015. 232 p. (In Russ.).
9. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii (yanvar'–dekabr' 2016 g.)* [Key performance indicators of the penal system of the Federal Penal Service of Russia (January–December 2016)]. Tver, 2017. 385 p. (In Russ.).
10. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii (yanvar'–dekabr' 2017 g.)* [Key performance indicators of the penal system of the Federal Penal Service of Russia (January–December 2017)]. Tver, 2018. 393 p. (In Russ.).
11. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii (yanvar'–dekabr' 2018 g.)* [Key performance indicators of the penal system of the Federal Penal Service of Russia (January–December 2018)]. Tver, 2019. 328 p. (In Russ.).
12. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2016 goda* [The state of crime in Russia for January–December 2016]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/9338947/> (accessed 01.07.2019). (In Russ.).
13. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2016 goda* [The state of crime in Russia for January–December 2016]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987> (accessed 01.07.2019). (In Russ.).
14. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2016 goda* [The state of crime in Russia for January–December 2016]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/> (accessed 01.07.2019). (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10016

УДК 343.83

Классификация нормативных актов, регулирующих правоохранительную деятельность подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний

С. В. ПОНИКАРОВ – адъюнкт факультета научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

Реферат

Статья посвящена классификационной характеристике нормативных актов, регламентирующих правоохранительную деятельность подразделений специального назначения (пенитенциарный спецназ, подразделения по конвоированию) уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Рассматривается организационно-правовое регулирование (содержание) правоохранительной деятельности подразделений специального назначения. Кроме

того, исследуется юридическая составляющая самого содержания правоохранительной деятельности подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Объектом статьи выступает научная классификация юридических актов, регулирующих правоохранительную деятельность пенитенциарных подразделений специального назначения, предметом – указанные выше правовые акты. В статье фиксируются научные критерии, позволяющие раскрыть систему юридических актов в исследуемой области.

При написании статьи были использованы методы индукции, анализа и синтеза, способствовавшие получению большинства сформулированных выводов при разработке понятийного аппарата, связанного с тематикой исследования, а также применены методы сравнительного анализа, организационного моделирования, которые также позволили разграничить представленную классификацию нормативных актов. Научная статья обуславливается состоянием ранее не исследованных моментов в сфере нормативного регулирования собственно правоохранительной деятельности сотрудников подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы.

Положения статьи могут быть использованы в учебном процессе в целях обучения и повышения квалификации сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: классификация; нормативные акты; пенитенциарный спецназ; правоохранительная деятельность; юридические основы; регулирование; учреждения и органы УИС.

12.00.14 – Административное право; административный процесс

Classification of normative acts regulating the law enforcement activities of special units of institutions and agencies performing functions in the field of criminal penalties

S. V. PONIKAROV – Adjunct of the Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of Law of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The article is devoted to the classification characteristics of normative acts regulating the law enforcement activities of special forces (prison special forces, escort units) of the penal system of the Russian Federation.

The organizational and legal regulation (content) of law enforcement activities of special forces is considered. In addition the legal component of the content of the law enforcement activity of the special forces of the penal system of the Russian Federation is co.

The object of this article is the scientific classification of legal acts that regulate the law enforcement of the penal special units. The subject matter is the legal acts regulating the activities under review of the units of the penal special forces. In the presented article scientific criteria are fixed that allow to reveal the system of legal acts in the studied area.

When writing the article we used the methods of induction, analysis and synthesis, which contributed to the majority of the conclusions drawn in the development of the conceptual apparatus related to the research topic as well as applied methods of comparative analysis and organizational modeling, which also made it possible to differentiate the presented classification of normative acts. The scientific article is determined by the state of previously unexplored issues in the field of normative regulation of the law enforcement activity of employees of special forces units of the penal system.

The provisions of the article can be used in the educational process for the purpose of training and advanced training of employees of institutions and agencies of the penal system.

Key words: classification; normative acts; prison special forces; law enforcement activities; legal basis; regulation; institutions and bodies of the penal correction system.

12.00.14 – Administrative law; administrative process

В научной литературе по правовой те- ных публикаций, касающихся содержания матике очень немного специализирован- правоохранительной деятельности иссле-

двух (схожих) подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [4]. Исключения составляют фундаментальные работы, которые закрепляют эволюционные законодательные основы государственной службы в правоохранительной сфере [6]. Кроме того, имеется ряд работ, в которых содержатся юридические основы правоохранительной деятельности подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы [8].

Успех любой управленческой деятельности должностных лиц пенитенциарных учреждений достигается надлежащей правовой регламентацией [10, с. 14]. Заметим, что на сегодняшний день конкретный юридический документ (например, федеральный закон), который бы закреплял статус тюремного спецназа, отсутствует.

Если брать эволюционное состояние регламентирующих в той или иной степени правоохранительную деятельность подразделений специального назначения (включая конвойные подразделения) уголовно-исполнительной системы нормативных актов, то к основным из них следует отнести в порядке юридической значимости:

- декрет ВЦИК от 30.11.1918 «О Народном Суде РСФСР (Положение)»;
- Постановление НКВД РСФСР и НКЮ РСФСР от 12.10.1918 «Об организации Советской рабоче-крестьянской милиции (Инструкция)»;
- Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (1924 и 1933 гг.).

Перечисленные нормативные акты стали специфической юридической базой, в которой были зафиксированы виды правоохранительной деятельности (например, обеспечение безопасности осужденных и персонала, применение оружия, физической силы), в том числе и для подразделений специального назначения (например, конвойных служб или подразделений).

Несмотря на доскональную юридическую регламентацию должностных обязанностей надзирателя по корпусу, постового надзирателя, а также конвоира, в случае совершения осужденными побегов, групповых неповиновений и иных правонарушений их действия, как правило, носили самопроизвольный характер: сказывалось отсутствие необходимой правовой регламентации и тактико-специальной подготовки.

На тот момент отсутствовал и конкретный нормативный акт (например, союзный закон). Однако были нормативные акты, в

которых упоминались подразделения специального назначения, в том числе и в рассматриваемой сфере. Например, к таковым следует отнести Закон СССР от 26.03.1990 № 1388-1 «Об обязанностях и правах внутренних войск МВД СССР при охране общественного порядка», в соответствии с которым к подразделениям специального назначения, выполняющим функции в сфере исполнения уголовных наказаний, были отнесены служебно-войсковые (военизированные) подразделения внутренних войск, конвойные службы, что обуславливалось возложением на указанные структуры функций специального назначения.

Следует отметить, что правоохранительная деятельность подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний, в правовом аспекте рассматривалась двумя неизменно соперничающими силами.

Так, например, одна подчинялась администрации исправительных учреждений, а вторая – внутренним войскам Министерства внутренних дел СССР. Как правило, такое управление в правоохранительной сфере не всегда приводило к позитивным итогам и создавало проблемы во внутриорганизационной правоохранительной деятельности.

В 1993 г. внутренние войска были выведены из системы охраны исправительных учреждений, которая перешла к администрации колонии. Полагаем, что это было правильное решение, так как управление должно находиться в одних руках.

Отметим, что в то время ситуация в учреждениях уголовно-исполнительной системы резко ухудшилась. Увеличилась враждебность осужденных, участились случаи открытого противостояния администрации, фиксировались случаи нападения на сотрудников пенитенциарной системы.

Принимаемые администрацией исправительных колоний меры не приносили желаемых результатов, оперативно-служебная обстановка в учреждениях продолжала оставаться криминогенной, что требовало принятия экстремальных упреждающих мер.

При этом в обществе активно обсуждались идеи гуманного отношения к осужденным. Последними это было истолковано по-своему: они отказывались выходить на работу, учиняли погромы и бунты, захватывали заложников [1, с. 70–79], прислушивались к «ворам», «смотрящим» и «авторитетам» [2, с. 41]. Многие сотрудники

уголовно-исполнительной системы были неудовлетворены существующей нормативной базой [3, с. 13].

Вследствие этого было принято решение о создании отрядов специального назначения (приказ МВД СССР от 13.11.1990 № 421), выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний. Таким образом, пенитенциарный спецназ получил свое юридическое закрепление.

Рассмотрим современную классификацию нормативных актов в исследуемой сфере деятельности.

Следует сказать, что организационно-правовое регулирование предполагает осознание субъектами права своих прав и обязанностей. Вместе с тем юридическое регулирование правоохранительной деятельности подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации не существует обособленно, оно действует на основе механизма системы правовых средств, с помощью которых обеспечивается реализация тех или иных общественных отношений. Одним из средств механизма правового регулирования являются юридические нормы, которые устанавливают правила поведения участников отношений в рассматриваемой сфере деятельности пенитенциарных подразделений специального назначения.

Юридические нормы содержатся в различных по своей правовой силе нормативных предписаниях, определяют круг лиц, на которых распространяются, раскрывают содержание организации и тактики правоохранительной деятельности подразделений спецназа, определяют их юридическую ответственность в случае несоблюдения определенных правил и определяют компетенцию в правоохранительной деятельности сотрудников спецназа.

Так, например, данные сотрудники имеют право применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в той мере, в какой позволяет им действующее законодательство для выполнения своих функциональных обязанностей. Следовательно, правоохранительная деятельность подразделений специального назначения во многом зависит от надлежащей правовой регламентации.

Таким образом, чем идеальнее норма, тем безупречнее будет обеспечиваться правопорядок и законность в сфере правоохранительной деятельности подразделений специального назначения учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Следует отметить, что выполнение тюремным спецназом, а также специальными подразделениями по конвоированию сложных оперативно-тактических задач требует от сотрудников высокого профессионализма, умения хорошо ориентироваться в законодательстве, регламентирующем правоохранительную деятельность подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы, а также принимать решения в соответствии с законом.

Многофункциональный характер деятельности спецназа, а также специфика решаемых им задач предполагают наличие должного правового обеспечения (регулирования) процессов управления в критических (напряженных) обстоятельствах.

Нормативные акты, регулирующие рассматриваемую правоохранительную деятельность, отличаются по своей юридической природе, сферам действия и содержанию. Кроме того, нормативные акты образуют определенную систему, а также разнообразные стандарты, связанные с исполнением наказаний [9, с. 18].

Исходя из такого научного критерия, как юридическое содержание и значимость, система нормативных актов, регулирующих правоохранительную деятельность подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы, представлена следующим образом:

1. Международные правовые акты, подписанные и ратифицированные Российской Федерацией:

- а) Минимальные стандартные правила обращения с заключенными;
- б) Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка;
- в) Международная конвенция по борьбе с захватом заложников;
- г) Проект основных принципов применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка.

2. Правовые акты Содружества Независимых Государств (СНГ):

- а) Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (1991 г.);
- б) Соглашение о совместной деятельности по борьбе с преступностью (1992 г.).

3. Законы Российской Федерации:

- а) Федеральный закон Российской Федерации от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняю-

щих уголовные наказания в виде лишения свободы»);

б) Федеральный закон Российской Федерации от 30.12.2012 № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

в) Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Отметим, что к этой группе можно отнести и иные федеральные кодифицированные законы (например, КоАП РФ, УПК РФ).

Так, например, в соответствии с указанным выше законом сотрудники подразделений специального назначения применяют специальные средства. Их использование при осуществлении правоохранительных функций представляет собой составной элемент деятельности, которая охватывается понятием «режим» [5, с. 15].

4. Указы Президента России:

а) от 13.10.2004 № 1313 «Положение о Министерстве юстиции Российской Федерации»;

б) от 13.10.2004 № 1314 «Положение о Федеральной службе исполнения наказаний Российской Федерации».

5. Постановления Правительства Российской Федерации:

а) от 17.07.1996 № 831 «О порядке выдачи оружия лицам, подлежащим государственной защите»;

б) от 15.10.1997 № 1314 «Об утверждении Правил оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военизированных организациях».

В настоящее время действует много подзаконных ведомственных нормативных актов (приказов, в том числе и совместных, например, по линии силовых структур, ФСБ, МВД, ФСИН России), которые косвенно затрагивают статус спецназа уголовно-исполнительной системы, например, в вопросах взаимодействия с другими правоохранительными органами. Как правило, данные приказы имеют ограниченное распространение и предназначены для служебного пользования, поэтому не могут быть упомянуты в данной статье. И тем не менее имеется система взаимной информации [7, с. 23].

6. Подзаконные нормативные правовые акты органов исполнительной власти в сфере исполнения уголовных наказаний:

а) Приказ Минюста России от 11.10.2018 № 211 «Об утверждении Порядка обеспечения безопасности объектов уголовно-исполнительной системы, а также органов Министерства юстиции Российской Федерации»;

б) Приказ Минюста России от 30.10.2017 № 216 «Об утверждении Порядка подготовки и направления прокурору начальником учреждения уголовно-исполнительной системы (специального подразделения по конвоированию) материалов по фактам применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия»;

в) Приказ ФСИН России от 11.05.2006 № 223 «Об утверждении Инструкции о порядке постоянного ношения и хранения боевого огнестрельного оружия, боеприпасов и специальных средств сотрудниками уголовно-исполнительной системы».

Таким образом, исследовав правовое содержание правоохранительной деятельности подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, необходимо сделать следующие выводы:

1. Правовое содержание нормативных правовых актов, регулирующих правоохранительную деятельность подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы, представляет собой определенную организационную систему.

2. Правоохранительная деятельность подразделений специального назначения (спецназ ФСИН России и подразделения по конвоированию) уголовно-исполнительной системы Российской Федерации затрагивает установленные субъективные права и законные интересы граждан. Следовательно, такая деятельность должна быть в полной мере обеспечена юридическим регулированием на уровне федерального законодательства России.

3. Правоохранительная деятельность сотрудников специального назначения пенитенциарной системы постоянно связана с реализацией своих властных полномочий (например, с применением физической силы, в том числе и боевых приемов борьбы, спецсредств, а также оружия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанов, Н. П. Организация деятельности учреждений по предотвращению и пресечению массовых беспорядков, захватов заложников, побегов : монография / Н. П. Барабанов. – Рязань : Академия ФСИН России, 2003. – 361 с. – ISBN 5-7743-0077-3.

2. Громов, В. Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / В. Г. Громов. – Тамбов, 2009. – 50 с.
3. Курбанов, Д. А. Управление силами и средствами органов и учреждений внутренних дел при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера в СИЗО : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Д. А. Курбанов. – Москва, 1997. – 23 с.
4. Майдыков, А. А. Актуальные вопросы организации взаимодействия территориальных органов МВД России с подразделениями (органами) войск национальной гвардии Российской Федерации в особых условиях / А. А. Майдыков // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 1 (41). – С. 59–66.
5. Мартынович, А. П. Правовое регулирование применения специальных средств в целях укрепления режима содержания осужденных в исправительных колониях : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. П. Мартынович. – Москва, 1998. – 22 с.
6. Нагорных, Р. В. Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Р. В. Нагорных. – Москва, 2016. – 40 с.
7. Овчинников, В. В. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России в условиях внутренних вооруженных конфликтов : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / В. В. Овчинников. – Москва, 1997. – 23 с.
8. Поникаров, В. А. Административно-правовой статус сотрудников оперативных подразделений ФСИН России : учебное пособие / В. А. Поникаров, С. В. Поникаров, К. А. Чистяков, С. А. Юнусов. – Москва : Проспект ; Академия ФСИН России, 2019. – 80 с. – ISBN 978-5-392-29210-3.
9. Трунцевский, Ю. В. Международные стандарты исполнения и отбывания наказаний и российская уголовно-исполнительная система / Ю. В. Трунцевский // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2005. – № 4 – С. 18–21.
10. Фефелов, В. В. Правовое регулирование деятельности исправительных учреждений в особых условиях : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / В. В. Фефелов. – Рязань, 2002. – 20 с.

REFERENCES

1. Barabanov N. P. *Organizatsiya deyatel'nosti uchrezhdenij po predotvrashcheniyu i presecheniyu massovykh besporyadkov, zahvatov zalozhnikov, pobegov* [Organization of the activities of institutions for the prevention and suppression of riots, hostages, shoots]. Ryazan, 2003. 361 p. (In Russ.).
2. Gromov V. G. *Kriminogenost' mest lisheniya svobody i ee nejtralizatsiya. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk* [Criminogenicity of places of imprisonment and its neutralization. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Tambov, 2009. 50 p. (In Russ.).
3. Kurbanov D. A. *Upravlenie silami i sredstvami organov i uchrezhdenij vnutrennih del pri chrezvychajnykh situatsiyah prirodnoho i tekhnogennogo haraktera v SIZO. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Management of forces and means of bodies and institutions of internal affairs in emergency situations of natural and man-made nature in pre-trial detention. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Moscow, 1997. 23 p. (In Russ.).
4. Majdykov A. A. *Aktual'nye voprosy organizatsii vzaimodejstviya territorial'nykh organov MVD Rossii s podrazdeleniyami (organami) vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii v osobykh usloviyah* [Actual issues of the organization of interaction of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia with units (bodies) of the troops of the national guard of the Russian Federation in special conditions]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 1 (41), pp. 59–66. (In Russ.).
5. Martynovich A. P. *Pravovoe regulirovanie primeneniya special'nykh sredstv v celyakh ukrepleniya rezhima sodержaniya osuzhdennykh v ispravitel'nykh koloniyah. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Legal regulation of the use of special means in order to strengthen the regime of detention of convicts in correctional colonies. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Moscow, 1998. 22 p. (In Russ.).
6. Nagornyh R. V. *Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii v pravoohranitel'noj sfere. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk* [Administrative and legal regulation of the public service of the Russian Federation in law enforcement. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Moscow, 2016. 40 p. (In Russ.).
7. Ovchinnikov V. V. *Organizacionno-pravovye osnovy deyatel'nosti organov vnutrennih del i vnutrennih vojsk MVD Rossii v usloviyah vnutrennih vooruzhennykh konfliktov. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [The organizational and legal foundations of the activities of the bodies of internal affairs and internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the conditions of internal armed conflicts. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Moscow, 1997. 23 p. (In Russ.).
8. Ponikarov V. A., Ponikarov S. V., Chistyakov K. A., Yunusov S. A. *Administrativno-pravovoj status sotrudnikov operativnykh podrazdelenij FSIN Rossii* [Administrative and legal status of employees of operational units of the Federal Penal Service of Russia]. Moscow, 2019. 80 p. (In Russ.).
9. Truncevskij YU. V. *Mezhdunarodnye standarty ispolneniya i otbyvaniya nakazaniy i rossijskaya ugotovno-ispolnitel'naya sistema* [International standards for the execution and serving of sentences and the Russian penal system]. *Ugotovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie – Penal System: Law, Economics, Management*, 2005, no. 4, pp. 18–21. (In Russ.).
10. Fefelov V. V. *Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti ispravitel'nykh uchrezhdenij v osobykh usloviyah. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Legal regulation of the activities of correctional institutions in special conditions. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Ryazan, 2002. 20 p. (In Russ.).

Административно-правовые средства регулирования государственной службы в правоохранительной сфере¹

Р. В. НАГОРНЫХ – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Реферат

Статья посвящена рассмотрению сущности, содержания и правовой природы административно-правовых средств регулирования государственной службы в правоохранительной сфере.

Специфика механизма административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере состоит в нормативном закреплении административно-правового статуса самих правоохранительных органов, а также административно-правового статуса служащих государственной службы в правоохранительной сфере, включающего в себя установление прав, обязанностей и ответственности. В свою очередь реализация этих статусов связана с непосредственным осуществлением служащими государственной службы в правоохранительной сфере функций в области борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, обеспечения личной и общественной безопасности, исполнения решений о привлечении к юридической ответственности, а также внутриорганизационной деятельности правоохранительных органов и координации взаимодействия с другими структурами общества и государства в решении социальных задач.

Под административно-правовыми средствами регулирования государственной службы в правоохранительной сфере следует понимать совокупность универсальных административно-правовых явлений: административно-правовых норм, правоприменительных актов, административных договоров, юридических фактов, субъективных прав и обязанностей, участников служебных правоотношений, способов и приемов государственного управленческого воздействия, обеспечивающих эффективность государственной службы в правоохранительной сфере.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование; административно-правовые отношения; административно-правовые нормы; государственная служба; правоохранительная деятельность; правоохранительные органы.

12.00.14 – Административное право; административный процесс

Administrative and legal means of regulation of public service in law enforcement²

R. V. NAGORNYKH – Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the consideration of the nature, content and legal nature of administrative-legal means of regulation of public service in the law enforcement sphere.

The specificity of the mechanism of administrative and legal regulation of public service in the law enforcement sphere consists in the normative consolidation of the

¹ Статья написана на основе материалов диссертации автора на соискание ученой степени доктора юридических наук «Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере», публикуется впервые.

² The article is written on the basis of the author's dissertation for the degree of Dsc. in Law "Administrative and Legal Regulation of the Public Service of the Russian Federation in Law Enforcement", published for the first time.

administrative and legal status of the law enforcement bodies themselves, as well as the administrative and legal status of public servants in the law enforcement sphere, which includes the establishment of rights, duties and responsibilities. In turn the implementation of these statuses is associated with the direct implementation by public servants of law enforcement functions in the field of combating crime, protecting public order, ensuring personal and public safety, implementing decisions on bringing to legal responsibility, as well as internal organizational activities of law enforcement agencies and coordination interaction with other structures of society and the state in solving social problems.

Under the administrative and legal means of regulating public service in the law enforcement sphere, we should understand the totality of universal administrative and legal phenomena: administrative legal norms, law enforcement acts, administrative contracts, legal facts, subjective rights and obligations, participants in official legal relations, methods and techniques of state administrative influence, ensuring the effectiveness of public service in law enforcement.

Key words: administrative and legal regulation; administrative and legal relations; administrative law; public service; law enforcement activities; law enforcement agencies.

12.00.14 – Administrative law; administrative process

Механизм правового регулирования представляет собой совокупность различных правовых средств, организованных наиболее последовательным образом, посредством которых осуществляется результативное нормативно-организационное воздействие на общественные отношения. Структура механизма правового регулирования едина для правового регулирования любого вида и предполагает следующие стадии.

Первая стадия – нормативная правовая регламентация – включает процесс создания и общее действие юридических норм. Вторая стадия – индивидуальная правовая регламентация (правоотношение) – возникает на основе юридического факта. Содержанием ее служат субъективные права и юридические обязанности субъектов – участников регулируемых отношений. Этой стадии нередко предшествует факультативная стадия – применение права, без которой не может возникнуть правоотношение. Третья стадия – реализация субъективных прав и юридических обязанностей. На этой стадии достигаются цели правового регулирования в виде правомерного поведения участников правоотношений. Четвертая стадия наступает только при невыполнении субъектом возложенных на него обязанностей или при совершении правонарушения. На этой стадии возникают правоохранительные правоотношения, необходимые для укрепления законности [4, с. 373].

Административно-правовое регулирование общественных отношений государственной службы в правоохранительной сфере имеет свой элементный состав. Наиболее широко распространен взгляд на административно-правовой механизм регулирования как на совокупность ад-

министративно-правовых средств, путем применения которых обеспечивается регулирование общественных отношений в сфере государственного, а в ряде случаев и негосударственного управления [2, с. 14–16]. В теории административного права к элементам административно-правового механизма обычно относят нормы административного права, административные правоотношения, акты реализации субъективных прав и обязанностей и акты применения административного права, к вспомогательным – все остальные административно-правовые средства (нормативные административно-правовые акты, акты толкования норм административного права, правосознание, юридическую технику и др.) [1, с. 36–38]. А. П. Корнев отмечает, что механизм административно-правового регулирования следует рассматривать именно как «систему административно-правовых средств, которые, воздействуя на общественные отношения, организуют их в соответствии с задачами управления» [3, с. 27].

В основе фактического воплощения в жизнь государственной службы в правоохранительной сфере лежит административно-правовой механизм ее регулирования и реализации, который определяет и нормативно закрепляет организационную структуру, функции, формы, средства и методы административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере.

Таким образом, специфика механизма административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере состоит в нормативном закреплении административно-правового статуса самих правоохранительных органов, а также административно-правового

статуса служащих государственной службы в правоохранительной сфере, включающего в себя установление прав, обязанностей и ответственности. В свою очередь, реализация этих статусов связана с непосредственным осуществлением служащими государственной службы в правоохранительной сфере функций в области борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, обеспечения личной и общественной безопасности, исполнения решений о привлечении к юридической ответственности, а также внутриорганизационной деятельности правоохранительных органов и координации взаимодействия с другими структурами общества и государства в решении социальных задач.

Механизм административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере состоит из ряда элементов, то есть административно-правовых средств. При этом М. Н. Марченко подчеркивает, что под правовыми средствами следует понимать «правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей» [5, с. 359].

Полагаем, что под административно-правовыми средствами регулирования государственной службы в правоохранительной сфере следует понимать совокупность универсальных административно-правовых явлений: административно-правовых норм, правоприменительных актов, административных договоров, юридических фактов, субъективных прав и обязанностей, участников служебных правоотношений, способов и приемов государственного управленческого воздействия, обеспечивающих эффективность государственной службы в правоохранительной сфере.

Рассматриваемые средства характеризуются рядом специфических признаков.

Во-первых, правовые средства регулирования государственной службы в правоохранительной сфере обладают признаком относимости к правовым средствам публично-правового характера, что подчеркивает их административно-правовую природу и предназначение. Благодаря административно-правовым средствам государственные служащие правоохранительных органов имеют возможность позитивной реализации своих субъективных прав и обязанностей. При этом именно в административно-правовой деятельности роль и значение

административно-правовых средств проявляется во всей своей полноте. Особенно ярко рассматриваемые средства реализуются при использовании процедур, связанных с непосредственной организацией и осуществлением правоохранительной деятельности.

Во-вторых, административно-правовая природа средств регулирования государственно-служебных отношений обуславливает наличие соответствующей правовой формы их внешнего выражения: административного законодательства, актов управления, актов правоприменения в области правоохранительной деятельности, кроме того, определенных специальных атрибутов служебной деятельности, а именно: формы служащих, специальных званий, обладания правом хранения, ношения и применения специальных средств и оружия, служебных удостоверений и т. д.

Именно формализация внешнего выражения и действия административно-правовых средств определяет место субъектов в механизме административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере и устанавливает конкретную форму их внешнего выражения.

В-третьих, к важнейшему дополнительному признаку административно-правовых средств в механизме административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере следует отнести и их целевое предназначение, то есть их действие применительно к конкретному виду правоотношений [6, с. 37].

Особое место занимают административно-правовые средства в области обеспечения прохождения службы, своего рода «технологии кадровой работы» (отбор, расстановка, закрепление, перемещение, увольнение кадров); административно-правовых процедур, связанных с оценкой профессионально значимых качеств служащих (служебная аттестация), с обучением и воспитанием служащих (подготовка, переподготовка, повышение квалификации), возникающих в связи с реализацией сотрудниками правоохранительных органов прав и обязанностей, обусловленных их должностными обязанностями в правоприменительной деятельности (например, в связи с принятием управленческих решений при прохождении государственной службы в правоохранительной сфере), а также административно-правовые средства, применяемые при выработке государственной кадровой политики в правоохранительной

сфере и организационно-правовых направлений ее реализации.

В-четвертых, анализируя сущностные характеристики административно-правовых средств в механизме административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере, нельзя оставить без внимания и такой их признак, как универсальность действия. Находя свое воплощение в предметной сфере правоприменения, данные средства используются во всех видах служебных правоотношений, затрагивающих жизненно важные интересы как государства и его органов, так и отдельного сотрудника.

В-пятых, широкий круг субъектов применения административно-правовых средств в механизме регулирования государственной службы в правоохранительной сфере обуславливает наличие особого процессуального (процедурного) характера их реализации. Сущность данных средств, состоящая в их организационно-правовой, а по сути, управленческой, природе подразумевает «управленческий» порядок их использования. Особенность административно-правовых средств состоит как раз в том, что они являются способами реализации административно-правового отношения государственной службы в правоохранительной сфере.

В широком смысле, с учетом не только специально-юридического воздействия административно-правовых норм права, но и их информационно-психологического, воспитательного, социального и иного влияния на государственно-служебные отношения в правоохранительной сфере, механизм административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере может рассматриваться как совокупность разнообразных регулирующих административно-правовых средств, не только административно-правовых норм, правоприменительных актов, административных договоров, юридических фактов, субъективных прав и обязанностей участников административно-правовых отношений, способов и приемов государственного управленческого воздействия, но и актов официального толкования права, правосознания и правовой культуры, правовой идеологии, режима законности и других, посредством которых обеспечивается административно-правовое воздействие на общественные отношения в рассматриваемой области.

Таким образом, исходя из анализа функциональной среды государственной службы

в правоохранительной сфере возможно выделить четыре основные группы общественных отношений, для регулирования которых применяются административно-правовые средства, а именно:

1) общественные отношения, связанные с организацией и осуществлением правоохранительной деятельности в области борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности, исполнения административных и уголовных наказаний, а также иных решений судебных и административных органов;

2) общественные отношения, связанные с внутренней организацией правоохранительной деятельности уполномоченными субъектами – служащими государственной службы в правоохранительной сфере;

3) общественные отношения, связанные с непосредственной организацией прохождения службы служащими государственной службы в правоохранительной сфере (отбор, расстановка, перемещения, увольнение служащих, их обучение и воспитание, социальная защита);

4) общественные отношения, связанные с организацией и координацией взаимодействия с другими структурами общества и государства в решении социальных задач.

Центральным блоком общественных отношений государственной службы в правоохранительной сфере выступают отношения, возникающие в процессе повседневной исполнительно-распорядительной деятельности служащих государственной службы в правоохранительной сфере по выполнению правоохранительных функций. Эти отношения разнообразны и обладают спецификой, которая в свою очередь определяется спецификой самой правоохранительной деятельности.

Организация служебной деятельности служащих государственной службы в правоохранительной сфере по выполнению правоохранительных функций регулируется нормами административного права и иными административно-правовыми средствами. При этом главной особенностью их применения является обеспечение организационно-правовых условий для применения норм иных отраслей права, прежде всего уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, а также норм, регулирующих оперативно-розыскную деятельность. Для данного сегмента законодательства административно-правовые средства выступают в качестве своеобразного организационного базиса, поскольку именно административно-правовые средства

определяют полномочия субъектов правоохранительной деятельности, устанавливают административные правила, регламенты и режимы реализации этих полномочий.

Кроме того, административно-правовые нормы и иные административно-правовые средства непосредственно регулируют правоохранительную деятельность в области профилактики и пресечения правонарушений, административно-процессуального обеспечения по делам об административных правонарушениях, привлечения к административной ответственности, правосоставления.

Не менее важны административно-правовые средства и во внутриорганизационной сфере государственной правоохранительной службы. Вся внутриорганизационная деятельность правоохранительных органов

осуществляется их служащими на основе административно-правового регулирования и реализуется путем применения названных административно-правовых средств.

Таким образом, в зависимости от формы правовой деятельности государства административно-правовые средства возможно разделить на две большие группы, а именно: правотворческие и правореализующие, включая правоприменительные. Такое понимание позволяет выделить в структуре механизма административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере две важнейшие подсистемы – подсистему административно-правовых средств в области организации государственной службы в правоохранительной сфере и, соответственно, подсистему ее реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дихтиевский, П. В. Административно-правовое принуждение в механизме обеспечения личной безопасности : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / П. В. Дихтиевский. – Москва, 2004. – 62 с.
2. Козлов, Ю. М. Основы советского административного права / Ю. М. Козлов. – Москва : Знание, 1979. – 208 с.
3. Корнев, А. П. Административное право России : учебник : в 3 частях. Часть 1 / А. П. Корнев. – Москва : Щит-М, 1999. – 280 с. – ISBN 059300453-2.
4. Морозова, Л. А. Теория государства и права / Л. А. Морозова. – Москва : ЭКСМО, 2011. – 510 с. – ISBN 978-5-699-40069-0.
5. Проблемы теории государства и права : учебное пособие / под редакцией М. Н. Марченко. – Москва : Норма : НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 672 с. – ISBN 978-5-91768-467-3.
6. Стариков, Ю. М. Реформа административно-правового регулирования: «идеология», проблемы и будущее / Ю. М. Стариков // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы / ответственные редакторы Л. Л. Попов и М. С. Студеникина. – Москва : Юрист, 2004. – С. 38–40. – ISBN 5797507013.

REFERENCES

1. Dihtievskij P. V. *Administrativno-pravovoe prinuzhdenie v mekhanizme obespecheniya lichnoj bezopasnosti. Avtoref. diss. dokt. jurid. nauk* [Administrative enforcement in the mechanism of personal security. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Moscow, 2004. 62 p. (In Russ.).
2. Kozlov YU. M. *Osnovy sovetskogo administrativnogo prava* [Fundamentals of Soviet Administrative Law]. Moscow, 1979. 208 p. (In Russ.).
3. Korenev A. P. *Administrativnoe pravo Rossii v 3 chastyah. CHast' 1* [Administrative law of Russia in 3 parts. Part 1]. Moscow, 1999. 280 p. (In Russ.).
4. Morozova L. A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Rights]. Moscow, 2011. 510 p. (In Russ.).
5. Marchenko M. N. (red.) *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the theory of state and rights]. Moscow, 2014. 672 p. (In Russ.).
6. Starikov YU. M. *Reforma administrativno-pravovogo regulirovaniya: «ideologiya», problemy i budushchee* [Reform of administrative regulation: «ideology», problems and future]. *Administrativnoe pravo i administrativnyj process: aktual'nye problemy* [Administrative law and administrative process: current issues]. Moscow, 2004, pp. 38–40. (In Russ.).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10018

УДК 159.9

Особенности проявления толерантности у занятых в различных сферах профессиональной деятельности сотрудников федеральных служб, подведомственных Министерству юстиции Российской Федерации

В. Е. ЛАПШИН – профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент;

Е. А. ВИНАРЧИК – доцент кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, кандидат психологических наук

Реферат

Толерантность – это отсутствие негативной реакции индивида во всех тех случаях, когда она возможна и ожидаема внешним наблюдателем. Проблема толерантности – это проблема сдерживания индивидом своей негативности в оценке, отношении, побуждении. Главное здесь – перестать воспринимать различие как недостаток. За основу эмпирического исследования была принята характеристика различий между толерантной и интолерантной личностями, предложенная Г. В. Безюлевой, С. К. Бондыревой и Г. М. Шеламовой. Целью исследования было изучение психологических особенностей толерантности занятых в различных сферах профессиональной деятельности сотрудников подведомственных Министерству юстиции Российской Федерации федеральных служб.

Результаты исследования могут быть использованы психологами в практической работе, послужить основанием для формирования нового подхода к комплексному изучению толерантных черт личности при профотборе сотрудников, а также разработки практических рекомендаций психологам по профилактике интолерантности сотрудников.

Сравнительный анализ результатов проведенного исследования позволяет утверждать, что судебные приставы являются более общительными, им свойственна социальная предприимчивость, их манера общения носит активный характер, а не сводится к пассивному сопереживанию, судебные приставы более терпимы к чужим убеждениям и ценностям, даже если последние отличны и противоположны их собственным. При этом представители рассматриваемой профессиональной группы стремятся переделать, перевоспитать своего собеседника, хотят подогнать его под себя, сделать удобным. Сотрудники же отдела режима и надзора, напротив, в ситуации общения предпочитают оставаться незаметными, скептически относятся к намерениям окружающих, не в полной мере осознают свои чувства и желания, склонны обвинять окружающих. Таким образом, исследование показало, что более толерантны судебные приставы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : толерантность; общение; эмпатия; личность; собеседник.

19.00.06 – Юридическая психология

Features of manifestation of tolerance of employees in various areas of professional in federal services subordinate Ministry of Justice of the Russian Federation

V. E. LAPSHIN – Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, PhD. in Law, Associate Professor;

E. A. VINARCHIK – Associate Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, PhD. in Psychology

Abstract

Tolerance is the absence of a negative reaction of an individual in all those cases when it is possible and expected by an external observer. The problem of tolerance is the problem of the individual restraining the negativity in evaluation, in relation, in motivation. The main thing here is to stop perceiving the difference as a disadvantage. The basis of the empirical research was adopted the characteristic differences between tolerant and intolerant individuals, proposed in G.V. Beaulieu, S.K. Bondareva and G.M. Shelamova. The aim of the study was to study the psychological characteristics of tolerance of employees of subsidiary Federal services of the Ministry of Justice of the Russian Federation employed in various spheres of professional activity.

The results of the study can be used by psychologists in practical work. On its basis an approach to a comprehensive study of tolerant personality traits in professional selection and employees can be formed; practical recommendations could be developed by psychologists of subsidiary Federal services of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the prevention of employee intolerance.

Based on the results of the study and their comparative analysis it is possible to argue that bailiffs are more sociable, they are characterized by social enterprise, the manner of communication is active, and not reduced to passive empathy, more tolerant of other people's beliefs and values, even if they are different and opposite to their own opinion, however, they tend to strive to remake, re-educate their interlocutor, they want to fit people for themselves, make them comfortable. Employees of the guard and escort Department, on the contrary, in a situation of communication prefer to remain invisible, skeptical of the intentions of others, lack understanding of their feelings and desires, tend to blame others. Bailiffs proved to be more tolerant.

Key words: tolerance; communication; empathy; personality; interlocutor.

19.00.06 – Legal psychology

В последние десятилетия обострилась проблема сохранения толерантности и повышения ее уровня в условиях нестабильных межэтнических отношений, увеличения случаев расизма, роста числа антропогенных катастроф, тяжких преступлений, связанных с насилием против личности, появления очагов социально-политической напряженности [2, с. 267–269]. Именно принцип толерантности признается в настоящее время нормой цивилизованного компромисса, взаимодействия разных людей с разными вкусами, взглядами, ценностями. Толерантность, безусловно, является основой демократии и прав человека. Принимая во внимание тот факт, что нетерпимость общества – это слагаемое нетерпимости его граждан, становится очевидной акту-

альность проблемы профилактики интолерантности сотрудников подведомственных Министерству юстиции Российской Федерации федеральных служб (Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной службы судебных приставов), так как именно они являются представителями власти и правопорядка, вступающими в непосредственное взаимодействие с гражданами.

Профессии и специальности в подразделениях ФСИН России и ФССП России являются социальными, то есть в них преобладают отношения типа «человек – человек», характеризуются тесным контактом с различными категориями людей, многофункциональностью обязанностей, разнообразием социальных отношений. Вся

деятельность сотрудников указанных федеральных служб связана с человеческими отношениями, которые являются основой успешности их профессиональной деятельности [1, с. 239–240]. При этом необходимо учитывать, что одним из главных факторов, обуславливающих специфику деятельности подразделений ФСИН России и ФССП России, является взаимодействие сотрудников в силу своей профессиональной деятельности с наиболее трудным в социальном отношении контингентом, характеризующимся наличием асоциальных установок, неуправляемостью, агрессивностью, скрытым характером преступной деятельности, противоборством и враждебным отношением к представителям власти. Поэтому, на наш взгляд, именно в данном виде деятельности результативность и эффективность профессионального общения во многом зависит от отсутствия недоразумений и недопониманий между собеседниками, чего возможно достичь лишь в случае высокого уровня коммуникативной толерантности сотрудников.

Целью нашего исследования явилось изучение обусловленных спецификой профессиональной деятельности психологических особенностей толерантности сотрудников ФСИН России и ФССП России. При этом мы использовали следующие методики работы:

- Калифорнийский психологический опросник (CPI) Х. Гоух (адаптация Н. Графиной);
- тест коммуникативной толерантности В. В. Бойко;
- метод экспертного оценивания [3].

Исследование проводилось на базе УФСИН России по Владимирской области и УФССП России по Владимирской области, в нем приняли участие 72 чел. (мужчины в возрасте 30–35 лет): 37 сотрудников отдела организации обеспечения установленного порядка деятельности судов (судебные приставы) УФССП России по Владимирской области и 35 сотрудников отдела режима и надзора УФСИН России по Владимирской области.

С использованием Калифорнийского психологического опросника было проведено тестирование с целью выявления параметров толерантности по четырем шкалам методики: «Общительность», «Эмпатия», «Социализация», «Толерантность». Процедура группового предъявления теста осложнений не имела.

В его ходе были получены следующие результаты:

1. Показатели по шкале «Общительность». В выборке судебных приставов в 55 % случаев результаты превышают среднее значение нормы, у 10 % испытуемых имеют средние значения, у 35 % – значения ниже среднего.

В выборке сотрудников отдела режима и надзора показатели выше среднего уровня имеют 45 % опрошенных, среднее значение у 5 %, и ниже среднего значения у 50 %.

Согласно интерпретации, предложенной Х. Гоух, люди, имеющие высокие показатели по шкале «Общительность», охотно вступают в контакты, любят находиться в центре внимания, общительны, открыты. Для них характерны социальная предприимчивость, инициативность, чувство юмора. Они успешны в видах деятельности, связанных с активным взаимодействием с людьми. Напротив, низкие значения свойственны робким, застенчивым, неуверенным в себе людям. В ситуации общения они предпочитают оставаться незаметными.

2. Показатели по шкале «Эмпатия».

В выборке судебных приставов выявлено 35 % испытуемых с высокими показателями, 20 % – со средними показателями, 45 % имеют показатели ниже среднего уровня.

В выборке сотрудников отдела режима и надзора 25 % опрошенных получили оценки выше средней, 5 % – средние, 70 % – ниже средней.

Согласно интерпретации автора методики, лица с высокими значениями по шкале «Эмпатия» обладают позитивным самовосприятием, чувствительны к нюансам взаимоотношений (деликатны), понимают чувства других, оптимистично смотрят на вещи. Они отзывчивы, их легко принимают окружающие. При этом их манера общения носит активный характер, а не сводится к пассивному сопереживанию. Те, у кого отмечаются низкие показатели по этой шкале, как правило, не способны к сопереживанию, скептически относятся к намерениям окружающих, плохо понимают свои чувства и желания, их круг интересов сужен.

3. Показатели по шкале «Социализация».

В выборке судебных приставов 40 % опрошенных имеют результат выше среднего значения, 5 % – средний, и 40 % получили оценку ниже средней. Необходимо выделить отдельно 15 % от общего количества опрошенных данной выборки, получивших сверхвысокие показатели. Такие результаты могут свидетельствовать об излишней при-

дирчивости к окружающим, нетерпимости к чужим недостаткам и слабым сторонам.

В выборке сотрудников отдела режима и надзора 30 % опрошенных имеют результат выше среднего, средних показателей в выборке нет, а результаты ниже среднего значения имеют 70 % сотрудников.

Представленные данные свидетельствуют о том, что лица, имеющие высокие результаты, добросовестны, организованны, легко принимают нормативные правила и подчиняются им, с ними редко происходят разного рода неприятности. Им свойственны сознательность, прямота, честность, верность слову и надежность. В средней зоне располагаются те, кто просто подчиняется правилам, а затем следуют те, кто обычно проявляет своеобразие и непокорность, нечувствительность к чужому мнению и оценке.

4. Показатели по шкале «Толерантность».

В выборке судебных приставов показатели выше среднего значения получили 30 % испытуемых, 25 % имеют средние показатели, 45 % – ниже среднего значения.

В выборке сотрудников отдела режима и надзора результаты выше среднего получили 25 % опрошенных, 10 % имеют средние результаты и 65 % – ниже среднего значения.

Испытуемые, получившие результаты выше средних, терпимы к чужим убеждениям и ценностям, даже если они отличны и противоположны их собственным. Такие люди относительно свободны от конфликтов и психологических проблем, искренни, рассудительны и тактичны. Им свойственен реализм ожиданий, интеллигентность и интерес к познавательной деятельности. Те же, у кого значения по шкале «Толерантность» ниже нормы, как правило, малотерпимы, недоверчивы, склонны во всем обвинять окружающих (экстрапунитивны), часто испытывают враждебные мстительные чувства.

Таким образом, описанные выше черты личности, измеренные с помощью Калифорнийского психологического опросника, хорошо соотносятся с теми характеристиками толерантной личности, речь о которых шла ранее.

Методика В. В. Бойко применялась для выявления уровня общей коммуникативной толерантности сотрудников. Работа по указанной методике проводилась в группах по 5–12 чел. Затруднений у испытуемых не возникло.

В результате проведенного исследования были получены данные об уровне общей

коммуникативной толерантности испытуемых в двух выборках.

В выборке судебных приставов среднегрупповой показатель уровня общей коммуникативной толерантности равен 36 баллам, что соответствует значению ниже возможного среднего (максимальный балл по тесту – 135, причем чем ниже результат, тем выше уровень толерантности).

Наибольшее значение в данной выборке соответствует 6 компоненту (6,2 балла – повышена интолерантность). Такой показатель указывает на то, что испытуемые предпочитают подогнать участников коммуникации под себя, делать их удобными.

Наименьшее значение (2,3 балла) соответствует 8 компоненту установки и указывает на то, что испытуемые проявляют высокий уровень терпимости к физическому или психическому дискомфорту, в котором оказался собеседник.

В выборке сотрудников отдела режима и надзора среднегрупповой показатель уровня общей коммуникативной толерантности равен 44 баллам, что соответствует значению ниже возможного среднего.

Наибольшее значение в данной выборке соответствует 3 компоненту (7,8 балла) и указывает на категоричность или консерватизм в оценках людей.

Наименьшие показатели получены по компоненту 8, что указывает на терпимость сотрудников к физическому или психическому дискомфорту, в котором оказался собеседник.

Было проведено экспертное оценивание наличия и степени выраженности толерантных черт личности испытуемых в двух выборках с привлечением шести экспертов для оценки каждой из них (три эксперта для каждой выборки). Оценивание проводилось при помощи специально разработанной анкеты, включавшей список из 18 толерантных черт личности. Наличие и степень выраженности каждой из перечисленных черт оценивались экспертами по четырехбалльной шкале. Затруднений при работе с анкетой не возникало.

В результате экспертной оценки двух выборок были подсчитаны индивидуальные результаты. Анализ результатов выявил:

– в выборке судебных приставов среднегрупповой балл экспертной оценки равен 55. Это результат выше среднего, поэтому позволяет говорить о достаточно высокой выраженности толерантных черт у испытуемых. Наибольший результат получен группой по черте «Любознательность»

(3,7 балла) и «Ответственность» (3,6 балла), наименьший – «Альтруизм» и «Умение сохранять спокойствие»;

– в выборке сотрудников отдела режима и надзора среднегрупповая оценка равна 52 баллам, что является показателем выраженности толерантных черт на уровне выше среднего. Наивысшую оценку экспертов получила черта «Умение сохранять спокойствие» (3,9 балла). Низшие оценки получены испытуемыми по чертам «Чуткость» (1,4 балла), «Способность к сопереживанию» (1,5 балла), «Терпимость к людям другой национальности» (1,4 балла).

Сравнительный анализ осуществлялся путем сопоставления среднегрупповых результатов отдельно по каждой методике. Описание выявленных в ходе анализа различий выполнено в соответствии с описанными выше этапами исследования.

Для сравнения среднегрупповых результатов по Калифорнийскому психологическому опроснику индивидуальные показатели были дифференцированы по степени выраженности:

– показатели по шкале «Общительность» имеют несущественное различие (24 против 22), однако судебные приставы на основании этого выступают более общительными;

– показатели по шкале «Эмпатия» в выборке судебных приставов также имеют несущественный перевес (18 против 20), и все же это дает основания предполагать, что способность судебных приставов к эмпатии развита сильнее;

– показатели по шкале «Социализация» снова имеют перевес в выборке судебных приставов (33 против 30), это говорит об их большей приверженности общепринятым нормам и дисциплинированности;

– показатели по шкале «Толерантность» в выборке судебных приставов равны 20 баллам, в выборке сотрудников отдела режима и надзора – 17 баллам. Таким образом, испытуемые первой выборки более терпимы.

Оценка статистической значимости различий между группами по перечисленным показателям дала следующие результаты.

Различия по шкале «Общительность» можно считать статистически значимыми при $p \leq 0,01$, то есть можно утверждать, что судебные приставы более общительны по сравнению с сотрудниками отдела режима и надзора.

Различия по шкале «Эмпатия» можно считать статистически значимыми при $p \leq 0,01$, таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что способность

к эмпатии у судебных приставов развита больше.

Различия по шкале «Социализация» можно считать значимыми при $p \leq 0,01$, поэтому есть возможность утверждать, что судебные приставы, составляющие выборку, более дисциплинированы, привыкли следовать установленным правилам. Однако слишком высокие показатели по этой шкале нельзя рассматривать в качестве доказательства большей толерантности.

Различия по шкале «Толерантность» подтверждаются при $p \leq 0,01$, поэтому в данном случае гипотеза о существовании различий между двумя группами принимается.

Таким образом, полученные данные подтверждают выдвинутую ранее гипотезу.

Сравнение двух выборок на основе средних результатов по тесту в целом позволило сделать вывод о том, что уровень общей коммуникативной толерантности выше в группе судебных приставов. Средний результат данной выборки равен 36 баллам. В выборке сотрудников отдела режима и надзора средний балл по тесту равен 44, что является меньшим показателем уровня толерантности (согласно правилам обработки результатов по методике).

На основе представленных вычислений можно считать полученные различия между выборками значимыми при $p \leq 0,01$, то есть уровень общей коммуникативной толерантности судебных приставов выше, чем у сотрудников отдела режима и надзора. Приведенное обстоятельство позволяет говорить о том, что судебные приставы реже, чем сотрудники отдела режима и надзора испытывают негативные эмоции по поводу различий между подструктурами своей личности и личности партнера по общению.

Особый интерес в рамках исследования представляет сравнение двух выборок по каждому из девяти поведенческих признаков, так как эта процедура позволяет выявить различия уровней толерантности испытуемых по различным аспектам межличностных отношений.

Сравнение двух выборок по наличию и степени выраженности толерантных черт личности проводилось путем сопоставления их среднегрупповых суммарных баллов по анкете в целом.

В ходе количественного анализа более высокий результат был выявлен в выборке судебных приставов (55 баллов против 52). Для оценки уровня значимости выявленных различий был применен метод статистической обработки данных. В итоге была

подтверждена гипотеза о наличии статистически значимых различий в показателях толерантности у двух выборок при $p \leq 0,01$.

Для качественного анализа были сопоставлены среднегрупповые баллы по каждой черте в отдельности путем сравнительного анализа таблиц индивидуальных результатов экспертной оценки.

По итогам проведенного исследования можно утверждать, что судебные приставы являются более общительными: охотно вступают в контакты, любят находиться среди людей, открыты. Для них характерны социальная предприимчивость, инициативность, наличие чувства юмора. Они успешны в видах деятельности, связанных с активным взаимодействием с людьми. Сотрудники отдела режима и надзора, напротив, в ситуации общения предпочитают оставаться незаметными.

Способность судебных приставов к эмпатии развита сильнее, что выражается в их чувствительности к нюансам взаимоотношений, понимании чувств других, оптимистичном взгляде на вещи. Они отзывчивы, их легко принимают окружающие. При этом манера общения судебных приставов носит активный характер, а не сводится к пассивному сопереживанию. У сотрудников отдела режима и надзора выявлены более низкие показатели по исследуемой шкале, что может быть свидетельством их меньшей способности к сопереживанию, скептического отношения к намерениям окружающих, недостаточного понимания своих чувств и желаний, суженного круга интересов.

Кроме того, результаты исследования свидетельствуют о более высокой социализации судебных приставов, их большей приверженности общепринятым нормам и дисциплинированности. Однако здесь необходимо иметь в виду, что слишком высокие показатели по шкале «Социализация» могут говорить об излишней придирчивости к окружающим, нетерпимости к чужим недостаткам и слабым сторонам (напомним, что 40 % испытуемых в выборке судебных приставов получили результаты выше средних). Данные качества являются характерными для интолерантных личностей.

Испытуемые первой выборки показали себя в исследовании более терпимыми к чужим убеждениям и ценностям, даже отличным и противоположным их собственным. Они относительно свободны от конфликтов и психологических проблем, искренни, рассудительны и тактичны. Им свойственен реализм ожиданий, интеллигентность и ин-

терес к познавательной деятельности. Сотрудники отдела режима и надзора менее терпимы, недоверчивы, склонны во всем обвинять окружающих (экстрапунитивны), часто испытывают враждебные мстительные чувства.

Дополнительный сравнительный анализ, проведенный на основе сопоставления количественных показателей результатов двух выборок по методике В. В. Бойко, позволил сделать следующие выводы:

- у судебных приставов выше развита способность понимать и принимать индивидуальность других людей, однако они чаще, чем сотрудники отдела режима и надзора, стремятся переделать, перевоспитать своего партнера, хотят подогнать его под себя, сделать удобным;

- сотрудники отдела режима и надзора чаще, чем судебные приставы, оценивая поведение, образ мыслей или отдельные характеристики людей, рассматривают себя в качестве эталона. Кроме того, они гораздо более категоричны и консервативны в оценках людей, в частности современной молодежи, новых русских, представителей некоторых национальностей, сотрудников с низким профессиональным уровнем. Кроме того, сотрудники отдела режима и надзора менее, чем судебные приставы, способны скрывать или хотя бы сглаживать неприятные чувства, возникающие при столкновении с некоммуникабельными партнерами;

- в умении прощать партнеру его ошибки, неловкость существенных различий между показателями двух выборок не обнаружено;

- сотрудники отдела режима и надзора более нетерпимы к физическому или психическому дискомфорту, в котором оказался собеседник. Это означает, в частности, что они осуждают людей, которые плачутся в чужую жилетку, внутренне не одобряют коллег, рассказывающих о своих болезнях, стараются уходить от разговора, когда кто-нибудь начинает жаловаться на свою семейную жизнь, без особого внимания выслушивают исповеди друзей, а иногда им нравится осознанно провоцировать агрессию родных или друзей;

- и, наконец, выявлена более высокая способность судебных приставов приспосабливаться к характерам, привычкам, установкам и притязаниям других людей.

Результаты экспертного оценивания были проинтерпретированы следующим образом:

– в сравнении с судебными приставами сотрудники отдела режима и надзора оказались более терпимыми, у них гораздо выше развита способность сохранять спокойствие, умение слушать собеседника, они более альтруистичны, в меньшей степени склонны осуждать других;

– судебные приставы в сравнении с сотрудниками отдела режима и надзора отличаются большим чувством юмора, более расположены к другим, более чуткие, тактичные, больше доверяют людям, способны к сопереживанию, самокритике, более любознательны, более терпимы к людям другой национальности;

– наряду с этим можно выделить те черты толерантной личности, степень выраженности которых в двух выборках является приблизительно равной. Это уважение прав других, тактичность, доброжелательность, ответственность, способность к сотрудничеству.

Выявленные различия в параметрах толерантности позволяют говорить о том, что специфика профессиональной деятельности является важным фактором, который изменяет личность и снижает уровень толерантности. Жесткие реалии заставляют сотрудников отдела режима и надзора постоянно находиться в состоянии напряжения, страха, недоверия. В результате изменяются базовые структуры личности, ценностные системы, отношение к другим людям.

Результаты проведенного нами исследования могут быть использованы психологами в практической работе. На их основе может быть сформирован новый подход к комплексному исследованию толерантных черт личности при профотборе сотрудников. Кроме того, возможна разработка практических рекомендаций психологам ФСИН России и ФССП России по профилактике интолерантности сотрудников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Асмолов, А. Г.** Толерантность: от утопии к реальности. На пути к толерантному сознанию / А. Г. Асмолов. – Москва : Смысл, 2000. – 255 с. – ISBN 5-89357-085-5.
2. **Безносков, С. П.** Теоретические основы изучения профессиональной деформации личности / С. П. Безносков. – Санкт-Петербург : Речь, 2004. – 272 с. – ISBN 5-9268-0258-X.
3. **Столяренко, Л. Д.** Основы психологии : практикум / Л. Д. Столяренко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2016. – 426 с. – ISBN 978-5-222-25459-2.

REFERENCES

1. Asmolov A. G. *Tolerantnost': ot utopii k real'nosti. Na puti k tolerantnomu soznaniyu* [Tolerance: from utopia to reality. Towards a Tolerant Consciousness]. Moscow, 2000. 255 p. (In Russ.).
2. Beznosov S. P. *Teoreticheskie osnovy izucheniya professional'noj deformacii lichnosti* [Theoretical foundations of the study of professional personality deformation]. St. Petersburg, 2004. 272 p. (In Russ.).
3. Stolyarenko L. D. *Osnovy psihologii* [Fundamentals of Psychology]. Rostov-on-Don, 2016. 426 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10019

УДК 159.942.5:343.13

К вопросу об особенностях эмоциональных состояний лиц, находящихся под следствием

С. В. МАРИШИН – начальник кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

Реферат

В статье представлены результаты проведенного на базе ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Вологодской области исследования особенностей эмоциональных состояний лиц, находящихся под следствием, совершивших корыстные и насильственные преступления. Авторами использовались методики: «Личностный опросник агрессивности Басса – Дарки», «Диагностика тревожности и депрессии (ТиД)» Ю. Л. Ханина, «Экспресс-диагностика личностной склонности к сниженному настроению» В. В. Бойко.

Отмечено, что у лиц, находящихся в следственном изоляторе за совершение насильственных преступлений, уровень агрессивности выше нормы, более ярко проявляется враждебность. Количество испытуемых с высоким уровнем тревожности многократно превышает количество респондентов с аналогичными показателями в другой группе. Около половины подсудимых из первой группы показали высокий уровень депрессии, кроме того, лиц с пониженным настроением среди них выявлено вдвое больше, чем во второй экспериментальной группе. У респондентов, совершивших корыстные преступления, уровень агрессивности находится в пределах нормы, враждебность, проявляющаяся в виде подозрительности и обиды, отсутствует, отмечается низкий уровень депрессии.

Ключевые слова: эмоции; эмоциональная сфера; эмоциональные состояния; агрессивность; враждебность; тревожность; депрессивность; настроение.

19.00.06 – Юридическая психология

Features of emotional states of the persons under investigation

S. V. MARISHIN – Head of the Department of Organization of Psychological Service in the Penal System of the Psychological Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology

Abstract

The article presents the results of a study conducted on the basis of Pre-Trial Detention Centre-3 of the Federal Penal Service of Russia in the Vologda region to study the characteristics of the emotional states of persons under investigation who have committed self-serving and violent crimes. The author used the following methods: "Buss - Durkee Hostility Inventory", "Diagnosis of Anxiety and Depression" by Yu. L. Khanin, "Express Diagnostics of a Personal Tendency to a Decreased Mood" by V. V. Boyko.

It is noted that among persons in the pre-trial detention center for committing violent crimes, the level of aggressiveness is above the norm, hostility is more pronounced. The number of subjects with a high level of anxiety is many times greater than the number of respondents with similar indicators in another group. About half of the persons under investigation from the first group showed a high level of depression, in addition, twice as many persons with a low mood were identified as in the second experimental group. For respondents who committed self-serving crimes, the level of aggressiveness is within normal limits, hostility, manifested in the form of suspicion and resentment is absent, and a low level of depression.

Key words: emotions; emotional sphere; emotional states; aggressiveness; hostility; anxiety; depression mood.

19.00.06 – Legal psychology

Эмоциональную сферу образует группа психических явлений, охватывающих как простые влечения, так и более сложные формы эмоциональных проявлений. Она способствует активации, побуждению и аффективной оценке действительности, осуществляя организацию целостных форм поведения, разрешающих задачи адаптации. Эмоции (от лат. *emovere* – возбуждать, волновать) – состояния, связанные с оценкой значимости для индивида действующих на него факторов. Выражение эмоций происходит в форме переживаний, связанных с удовлетворением или неудовлетворением являющихся актуальными потребностей [6].

А. Н. Леонтьев считает, что эмоции выступают своего рода внутренним языком, системой сигналов, посредством которых субъект узнает о реализации потребностей. Сущность эмоций состоит в том, что они непосредственно отражают взаимосвязь между деятельностью и ее мотивами. Эмоции являются внутренним регулятором деятельности [1].

Любое действие, которое человек осуществляет усилием воли, преодолевая препятствия внутреннего и внешнего характера, обязательно сопровождается проявлением эмоций. Это утверждение справедливо применительно к совершению противоправных

действий: здесь всегда имеет место преодоление внешних (нормы закона) и почти всегда внутренних (собственные убеждения и принципы) препятствий. Как правило, каждое преступление сопровождается эмоционально окрашенными переживаниями и жертвы, и лица, совершающего его.

Всякая, даже несложная эмоциональная реакция человека представляет собой комплексный, целостный, неизолированный акт. Иными словами, во всех случаях, когда человек переживает негодование или смущение, тревогу или радость, восторженность или гнев, он проявляет себя как личность. Поэтому, какие бы условия и детерминанты ни определяли внутренне жизнь и деятельность человека, психологически эффективными они становятся лишь в том случае, если проникают в эмоциональную сферу, преломляются и закрепляются в ней. Формируя в человеке пристрастность, без которой невозможно ни одно активное его действие, эмоции со всей очевидностью обнаруживают себя в профессиональной деятельности и семье, в искусстве и познании, в клинике и педагогике, в творчестве и душевных кризисах человека. Они оказывают свое влияние и на поведение людей при совершении преступлений.

Одной из подструктур делинквентного поведения личности являются правонарушения, совершенные под действием эмоциональных состояний, таких как гипертимность, эмоциональная неустойчивость, повышенная ригидность, агрессивность, реактивная и личностная тревожность, переходящее ситуационное расстройство психозомоциональной сферы, страхи различной природы, депрессивные проявления, повышенное психозомоциональное возбуждение, аффективные переживания, неустойчивое настроение, состояние повышенного эмоционального напряжения, вспыльчивость.

Каждому преступлению присуща определенная характеристика. Корыстные преступления включают посягательства на чужую собственность, совершаемые путем краж, грабежей, разбоя, мошенничества, вымогательств. В их структуре лидирующее положение принадлежит кражам. Кражи опасны не только большой распространенностью, но и своей сопряженностью с другими, более тяжкими преступлениями, такими как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, а иногда и умышленное убийство. Необходимо отметить, что большое число краж совершается при обстоятельствах, являющихся отягчающими.

Второе после краж место в структуре преступлений против собственности занимает грабеж. Грабеж, как правило, совершается группой лиц. Состав такой группы может быть образован как рецидивистами, так и несовершеннолетними.

Разбой является наиболее опасным преступлением, так как направлен как против собственности, так и против личности. Разбои и грабежи чаще всего совершают лица, не имеющие постоянных источников дохода либо обладающие опытом преступной деятельности.

Значительной стала доля преступлений, которую образуют мошенничество и вымогательство.

Насильственные преступления – преступления, совершаемые посредством применения физической силы либо с угрозой ее применения. Основная цель при этом – лишить жизни человека либо причинить вред его здоровью, лишить свободы, нарушить половую неприкосновенность [5].

Основными признаками данных преступлений являются физическое или психическое насилие над личностью, а также угроза применения насилия. Насилие выступает проявлением и частью мотивации совершения этих преступлений. Насильственные преступления своим объектом имеют человека.

Среди основных психологических особенностей лиц, совершающих насильственные преступления, выделяют нарушение социальной идентификации, эмоциональное обеднение, импульсивность агрессии. Лица, совершившие убийства, телесные повреждения, истязания, изнасилования, хулиганские действия, отличаются стереотипизированностью асоциальных поведенческих навыков, крайней десоциализированностью, часто страдают аддиктивной зависимостью. Высокий уровень агрессивности и враждебности присущ значительной доле преступников несовершеннолетнего возраста [4, с. 61–64].

Агрессивность может быть предметно-недифференцированной (озлобленность, конфликтность характера) и избирательно-предметной (направленность на определенный социальный объект – подчиненного, члена семьи, человека с определенным личностным качеством). Насильственные преступления часто сопряжены с проявлением жестокой агрессивности: жертвам наносятся тяжелые психические и физические травмы. Данный тип агрессивного поведения встречается у лиц с глубокой личност-

ной деформацией, устойчивой установкой на агрессивное поведение, постоянной готовностью наносить ущерб людям, с крайне пониженным социальным самоконтролем личности.

Тип поведения, присущий корыстному преступнику, отличается ситуативной зависимостью, установкой на совершение криминальных действий в каждой ситуации ослабленного социального контроля. Данный преступник – человек нечестный, отвергающий моральные нормы в семье и микросреде, испытывающий нужду и социальное отвержение [7].

При столкновении с проблемой социального отчуждения у человека формируется враждебное отношение к социуму, развивается преимущественная ориентация лишь на внутренние критерии оценки своего поведения. В результате личность оценивает явления и объекты в рамках собственных интересов. Если мотивом мелких хищений может быть нужда, то крупные совершаются под влиянием повышенного уровня притязаний и стремления доминировать.

Помещение лиц, находящихся под следствием за совершение корыстных и насильственных преступлений, в следственный изолятор воздействует на их психику.

Постоянное состояние психологического напряжения у подсудимых могут вызвать прежде всего проведение судебно-следственных действий, беспрекословное выполнение требований администрации, распорядок дня и режим, особенности и трудности быта в камере, непредсказуемость сокамерников, моральные переживания в связи с пребыванием в непривычной социальной среде, новые условия жизнедеятельности, прекращение обычных связей с обществом и семьей, оторванность от родных и друзей.

Известно, что в период адаптации к условиям изоляции уровень эмоциональной впечатлительности является наиболее высоким, по завершении данного этапа он снижается и снова возрастает к концу пребывания в следственном изоляторе. Изучение изменения способа реагирования подсудимых на условия изоляции позволяет психологам выделить сменяющие друг друга фазы: отчаяния, болезненной впечатлительности, апатии и смирения.

Заключенным под стражу свойственны такие психологические состояния, как неопределенность, тревога, ожидание, агрессивность, депрессия, безнадежность, отчаяние, тоска, скука, апатия, пониженное настроение.

Состояние неопределенности важно учитывать прежде всего потому, что оно тяжелее преодолевается подсудимыми, обладающими холерическим и меланхолическим типами темперамента, которые, как правило, желают сами дать правдивые показания. Завершение следствия и суда, направление в колонию такими лицами воспринимается как окончание состояния неопределенности, которое их сильно угнетает. На подсудимых, являющихся флегматиками и сангвиниками, пребывание в следственном изоляторе не оказывает такого сильного угнетающего воздействия: они обычно максимально собраны, спокойны, никакие внешние проявления не свидетельствуют об изменениях в их психическом состоянии.

Все подсудимые испытывают тревогу за свою судьбу. Возникновение тревожного состояния связано с отсутствием или неопределенностью информации о ходе следствия. Такое психическое состояние наблюдается у всех подсудимых, но проявляется с различной остротой, так как переживания носят субъективный характер и зависят от значимости перемен в дальнейшей судьбе. В условиях изоляции тревога переносится людьми особенно тяжело, поскольку напряжены все функции организма.

У подсудимых состояние уверенности и надежды во многом связано с перспективами будущей жизни. Необходимо учитывать еще одну особенность психики многих подсудимых в период проведения расследования, которая заключается в том, что при отсутствии перспектив у них быстро возникает состояние отчаяния и проявляется уверенность в беспечности жизни. В такой ситуации они могут совершать акты аутоагрессии, а также проявлять агрессию в виде убийств или нанесения тяжких телесных повреждений как в отношении лиц, содержащихся с ними в одной камере, так и в отношении сотрудников следственного изолятора. Особенно это характерно для лиц, страдающих различными психическими заболеваниями или совершивших насильственные и корыстные социально значимые преступления в обществе [3].

Необычайно остро вновь прибывшие заключенные в условиях следственного изолятора испытывают состояние тоски, тем более что оно зачастую сопровождается тревогой, ожиданием, неопределенностью, безысходностью. Тоска – отрицательно окрашенная эмоция, тяжелое, гнетущее чувство. Чувствами, близкими тоске, можно считать уныние, грусть, тревогу.

Отличительной особенностью тоски является выраженное снижение настроения и ухудшение общего самочувствия. В более сложных случаях может наблюдаться резко выраженная подавленность, постоянное сосредоточение на чувстве тоски, отсутствие даже кратковременных приятных впечатлений. Тоска по дому, родным, семье, свободе вызывает внутреннее напряжение, раздражительность, специфическую тяжелую походку, возбудимость. Тоска у лиц, содержащихся в следственном изоляторе, возникает из-за однообразия и монотонности жизни в камере, постоянного напряжения, слабого притока информации и адекватных раздражителей, а значит, отсутствия так необходимой в условиях изоляции реакции органов чувств [2].

Психические состояния у подследственных, находящихся в следственном изоляторе, имеют довольно сложную структуру. В определенные промежутки времени у них преобладает какое-то одно, наиболее остро выраженное состояние. Так, в состоянии ожидания может временно появиться тоска, а на фоне тоски – состояние апатии, нетерпения. Большая часть подследственных относится холодно и безучастно к своим родным и близким. Кроме того, они перестают следить за своим внешним видом, крайне неохотно, в большинстве случаев под страхом наказания участвуют в уборке помещения.

Под влиянием перечисленных психологических состояний у подследственных, находящихся в следственном изоляторе, нередко наблюдаются ухудшение памяти, появление безынициативности, снижение способности к сосредоточению внимания на каком-либо виде деятельности, нежелание бороться с негативными последствиями своего существования. Продолжительность следствия способна вызвать у них чувство отчаяния и раздражения – это связано с несбыточностью надежд на прекращение следствия или оправдательный приговор. Крушение такого рода способно вызывать еще более острые переживания, чем в первые дни ареста. В этот период возможно появление аффективных состояний, способствующих осуществлению агрессивных и аутоагрессивных действий.

Проведенное на базе ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Вологодской области эмпирическое исследование эмоциональных состояний подследственных дало следующие результаты.

Использование методики «Личностный опросник агрессивности Басса – Дарки» по-

зволило выяснить уровень агрессивности и враждебности подследственных, совершивших преступления корыстного и насильственного типа. У 52 % подследственных, совершивших преступления насильственного типа, индекс агрессивности выше нормы. Это свидетельствует о том, что данные лица склонны к использованию физической силы против других. Они обладают повышенной раздражительностью, что говорит о готовности к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении. Это проявляется в форме вспыльчивости и грубости. Рассматриваемая категория подследственных выражает негативные чувства как через форму, так и через содержание словесных ответов. У подследственных, совершивших корыстные преступления, уровень проявления агрессивности находится в пределах нормы.

Подавляющее большинство подследственных, совершивших насильственные преступления (76 %), имеют показатели по индексу враждебности выше нормы. Это свидетельствует о том, что они проявляют зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия, обнаруживают подозрительность в диапазоне от недоверия и осторожности по отношению к людям до убеждения в том, что окружающие планируют и приносят вред, в то время как у большинства подследственных, совершивших корыстные преступления (52 %), враждебность в виде подозрительности и обиды отсутствует.

Анализ эмпирических данных, полученных по методике «Диагностика тревожности и депрессии (ТиД)» Ю. Л. Ханина, позволяет отметить, что низкий уровень тревожности выявлен у 88 % подследственных, совершивших корыстные преступления, и у 60 % подследственных, совершивших насильственные преступления. Высокий уровень тревожности выявлен лишь у 8 % подследственных, находящихся в следственном изоляторе за совершение корыстных преступлений, в то время как среди подследственных, обвиняемых в совершении насильственных преступлений, данным уровнем обладают 36 % испытуемых.

Из приведенных выше данных следует, что у 8 % испытуемых, совершивших корыстные преступления, и 36 % испытуемых, совершивших насильственные преступления, пограничное состояние тревожности проявляется в снижении порога возбуждения по отношению к различным стимулам, нерешительности, нетерпеливости, непоследовательности действий.

Анализируя результаты эмпирического исследования, свидетельствующие об уровне депрессивности, мы можем констатировать, что среди подследственных, совершивших корыстные преступления, преобладающее количество испытуемых (92 %) имеют низкий уровень депрессии. Такой же уровень выявлен у 52 % подследственных, совершивших насильственные преступления. Высокий уровень депрессивности диагностирован лишь у 4 % респондентов из группы корыстных преступников и 44 % респондентов, входящих в группу насильственных преступников.

Высокий уровень депрессии говорит о выраженной психической напряженности. Депрессия проявляется у данных лиц в невротических реакциях – снижении жизненного тонуса и энергии, фона настроения, сужении и ограничении контактов с окружающими, появлении чувства безрадостности и одиночества, негативного настроения.

Следовательно, у подследственных, совершивших насильственные преступления, в большей степени выражены тревожность, депрессия по сравнению с подследственными, совершившими корыстные преступления.

Исследование по методике «Экспресс-диагностика личностной склонности к снижению настроению» (В. В. Бойко) позволило получить следующие результаты.

У респондентов, находящихся в следственном изоляторе за совершение корыстных преступлений, выявлена дистимия в 12 % случаев, тогда как у респондентов,

находящихся в следственном изоляторе за совершение насильственных преступлений, дистимия выше – 20 %. Дистимия – это состояние, для которого характерно нарушение настроения, характеризующееся подавленностью, унынием, печалью. Показатель пониженного настроения у испытуемых корыстной группы составляет 20 % – это вдвое ниже, чем у испытуемых насильственной группы (40 %).

Проведенный анализ показал, что подследственные, совершившие насильственные преступления, в большей степени склонны к снижению настроению, утрате способности переживать радость. Они более подавлены, испытывают тревогу, тоску и не способны ощущать удовольствие, в отличие от подследственных, совершивших корыстные преступления.

Таким образом, основываясь на результатах проведенного эмпирического исследования, мы пришли к следующему выводу: эмоциональные состояния подследственных, совершивших различные типы преступлений, имеют различия. Наибольшего внимания пенитенциарных психологов при осуществлении психологического сопровождения, на наш взгляд, заслуживают подследственные, совершившие насильственные преступления, так как они обладают более высоким уровнем агрессивности, враждебности, тревожности, депрессивности, а также обнаруживают склонность к пониженному настроению, в отличие от подследственных, совершивших корыстные преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Психология эмоций. Тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – Москва : Изд-во Москов. ун-та, 1984. – 288 с.
2. Данилин, Е. Н. Характеристика личности осужденного (социально-психологический портрет) : учебно-методическое пособие / Е. Н. Данилин, Г. В. Строева, Б. Г. Бовин ; под редакцией О. Г. Ковалева. – Москва : НИИ УИС Минюста России, 2004. – 42 с. – ISBN 59632-0002-4.
3. Деев, В. Г. Основы психологии исполнения уголовных наказаний : учебное пособие / В. Г. Деев, Е. Н. Казакова, И. В. Михалева, А. В. Наприс ; под редакцией Е. Н. Казаковой. – Вологда : ВИПЭ Минюста России, 2001. – 347 с.
4. Маришин, С. В. Психологические особенности несовершеннолетних преступников, влияющие на их ресоциализацию / С. В. Маришин // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 4. – С. 61–64.
5. Мельникова, Э. Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии : учебное пособие. 2-е изд., испр., доп. / Э. Б. Мельникова. – Москва : Дело, 2001. – 272 с. – ISBN 5-7749-0176-9.
6. Психология : словарь / под общей редакцией А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – Москва : Политиздат, 1990. – 494 с. – ISBN 5-250-00364-8.
7. Севрюков, А. П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты / А. П. Севрюков. – Москва : Экзамен, 2004. – 234 с. – ISBN 978-5-94692-784-0.

REFERENCES

1. Vilyunas V. K., Gippenrejtter YU. B. (red.) *Psichologiya emocij. Teksty* [Psychology of emotions. Texts]. Moscow, 1984. 288 p. (In Russ.).
2. Danilin E. N., Stroeve G. V., Bovin B. G. *Harakteristika lichnosti osuzhdennogo (social'no-psihologicheskij portret)* [Characterization of the personality of the convict (socio-psychological portrait)]. Moscow, 2004. 42 p. (In Russ.).
3. Deev V. G., Kazakova E. N., Mihaleva I. V., Napris A. V. *Osnovy psihologii ispolneniya ugolovnyh nakazaniy* [Fundamentals of the Psychology of Criminal Execution]. Vologda, 2001. 347 p. (In Russ.).

4. Marishin S. V. Psihologicheskie osobennosti nesovershennoletnih prestupnikov, vliyayushchie na ih resocializaciyu [Psychological characteristics of juvenile delinquents affecting their re-socialization]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2013, no. 4, pp. 61–64. (In Russ.).
5. Mel'nikova E. B. *YUvenal'naya yusticiya: problemy ugolovnogo prava, ugolovnogo processa i kriminologii* [Juvenile justice: problems of criminal law, criminal procedure and criminology]. Moscow, 2001. 272 p. (In Russ.).
6. Petrovskij A. V., YAroshevskij M. G. (red.) *Psihologiya. Slovar'* [Psychology. Dictionary]. Moscow, 1990. 494 p. (In Russ.).
7. Sevryukov A. P. *Hishchenie imushchestva: kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty* [Theft of property: criminological and criminal law aspects]. Moscow, 2004. 234 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10020

УДК 159.9.072.43

Исследование особенностей личности осужденных, отбывающих наказание за корыстные и насильственные преступления

В. С. ПОНКРАТОВА – преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности в уголовно-исполнительной системе психологического факультета Академии ФСИН России

Реферат

В статье представлены теоретико-эмпирические результаты исследования отбывающих наказания в исправительных учреждениях осужденных за различные виды преступлений, направленного на выявление и формирование наиболее эффективных методов работы, которые позволят практикующим психологам определить актуальные механизмы воздействия на осужденных указанных категорий. Автором была выдвинута гипотеза о наличии трехфакторной структуры психологических защит у осужденных, отбывающих наказание за насильственные преступления, что подтверждается результатами исследования, приведенными в материалах статьи. Затрагиваются вопросы о возможных психокоррекционных мероприятиях, направленных на определение уровня и стабилизацию личностной агрессивности и конфликтности осужденных. Типологии, полученные в результате специально-многомерного статистического анализа, позволяют систематизировать периферические свойства проявлений личностной агрессивности и конфликтности и в полной мере реализовать индивидуальный подход в процессе персонального психокоррекционного взаимодействия с конкретным осужденным либо работы в специально сформированной малой психотерапевтической (психокоррекционной) или тренинговой группе. Использование типологий, представленных в статье, даст возможность поэтапно сформировать программу психокоррекционных мероприятий для осужденных, нацеленную на использование принципа перехода от общих универсальных техник к частным авторским методикам, что позволит практическому психологу индивидуально и эффективно работать с осужденным на каждом этапе его психокоррекции. Приводятся сравнительные данные по различным направлениям исследования личности осужденных, определяется уровень психологических защит у осужденных рассматриваемых категорий.

Ключевые слова: психодинамика; осужденные; насилие; личность; агрессивность; конфликтность; психокоррекция.

19.00.06 – Юридическая психология.

The study of personality traits of convicts serving sentences for mercenary and violent crimes

V. S. PONKRATOVA – Lecturer in the Department of Psychology of Professional Activities in the Penal System of the Psychology Faculty of the Academy of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The article presents the theoretical and empirical results of a study of convicts for various types of crimes serving sentences in correctional institutions in order to identify and formulate the most effective working methods that will allow practicing psychologists to determine the actual mechanisms of influence on convicts of these categories. As part of an empirical study, a hypothesis was put forward on the presence of a three-factor structure of psychological defense for convicts serving sentences for violent crimes, which is confirmed by the results of the study cited in the article. Questions are raised about possible psychocorrectional measures aimed at determining the level and stabilization of the personal aggressiveness and conflict of convicts. Typologies obtained as a result of a special multidimensional statistical analysis make it possible to systematize the peripheral properties of manifestations of personal aggressiveness and conflict and to fully realize an individual approach in the process of personal psychocorrectional interaction with a specific convict or work in a specially formed small psychotherapeutic (psychocorrectional) or training group. Using the typologies presented in the article will make it possible to gradually create a program of psychocorrectional measures for convicts, aimed at using the principle of the transition from general universal techniques to private authors' methods, which will allow a practical psychologist to individually and effectively work with a convict at each stage of his psychocorrection. Comparative data on various areas of the study of the personality of convicts are given, the level of psychological defenses of convicts in the categories under consideration is determined.

Key words: psychodynamics; convicted persons; violence; personality aggressiveness; conflict psychocorrection.

19.00.06 – Legal Psychology.

Статистические данные ФСИН России свидетельствуют о достаточно большом количестве лиц, осужденных за корыстные и насильственные преступления, от общего числа содержащихся в местах лишения свободы. Комплексный подход к анализу определенных личностных качеств и личности осужденного в целом необходим для объяснения причин установления устойчивых криминогенных свойств и выявления первородных основ девиантного поведения, что в свою очередь позволит выявить мотивы преступной деятельности осужденного. Знания в области юридической психологии предоставляют возможность максимально эффективно определить методы и приемы психокоррекционного воздействия на личность осужденных за различные виды преступлений. Для более точного прогнозирования совершения лицом, отбывающим наказание в местах лишения свободы, того или иного преступления необходимо тщательно изучить качества личности, обусловившие неправомерное поведение, отнести осужденного к конкретной категории, типу личности и определить меры реагирования на противоправное деяние. Юридическая психология обуславливает качественную работу по предупреждению и пресечению преступлений, выражающуюся в необходимости разрабатывать и применять эффективные меры воздействия на осужденных различных категорий.

Личность преступника – личность человека, который совершил преступление вслед-

ствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата [1, с. 42].

В рамках эмпирического исследования, направленного на выявление психологических особенностей осужденных за различные виды преступлений, было исследовано 300 чел. мужского пола, отбывающих наказание в местах лишения свободы на базе исправительных учреждений г. Рязани и Рязанской области в период 2016–2018 гг. В ходе работы применялся широкий комплекс методик, предназначенных для всестороннего изучения особенностей личности осужденного. В частности, косвенно был установлен уровень внутриличностного конфликта и выяснена психодинамика личностных расстройств, обусловленных наличием психологических защит, используемых осужденными различных групп в процессе отбывания уголовного наказания; с помощью определенной методики дифференцированно была измерена тревожность не только как свойство личности, но и как состояние, связанное с непосредственно текущей ситуацией (измерение тревожности как свойства личности особенно важно, поскольку оно обуславливает поведение субъекта); проанализирована осмысленность жизни через способности личности, кото-

рые зависят от приобретенного опыта и степени актуальности жизненной ситуации.

Доверие испытуемых диагносту, заинтересованность в выполнении теста непосредственно влияют на результат. В этой связи при проведении исследования важно учитывать личностное отношение осужденного к собственной жизни, совершенному преступлению, базовую человеческую способность справляться с трудными жизненными ситуациями и находиться в экстремальных условиях жизнедеятельности [2, с. 41–42].

Для продуктивной психокоррекции личности человека, отбывающего наказание в местах лишения свободы, необходимо комплексно использовать наиболее эффективные средства, методики, методы и направления воздействия. В рамках проведенного исследования воздействие на осужденных осуществлялось посредством психологического консультирования, психокоррекции, воспитательной работы, психологической профилактики. Эффективность указанных психологических мер в отношении осужденных за корыстные и насильственные преступления обусловлена в том числе и разноплановостью направлений и индивидуальным подходом к исследованию и коррекции личности преступника.

В психокоррекционной работе с осужденными следует учитывать длительность их нахождения в местах лишения свободы, поскольку возможны переоценка ценностей и обострение деструктивных качеств личности. Саморегуляционные процессы личности затрудняются из-за условий отбывания наказания, поскольку постоянный надзор со стороны администрации исправительного учреждения может вызвать вероятность преобладания эмоционально-импульсивного уровня регуляции. Основываясь на существующих подходах, отечественная пенитенциарная психология рассматривает психологическую коррекцию как целенаправленный процесс пересмотра совокупности определенных психологических свойств личности при помощи выработанных методов воздействия, предполагающих устойчивое изменение различных характеристик социального поведения человека.

В отечественной пенитенциарной психологии разработано множество эффективных психокоррекционных методик. При этом, на наш взгляд, нельзя обходить вниманием психокоррекционную работу с сотрудниками исправительных учреждений, которая возможна посредством оптимизации со-

циальных восприятий личности в целом и в определенном коллективе и способствовала бы снижению уровня агрессии в исправительных учреждениях [2, с. 42].

В рамках психокоррекционной работы в местах лишения свободы на уровень агрессивности и конфликтности осужденных можно оказать влияние как через проведение коллективных мероприятий (например, по повышению уровня адаптации, и тогда эта работа основывается больше на информировании и предупреждении о возможных последствиях проявления агрессивности и конфликтности), так и через индивидуальные беседы (тренировка и развитие навыков бесконфликтного взаимодействия в социуме, актуализация необходимости соблюдения общественных норм и правил, развитие навыков контроля собственной агрессивности).

Методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильина и П. А. Ковалева), которая использовалась в рамках исследования, позволила определить позитивную агрессивность, негативную агрессивность, обобщенный показатель конфликтности осужденных. Среди методов обработки результатов эмпирического исследования необходимо обратить внимание на многомерный анализ данных, на основе которого построены психодинамические типологии личностной агрессивности и конфликтности в изучаемых группах испытуемых – осужденных за корыстные и насильственные преступления.

Поведение испытуемых в указанных группах согласуется с внутренней структурой представленных типологий, что подтверждается применением методов качественного анализа данных. Кроме того, оно является обоснованием представленных типологий и возможности их использования как в практических разработках в области психологии, так и в фундаментальных научно-теоретических исследованиях.

Практическая значимость исследования заключается в том, что на основе теоретико-эмпирических выводов и статистических данных возможно сделать вероятностные прогнозы выбора психотерапевтических методов работы с категориями осужденных, различающимися по психодинамическому типу личности и поведению внутри однородной группы преступлений.

Более выраженный аффективный характер лиц, осужденных за насильственные преступления, проявляется в том, что сформировавшийся комплекс деструктивных

свойств, в частности агрессивности и конфликтности, приводит к выбросу экспрессивных реакций на реальную или мнимую угрозу физического или вербального насилия со стороны окружения. Неспособность длительное время сдерживать аккумулярованные негативные эмоции вызывает психодинамический взрыв. В гештальт-психологии и терапии это называется эксплозивом и завершается их высвобождением в криминальном насилии.

Необходимо отметить, что такие проявления, как расширенная эмоционально-смысловая психодинамика, бедные эмоциональные реакции, значительный пласт ценностно-смыслового компонента в формировании готовности к противоправным действиям, определяют характер корыстного преступления.

Результаты корреляционного анализа ряда корыстных и насильственных преступлений против личности и общественного порядка, совершенных лицами в возрасте от 18 до 30 лет, свидетельствуют о ярко выраженной смене полярности корреляционной связи среди осужденных за насильственные преступления от отрицательного до положительного значения показателя «Умение добиваться и получать помощь от государства» ($p < 0,05$) в сравнении с группой осужденных за корыстные преступления. Данный факт является крайне парадоксальным, поскольку осужденные, совершающие насильственные преступления против личности и общественного порядка, психологически готовы требовать и принимать помощь от представителей государственной власти, а осужденные за корыстные преступления нет. В связи с явно выраженным проявлением сферы стыда в рамках психокоррекционного воздействия осужденных пениitenciарный психолог может использовать гештальт-терапию [3, с. 21].

Такой показатель экзистенциальной шкалы, как «Самотрансценденция», то есть способность на эмоциональный отклик в отношении событий или людей, в рамках нашего исследования проявился в положительной корреляции у осужденных за насильственные преступления, что отражает компонент интрапсихической психодинамики личности осужденного.

Функциональная психодинамика личности обеих групп осужденных во многом предопределена данным показателем шкалы, однако неоднозначна по характеру. В первом случае она запрещается сильным защитным блоком, во втором – сама имеет защитный

характер: «что произошло бы со мной, окажись я на месте жертвы». Для пениitenciарного психолога при отсутствии психокоррекционного воздействия и помощи ставится определенная задача: вернуть самотрансценденцию в экзистенциал личности в ее естественных первичных функциях.

Интересен факт положительной корреляции такой личностной характеристики, как напористость, свойственной осужденным за насильственные преступления и чуждой для осужденных за корыстные преступления. Данный факт отражает принципиальное различие интересубъективной психодинамики личности исследуемых групп. Осужденные за корыстные преступления характеризуются замкнутостью, осужденные же за насильственные преступления отличаются выраженной напористостью. Опираясь на терминологию гештальт-терапии, можно сказать о различном определении границ «я». По Ф. Перлзу, осужденные за насильственные преступления по большей части являются проекторами, расширяющими собственное «я» до невероятных пределов: с учетом криминальной направленности их личности – до самых различных проявлений преступного поведения (от хулиганских действий и порчи чужого имущества до нанесения тяжких телесных повреждений, вплоть до летального исхода). Рассмотренные ранее эмпирические факты подтверждают выбор объекта и групп испытуемых для проведения сравнительного анализа. Однако, как уже было сказано, осужденные за корыстные преступления совершают насильственные действия против личности и общественного порядка при высоком уровне саморуководства, то есть сознательно.

Осужденный за корыстные преступления является, опираясь на терминологию Ф. Перлза, ретрофлектором – человеком, разделяющим свое «я» ровно пополам.

Рассматривая личность осужденного за корыстные преступления, необходимо акцентировать внимание на том факте, что в процессе ее формирования преобладает осознаваемая активность принятия и дальнейшего развития криминальной направленности смыслов и ценностей. Корыстные преступления чаще планомерно готовятся, не совершаются спонтанно. Таким образом, формирование готовности личности к совершению корыстного преступления, его планирование и совершение – процесс более длительный, чем у насильственного преступника, и захватывает гораздо более

обширные сферы целостной интрапсихической психодинамики поведения и личности.

В соответствии с полученными результатами эмпирического исследования можно прийти к выводу, что в формировании личности осужденного за насильственные преступления определяющую роль играет эмоциональное отвержение окружающими и отрицание психотравмирующих событий. Следовательно, при наблюдении или испытывании в детстве насилия в различных его проявлениях у ребенка закладывается основа эмоционального реагирования в действительной или предполагаемой ситуации угрозы для личности, что обесценивает ресурс поддержки со стороны родственников в общей картине мира взрослого человека.

Исследование самооценки осужденных за насильственные преступления показывает, что для них характерно терпеливое ожидание улучшений, в то время как осужденные за корыстные преступления склонны надеяться на улучшения, но при этом испытывают значительную усталость. У них преобладает некоторая степень социальной желательности при осознании своих состояний, то есть осужденные за корыстные преступления не испытывают «отрицательные» состояния (растерянность, злость, усталость), которые отмечены в их самооценках на значительно низком уровне ($p < 0,01$) по сравнению с осужденными за насильственные преступления. В малой степени осужденные данной категории ожидают улучшений условий жизни, что является следствием наличия на подсознательном уровне страха оказаться в психотравмирующей ситуации. При этом состояния терпения или озабоченности, которые являются социально одобряемыми, они «позволяют» себе испытывать [2, с. 43].

В то же время осужденные за корыстные преступления не имеют внутренних ограничений на переживание, осознание и оценку таких не столь социально желательных в субкультуре исправительного учреждения состояний, как растерянность, усталость и агрессивность ($p < 0,01$), при этом в меньшей степени опасаются неудач и позволяют себе испытывать надежду на лучшее. Кроме того, отсутствие внутреннего запрета на переживание агрессии позволяет осужденным за корыстные преступления выражать ее в «малых дозах», по мере возникновения, адекватнее реагировать на нее и не допустить аккумуляции деструктивной энергии в интрапсихической психодинамике личности [2, с. 43].

Внутреннее ограничение у лиц, совершивших криминальное насилие, на реагирование в конфликтных ситуациях «малыми дозами» агрессии при появлении угрозы собственному позитивному я-образу, приводит к хронической «неотреагированности» агрессивности и, как следствие, ее лавинообразному выбросу (эксплозиву) в ситуации эскалации конфликта.

Таким образом, личностная агрессивность и конфликтность осужденных за насильственные преступления через подавление терпением накапливается до критических значений. У осужденных за корыстные преступления личностная агрессивность и конфликтность имеет частые, но не столь интенсивные проявления в поведении, поскольку не накапливается, а выражается во вне по мере возникновения.

Для осужденных за корыстные и насильственные преступления актуален низкий показатель по шкале «Самодистанцирование», которая предполагает наличие у человека умения дистанцироваться непосредственно по отношению к себе и взглянуть на происходящее с определенной степенью объективности.

Низкий показатель по приведенной шкале может быть следствием криминального инфантилизма, незрелости личности, а также наличия различных форм внутреннего напряжения (конфликтные или стрессовые ситуации) или внутренней фиксации на чем-либо (неудовлетворенные потребности, хронические дефициты). Подобные люди характеризуются наличием навязчивых мыслей и желаний, автоматического мышления, самобичеванием, фиксированными чувствами и т. д. Для таких людей характерна неспособность выходить из контакта для отражения реальных событий, они подразумевают быструю реакцию на различные случайные раздражители.

В обеих рассматриваемых группах осужденных на нижней границе нормы находится показатель «Ответственность»: испытуемые характеризуются низким уровнем готовности отвечать за свои действия и быть включенными в жизнь; они по большей мере являются зрителями собственной жизни, застывшими в ожидании. Чувство долга не является характерным для данной категории осужденных.

Результаты корреляционного анализа объединенной матрицы диагностики подтверждают выявленные в процессе уровня анализа различия рассматриваемых типов преступников, а также позволяют

установить наиболее важные интрапсихические функциональные связи в разных группах испытуемых.

Исследуя группу осужденных за корыстные преступления, необходимо отметить, что их зрелый возраст отражает положительные связи ($p < 0,05$) в зависимости от ситуативной и личностной тревожности. Те же самые показатели отрицательно коррелируют с молодежным возрастом, от есть основной массой осужденных за насильственные преступления, которые в силу недостаточного криминального опыта и шаблонов поведения, еще не прониклись стереотипами криминального поведения, считают, что тюрьма не страшна и наказание за содеянное не последует. Из этого следует вывод о необходимости учитывать возрастные особенности осужденных за корыстные преступления при выборе комплекса психокоррекционных мероприятий [5, с. 45].

В целом результаты проведенного исследования, отражающего некоторую специфику психодинамических механизмов в про-

цессе формирования и коррекции личности осужденных за различные преступления, позволяют констатировать, что личность лица, совершившего корыстные преступления, отличается скудными эмоциональными проявлениями. Это подразумевает более значительный вклад ценностно-смысловой составляющей в процессе формирования готовности личности к преступлению. Осознаваемая активность по принятию и формированию соответствующей криминальной направленности смыслов, целей рождает личность корыстного преступника. Напротив, трудности саморегуляции, ощущение подвластности обстоятельствам из вне характерны для осужденных за насильственные преступления против общественного порядка и личности. Такие осужденные склонны испытывать в ситуации предполагаемой или действительной несправедливости, обиды агрессивные, разрушительные чувства в отношении окружающих, стремятся наказать обидчиков, желают им каких-либо несчастий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вассерман, Л. И.** Психологическая диагностика индекса жизненного стиля / Л. И. Вассерман, О. Ф. Ерышев, Е. Б. Клубова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева, 2005. – 50 с.
2. **Сочивко, Д. В.** Некоторые психологические особенности осужденных за разные виды преступлений: анализ эмпирического исследования / Д. В. Сочивко, В. С. Клименко. – Прикладная юридическая психология. – 2018. – № 1 (42). – С. 41–45.
3. **Сочивко, Д. В.** Сравнительный анализ личности осужденных, отбывающих наказание за преступления против общественного порядка, и личности осужденных за корыстные преступления / Д. В. Сочивко, В. С. Клименко. – Прикладная юридическая психология. – 2017. – № 4 (41). – С. 19–24.

REFERENCES

1. Vasserman L. I., Eryshev O. F., Klubova E. B. *Psichologicheskaya diagnostika indeksa zhiznennogo stilya* [Psychological Diagnostics of the Life Style Index]. St. Petersburg, 2005. 50 p. (In Russ.).
2. Sochivko D. V., Klimenko V. S. *Nekotorye psichologicheskie osobennosti osuzhdennykh za raznye vidy prestuplenij: analiz empiricheskogo issledovaniya* [Some psychological features of convicts for different types of crimes: an analysis of empirical research]. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya – Applied Legal Psychology*, 2018, no. 1 (42), pp. 41–45. (In Russ.).
3. Sochivko D. V., Klimenko V. S. *Sravnitel'nyy analiz lichnosti osuzhdennykh, otbyvayushchih nakazanie za prestupleniya protiv obshchestvennogo poryadka, i lichnosti osuzhdennykh za korystnye prestupleniya* [Comparative analysis of the identity of convicts serving sentences for crimes against public order and the identity of convicts for acquisitive crimes]. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya – Applied Legal Psychology*, 2017, no. 4 (41), pp. 19–24. (In Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10021

УДК 37.013.83

Особенности воспитательной работы с неоднократно судимыми осужденными конфликтного поведения

Э. В. ЗАУТОРОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования

Реферат

Современная уголовно-исполнительная политика направлена на смягчение наказания и усиление воспитательных мер воздействия на осужденных, создание гуманной среды отбывания наказания. Для организации эффективного исправительного процесса, а также в целях профилактики правонарушений важным является проведение воспитательной работы с осужденными конфликтного поведения. При этом необходимо выделить такую категорию, как неоднократно судимые осужденные.

Вопрос рецидива осужденных является актуальным в условиях предпринимаемых государством мер по обеспечению правопорядка. К тому же отмечено, что за последнее десятилетие в исправительных учреждениях количество положительных характеризующихся особо опасных рецидивистов постоянно сокращается, при этом число злостных нарушителей режима увеличивается.

С учетом сказанного необходимо знать и учитывать специфические черты личности неоднократно судимых осужденных, которые отличаются от других категорий правонарушителей настороженностью и недоверием к окружающим, стремлением скрыть свои истинные мысли и намерения. Данные лица нередко испытывают враждебность к окружающему миру, становятся агрессивными, ставя все свои неудачи в вину другим людям. Вследствие этого они могут являться участниками конфликтных ситуаций.

Конфликты появляются и неизбежно существуют в любой социальной структуре, так как они представляются необходимым условием развития общества. В общностях осужденных конфликты являются столкновениями противоположных взглядов, мнений, интересов и стремлений, в основе которых лежит обострение противоречий между ними. Агрессивное поведение в исправительном учреждении является для многих основным средством решения конфликтов, возникающих в среде неоднократно судимых осужденных.

В статье для сотрудников исправительных учреждений по воспитательной работе с неоднократно судимыми осужденными, склонными к конфликтному общению в местах лишения свободы, представлены рекомендации по таким вопросам, как осуществление диагностики для выявления и описания особенностей стратегий поведения в конфликтной ситуации; использование преимущественно индивидуальной формы воспитательного воздействия; проведение направленных на развитие навыков самопознания и изменения я-концепции воспитательных мероприятий по формированию жизненных целей и подготовке осужденных к освобождению, обучение приемам саморегуляции; воспитательная работа по разрешению и профилактике конфликтов в среде осужденных; организация индивидуальных консультаций с осужденными, испытывающими трудности в повседневной жизни; подготовка и реализация профилактических и разъяснительных бесед, просветительских лекций, ролевых игр и тренингов по бесконфликтному общению.

Смысл и содержание воспитательной работы с осужденными конфликтного поведения должны сводиться не к разъяснению общепринятых норм и правил поведения, а к переоценке прожитой жизни, ломке сложившихся стереотипов поведения и изменению собственного внутреннего мира.

Ключевые слова: места лишения свободы; воспитательная работа; неоднократно судимые осужденные; конфликтное поведение; меры воспитательного воздействия на осужденных конфликтного поведения.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования

Features of educational work with repeatedly convicted convicts of conflict behavior

E. V. ZAUTOROVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor, Member-correspondent of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Abstract

Modern penal policy is aimed at commutation of sentence and strengthening educational measures of influence on convicts, creating a humane environment for serving sentences. For the organization of effective correctional process as well as for the prevention of offenses it is important to conduct educational work with convicts of conflict behavior. Thus it is expedient to allocate such category as repeatedly convicted convicts.

The issue of recidivism of convicts is relevant in the context of measures taken by the state to ensure law and order. In addition it is noted that over the past decade in correctional institutions the number of positively characterized particularly dangerous recidivists is constantly decreasing. At the same time the number of malicious violators of the regime is increasing.

In this regard it is necessary to know and take into account the specific personality traits of repeatedly convicted convicts, who differ from other categories of offenders by wariness and distrust of others, the desire to hide their true thoughts and intentions. Convicts of this category often experience a state of hostility to the outside world, can become aggressive, attributing all their failures to blame other people. As a result they may be parties to conflict situations.

Conflicts appear and inevitably exist in any social structure, as they seem to be a necessary condition for the development of society. In the communities of convicts conflicts are clashes of opposing views, opinions, interests and aspirations, which are based on the aggravation of contradictions between them. Aggressive behavior in a correctional institution is for many the main means of resolving conflicts that arise among repeatedly convicted convicts.

The article presents recommendations for correctional officers on educational work with repeatedly convicted convicts, prone to conflict communication in prison such as the diagnosis of convicts to identify and describe the features of strategies of behavior in a conflict situation; the use of predominantly individual forms of educational influence; educational activities for the formation of life goals and preparation of convicts for release and aimed at the development of skills of self-knowledge and change the self-concept of convicts; teaching methods of self-regulation; educational work on the resolution and prevention of conflicts among convicts; individual consultations with convicts experiencing difficulties in everyday life; organization of preventive and explanatory conversations, educational lectures, role-playing games and trainings on conflict-free communication.

The meaning and content of educational work with convicts of conflict behavior should not be reduced to explaining the generally accepted norms and rules of behavior, but to a radical reassessment of life lived, breaking the existing stereotypes of behavior and changing their own inner world.

Key words: places of imprisonment; educational work; repeatedly convicted convicts; conflict behavior; measures of educational influence on convicts of conflict behavior.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education

Современная уголовно-исполнительная политика, согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., направлена на смягчение наказания и усиление воспитательных мер воздействия на осужденных, создание гуманной среды отбывания наказания. Для организации эффективного исправительного процесса, а также в целях профилактики правонарушений важным является проведение воспитательной работы с осужденными конфликтного поведения. При этом необходимо выделить такую категорию, находящуюся в местах лишения свободы, как неоднократно судимые осужденные.

Вопрос рецидива осужденных является актуальным в условиях предпринимаемых государством мер по обеспечению правопорядка. Количество рецидивов преступлений в России неуклонно растет. По данным Генпрокуратуры России, с 2012 по 2016 г. их доля увеличилась почти на 16 % – с 583 тыс. до 675 тыс. [8]. В этом году тенденция продолжилась. За январь–сентябрь 2019 г. было совершено 493 тыс. таких преступлений, что на 13 % больше, чем пять лет назад. По статистике, сегодня уже около 45 % всех обвинительных приговоров выносятся в отношении ранее судимых лиц [5].

Многие вопросы исполнения наказания в отношении неоднократно судимых осужденных исследовались Г. А. Аванесовым, Л. А. Высотиной, П. Ф. Гришаниным, М. П. Журавлевым, В. В. Тирским, М. Б. Метелкиным и др. Проблемами наказания в виде лишения свободы на длительный срок занимались Т. В. Быстрова, Е. С. Тяжких, Е. Ф. Штефан. К тому же отмечено, что за последнее десятилетие в исправительных учреждениях количество положительно характеризующихся особо опасных рецидивистов постоянно сокращается, в то время как число злостных нарушителей режима увеличивается.

Для успешного применения основных средств исправления данной категории, предупреждения совершения ими повторных преступлений необходимо знать и учитывать специфические черты личности неоднократно судимых осужденных. Последние отличаются настороженностью и недоверием к окружающим, стремлением скрыть свои истинные мысли и намерения. Как показывает практика, более 1/2 особо опасных рецидивистов стремятся установить незаконные связи с представителями администрации исправительного учреждения, особенно с инспекторами, и таким образом сократить

психологическую дистанцию между собой и персоналом колонии. Данное явление воспринимается многими из них как само собой разумеющееся [3; 6]. Видимо, длительные сроки отбывания наказания в условиях изоляции вынуждают таких заключенных приспособляться, с этой целью любыми способами устанавливать связи, извлекая из этого определенную выгоду, тем самым облегчая тяжесть своего наказания.

Осужденные рассматриваемой категории нередко испытывают враждебность к окружающему миру, становятся агрессивными, обвиняют в своих неудачах других людей, вследствие этого становятся участниками конфликтных ситуаций.

Конфликты появляются и неизбежно существуют в любой социальной структуре, так как они выступают необходимым условием развития общества. При этом каждый отдельно взятый конфликт по-своему неповторим и уникален как по причинам возникновения, формам взаимодействия сторон (двух или более), так и по исходу и его последствиям. Некая стандартная схема развития просматривается у всякого конфликта, поэтому эффективное решение проблемы, которая и привела к конфликтной ситуации, требует от каждого субъекта четкого представления об общей природе и специфике данного типа конфликта, осмысленного стиля поведения, выбранного с учетом стилей, используемых другими сторонами. В связи с этим интерес к указанной сфере человеческих взаимоотношений не угасает и находится в поле изучения многих наук [4].

В общностях осужденных конфликты представляют собой столкновения противоположных взглядов, мнений, интересов и стремлений, в основе которых лежит обострение противоречий между ними, характеризующееся противоборством, чаще всего открытыми действиями друг против друга [10, с. 43]. В среде исправительного учреждения феномен конфликта имеет свои особенности, связанные с его жизнедеятельностью. Конфликты могут возникать между группами, отдельными осужденными, администрацией и отдельными осужденными. Чаще всего конфликты происходят в жилой и производственной зонах, слабо контролируемых местах на территории исправительного учреждения [1]. Агрессивное поведение в исправительном учреждении является для многих неоднократно судимых осужденных основным средством решения конфликтов.

Зная особенности реагирования личности в конфликтной ситуации, можно прогнозировать действия человека при ее возникновении, в целях предотвращения рецидива разработать программу коррекции для лиц, которые уже совершили преступление. В связи с этим появляется необходимость проведения воспитательной работы с неоднократно судимыми осужденными по снижению у них уровня конфликтности, формированию эмоциональной устойчивости, развитию эмпатии, психологической готовности принимать адекватно различные жизненные обстоятельства, уметь находить общий язык с окружающими людьми, проявлять терпение и выдержку.

Таким образом, сотрудникам исправительных учреждений могут быть полезны следующие рекомендации по воспитательной работе с неоднократно судимыми осужденными, склонными к конфликтному общению в местах лишения свободы.

Необходимо отметить, что важным направлением работы сотрудника пенитенциарного учреждения является проведение диагностики осужденных, отбывающих наказание повторно, для выявления и описания особенностей стратегий поведения в конфликтной ситуации. Это позволит прогнозировать их поведение в подобных ситуациях, а также выработать соответствующие педагогические приемы по работе с ними.

При организации воспитательной работы с неоднократно судимыми начальникам отрядов важно своевременно пресекать возникновение конфликтных ситуаций, тем самым оказывая помощь этим осужденным. В данном случае целесообразно использовать преимущественно индивидуальную форму воспитательной работы для изменения поведенческих реакций в сложных и напряженных ситуациях. Важно также проводить профилактические мероприятия для предупреждения конфликтов в среде осужденных [7; 9].

Практика показала, что в работе с неоднократно судимыми осужденными, имеющими конфликтное поведение, целесообразно применять следующие воспитательные меры воздействия:

- проведение воспитательных мероприятий по формированию жизненных целей и подготовке осужденных к освобождению (формирование в сознании образа желаемого будущего, сопоставление его с возможностями и способностями, умение планировать будущее и достигать намеченных целей; укрепление нравственных цен-

- ностей как фактора социального поведения; участие в работе школы по подготовке осужденных к освобождению; привлечение осужденных к социально полезной деятельности, приучение к строгому соблюдению правовых норм, развитие положительных качеств личности; осуществление деятельности по содействию в восстановлении и укреплении социально полезных связей осужденных для повышения эффективности воспитательной работы с ним и т. д.);

- проведение воспитательных мероприятий, направленных на развитие навыков самопознания и изменения я-концепции осужденных (устойчивое изменение определенных свойств и качеств личности, которые определяют содержательные стороны социального поведения осужденного; проведение воспитательной работы с учетом индивидуально типологических и личностных особенностей осужденных и т. д.);

- обучение приемам саморегуляции осужденных (анализ воспитывающих ситуаций, ситуаций морального выбора с целью нравственного развития личности осужденных; приобщение к социальному опыту позитивной направленности при использовании метода расширения позитивных общественных связей и отношений субъекта; привлечение к общественной деятельности и т. д.);

- воспитательная работа по разрешению и профилактике конфликтов в среде осужденных (проведение психолого-педагогических обследований осужденных, склонных к деструктивно-конфликтному поведению и входящих в группу повышенного педагогического внимания (составляются краткие характеристики и рекомендации по индивидуальной воспитательной работе с ними); проведение индивидуальных консультаций с осужденными, испытывающими трудности в повседневной жизни (неудовлетворенность отношениями с администрацией исправительного учреждения, конфликты в отряде осужденных, повышенная напряженность, усталость и т. д.), в отношениях к себе (недостаток уверенности и самоуважения, колебания в принятии решений, трудности в завязывании и поддержании межличностных отношений); организация групповых дискуссий как способа осуществления общения осужденных (участников группы), позволяющего сопоставить противоположные позиции, увидеть проблему с разных сторон и т. п.);

- организация профилактических и разъяснительных бесед, просветительских лек-

ций (активизация нравственных качеств осужденного, которые необходимы ему для жизни в семье и трудовом коллективе, направлены на «приведение в готовность» положительных нравственных убеждений, чувств и привычек; активизация способностей осужденного по формированию у него знаний, умений и навыков готовности жить и действовать в соответствии с правовыми нормами; обеспечение правовыми знаниями, разъяснительная работа о порядке и условиях получения медицинской помощи, социальных услуг, трудоустройства и бытового обеспечения);

– проведение с осужденными ролевых игр и тренингов по бесконфликтному общению (в ходе ролевой игры как метода, при котором реальное поведение имитируется (моделируется) участниками в соответствии с заданными ролями и ситуацией, направленными на развитие коммуникативной сферы личности, совершенствование ролевого поведения осужденного; формирование сплоченности группы (участников тренинга) с целью установления доверительных отношений, стимулирование поддерживающих взаимоотношений участников вне тренинга и т. д. [2]).

Смысл и содержание воспитательной работы с осужденными конфликтного поведения должны сводиться не к разъяснению общепринятых норм и правил поведения, а к переоценке прожитой жизни, ломке сложившихся стереотипов поведения и изменению собственного внутреннего мира. Исходя из специфичности эмоционального реагирования осужденных данной категории, необходимо обеспечить смену активных и пассивных видов деятельности. Желательно, чтобы в ходе воспитательных мероприятий царил атмосфера доброжелательности, взаимного уважения и понимания, а участники не опасались принудительных мер или санкций со стороны ведущего.

Ожидаемым результатом воспитательной работы является личностное развитие неоднократно судимых осужденных, улучшение взаимоотношений с окружающими, снижение конфликтности, коррекция отклонений в поведении, появление эмоциональной устойчивости. Осужденные должны стремиться к максимальному использованию своих возможностей в жизни, научиться

преодолевать трудности, несмотря на отрицательное к ним отношение и сложные жизненные ситуации, формировать реалистичную положительную самооценку и быть готовыми нести ответственность за свой выбор и свое поведение.

Включение данных направлений в деятельность отделов и служб исправительного учреждения предоставит возможность организовать более эффективно воспитательную работу с неоднократно судимыми, склонными к конфликтному общению. Такой подход позволит снизить частоту возникновения конфликтных ситуаций, вызванных психологической напряженностью спецконтингента и сотрудников исправительного учреждения.

Важнейшее требование, которым нельзя пренебрегать при организации работы с данной категорией осужденных, является систематичность, последовательность и нравственная направленность контактов и встреч. Немаловажным условием выступает и максимальное соответствие содержания и объема сообщаемой осужденным информации условиям их предстоящей жизни. Принципы дифференцированности и индивидуализации, а также активизации и опоры на положительные качества осужденного являются важными в работе сотрудника-воспитателя.

Таким образом, проблема агрессивности и насилия в среде осужденных стоит особенно остро, и от ее решения во многом зависит процесс их исправления и ресоциализации. Достижение конструктивного взаимодействия между осужденными есть одна из основных целей в работе администрации исправительного учреждения. Организуя воспитательную работу с неоднократно судимыми осужденными, необходимо помнить, что им присущи плохо контролируемая склонность к враждебности и агрессивности по отношению к окружающим, срывы при повышении эмоциональных нагрузок. Поэтому необходимо рекомендовать сотрудникам, работающим с данной категорией осужденных, учитывать индивидуальные социально-психологические особенности последних и применять к ним разнообразные меры воспитательного воздействия, направленные на коррекцию конфликтного поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ананьев, О.** Чтобы избежать межэтнических конфликтов / О. Ананьев, О. Кузнецов // Преступление и наказание. – 2015. – № 4. – С. 12–13.
2. **Васильев, Н. Н.** Тренинг преодоления конфликтов / Н. Н. Васильев. – Санкт-Петербург : Речь, 2002. – 170 с. – ISBN 5-9268-0104-4.

3. **Детков, А. П.** Динамика пенитенциарной конфликтной ситуации / А. П. Детков // Российский юридический журнал. – 2012. – № 1. – С. 96–100.
4. **Емельянов, Н. С.** Криминологическое исследование конфликтов с участием осужденных : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Н. С. Емельянов. – Рязань, 2015. – 171 с.
5. Институт проблем современного общества: статистические материалы. – URL: <http://i-pso.ru/2016/04/05/299/> (дата обращения: 16.05.2019).
6. **Коломытцев, Н. А.** Особо опасный рецидив преступлений и борьба с ним : монография / Н. А. Коломытцев. – Киров, 2001. – 221 с. – ISBN 5-87817-020-5.
7. **Маняхин, А. В.** Стратегия и тактика коммуникативного поведения сотрудников исправительного учреждения во взаимодействии с осужденными / А. В. Маняхин // II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : в 8 томах. Том 5. – Рязань : Академия ФСИН России, 2015. – С. 218–221.
8. **Недюк, М.** Рецидивисты стали совершать больше преступлений / М. Недюк, К. Дагаева // Известия. – 2017. – 13 октября.
9. **Смирнов, А. М.** Профилактика конфликтных ситуаций в среде осужденных к лишению свободы / А. М. Смирнов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2015. – № 4. – С. 34–37.
10. **Сухов, А. Н.** Криминогенное общение в среде осужденных : учебное пособие для учебных заведений МВД России / А. Н. Сухов. – Рязань : РВШ МВД России, 1993. – 133 с.

REFERENCES

1. Anan'ev O., Kuznetsov O. *Сhtoby izbezhat' mezhetnicheskikh konfliktov* [To avoid interethnic conflicts]. *Prestuplenie i nakazanie – Crime and Punishment*, 2015, no. 4, pp. 12–13. (In Russ.).
2. Vasil'ev N. N. *Trening preodoleniya konfliktov* [Conflict Overcoming Training]. St. Petersburg, 2002. 170 p. (In Russ.).
3. Detkov A. P. *Dinamika penitenciarnoj konfliktnoj situacii* [Penitentiary conflict dynamics]. *Rossijskij juridicheskij zhurnal – Russian Law Journal*, 2012, no. 1, pp. 96–100. (In Russ.).
4. Emel'yanov N. S. *Kriminologicheskoe issledovanie konfliktov s uchastiem osuzhdennyh. Diss. kand. yurid. nauk* [Criminological study of conflicts involving convicts. Diss. PhD. in Law]. Ryazan, 2015. 171 p. (In Russ.).
5. Institut problem sovremennogo obshchestva: statisticheskie materialy [Institute for the Problems of Modern Society: Statistical Materials]. Available at: <http://i-pso.ru/2016/04/05/299/> (accessed 16.05.2019). (In Russ.).
6. Kolomytcev N. A. *Osobo opasnyj recidiv prestuplenij i bor'ba s nim* [Particularly dangerous recidivism and fight against it]. Kirov, 2001. 221 p. (In Russ.).
7. Manyahin A. V. *Strategiya i taktika kommunikativnogo povedeniya sotrudnikov ispravitel'nogo uchrezhdeniya vo vzaimodejstvii s osuzhdennymi* [Strategy and tactics of communicative behavior of correctional staff in cooperation with convicts]. *II Mezhdunarodnyj penitenciarnyj forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie». Tom 5* [II International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction". Vol. 5]. Ryazan, 2015, pp. 218–221. (In Russ.).
8. Nedyuk M., Dagaeva K. *Recidivisty stali sovershat' bol'she prestuplenij* [Repeat offenders commit more crimes]. *Izvestiya – Tidings*, 2017, October 13th. (In Russ.).
9. Smirnov A. M. *Profilaktika konfliktnyh situacij v srede osuzhdennyh k lisheniyu svobody* [Prevention of conflict situations among prisoners sentenced to imprisonment]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy – Journal of the penal system*, 2015, no. 4, pp. 34–37. (In Russ.).
10. Suhov A. N. *Kriminogennoe obshchenie v srede osuzhdennyh* [Criminogenic communication among convicts]. Ryazan, 1993. 133 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-10022

УДК 378

Профессиональная социализация сотрудника ФСИН России как научно-педагогическая проблема

Л. В. КОВТУНЕНКО – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

М. Б. ТРУБЧАНИНОВ – начальник курса Воронежского института ФСИН России

Реферат

С учетом приказа ФСИН России от 14.06.2019 № 440 «Об утверждении порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным профессиональным образовательным программам, реализуемым в интересах обеспечения законности и правопорядка в федеральных государственных образовательных организациях, подведомственных ФСИН России» одним из приоритетных направлений ведомственного образования является профессиональная социализация будущих специалистов.

Проблема профессиональной социализации исследуется представителями разных направлений науки. Отечественная гуманитарная наукой вопросы социализации

зации рассматриваются во взаимосвязи с развитием и воспитанием. Так, педагогика процессы социализации изучает в совокупности с формированием и развитием личности. Интерес к проблеме социализации первоначально возник у социальных педагогов (Р. Г. Гурова), позднее – в возрастной и педагогической психологии и только потом в педагогике, где внимание ученых было обращено не столько на профессиональные навыки специалиста, что обеспечат его социализацию в профессиональной среде, сколько на его личностное развитие.

Профессиональная социализация характеризуется рядом отличительных особенностей, среди которых не только профессиональные компетенции, но и сформированное профессиональное мышление и высокая профессиональная мотивация.

Профессиональная социализация сотрудников ФСИН России в ряде научных работ рассматривается как особый вид социализации, требующий овладения профессиональными компетенциями, усвоения профессиональных норм, ценностей, обеспечивающих успешное включение в профессиональную деятельность.

Анализ исследований по вопросам профессиональной социализации сотрудников правоохранительных органов в период обучения в ведомственных образовательных организациях позволяет отметить, что такие работы немногочисленны, что подтверждает актуальность проведения дальнейших научных изысканий в данном направлении.

Ключевые слова: социализация; профессиональная социализация; концепции социализации; сотрудник уголовно-исполнительной системы; ведомственная образовательная организация.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования

Professional socialization of an employee of the Federal Penitentiary Service of Russia as a scientific and pedagogical problem

L. V. KOVTUNENKO – Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor;

M. B. TRUBCHANINOV – Head of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

Taking into account the order of the Federal Penal Service of Russia dated June 14, 2019 No. 440 "On approval of the organization and implementation of educational activities for the main professional educational programs implemented in the interests of ensuring law and order in federal state educational institutions subordinate to the Federal Penal Service of Russia", one of the priority areas of departmental education is professional socialization of future specialists.

The problem of professional socialization is studied by representatives of different areas of science. Domestic humanities issues of socialization are considered in conjunction with development and education. So pedagogy studies the processes of socialization in conjunction with the formation and development of personality. Interest in the problem of socialization initially arose among social educators (R. G. Gurov), later in age and educational psychology, and only then in pedagogy, where the attention of scientists was paid not so much to the specialist's professional skills, which would ensure his socialization in the professional environment, how much is his personal development.

Professional socialization is characterized by a number of distinctive features, among which are not only professional competencies, but also formed professional thinking and high professional motivation.

Professional socialization of employees of the Federal Penal Service of Russia is considered in a number of scientific papers as a special type of socialization that requires mastering professional competencies, mastering professional norms and values that ensure successful inclusion in professional activities.

An analysis of studies on the issues of professional socialization of law enforcement officers during their studies at departmental educational organizations allows us to note that such works are not numerous, which confirms the relevance of further scientific research in this direction.

Key words: socialization; professional socialization; concepts of socialization; penal system officer; departmental educational organization.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education

Проблема социализации личности в последнее время является одной из востребованных в исследованиях представителей разных наук.

Впервые понятие социализации было употреблено Ф. Г. Гиддингсом в 1887 г. в отношении социальной природы человека, подготовки к социальной жизни [11, с. 5].

Существующие концепции социализации основаны на роли человека в процессе освоения им социального пространства. Среди исследователей нет единого понимания относительно роли самого индивида в данном процессе. Так, согласно позиции основателей субъект-объектного подхода (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс) человеку принадлежит пассивное место в процессе социализации. При этом общество рассматривается как субъект воздействия, а человек лишь как его объект. Общество, по утверждению Э. Дюркгейма, формирует человека согласно существующим в этом социуме нормам. Проблема социализации рассматривалась сторонниками данного подхода (Ф. Гидденс, Ч. Кули, Т. Тард и др.) через воспитание.

В исследованиях Т. Парсонса, Р. Мертона, считавших, что интеграция в социальную среду осуществляется путем приспособления личности к ней, социализация рассматривается в сравнении с понятием адаптации.

Основоположниками субъект-субъектного подхода (Ч. Кули и Дж. Г. Мид) человеку отводится роль активного участника социализации, под которой подразумевается «развитие и самоизменение человека в процессе усвоения и воспроизводства культуры, которое происходит путем взаимодействия человека со стихийными, относительно направляемыми и целенаправленно создаваемыми условиями жизни на всех возрастных этапах» [11, с. 5–6].

60–70-е гг. XX в. ознаменовались повышенным интересом к проблеме социализации со стороны представителей различных школ и направлений западной социальной психологии, которые по-своему рассматривали и трактовали процесс социализации. Так, бихевиористы и необихевиористы (Б. Скиннер, Э. Торндайк, А. Бандура, В. Уолтерс и др.) связывали социализацию с социальным научением; представители символического интеракционизма (Дж. Мид, Д. Хорке, Д. Джексом, Т. Кемпер и др.) считали, что социализация есть результат социального взаимодействия людей; в гуманистической психологии (А. Оллпорт, А. Маслоу, Г. Роджерс) социализация представлена как

самоактуализация я-концепции, преодоление негативных условий среды, которые блокируют или затрудняют самореализацию и самоутверждение личности.

В России пристальное внимание проблемам, связанным с социализацией, начало уделяться со второй половины 60-х гг. XX в.

Первоначально данная проблема разрабатывалась в рамках аналитического исследования зарубежных концепций социализации философами, психологами, социологами (Б. Г. Ананьев, Г. М. Андреева, Б. Ф. Ломов, В. С. Мерлин и др.) [1; 2; 6; 7; 9; 10; 12].

В различных областях отечественной гуманитарной науки вопросы социализации исследуются во взаимосвязи с развитием и воспитанием.

В педагогике процессы социализации рассматриваются в совокупности с формированием и развитием личности. Интерес к проблеме социализации в педагогике вначале возник у социальных педагогов (Р. Г. Гурова), позднее в возрастной и педагогической психологии и только потом в педагогике. Социализация трактовалась как вхождение в социальную среду, усвоение ее норм и ценностей.

А. Н. Леонтьев считал, что социализация – «процесс освоения личностью богатств, выработанных человечеством, старшими поколениями, процесс адаптации к жизни в обществе, среди людей» [8].

Л. С. Выготский указывал, что результаты социализации во многом зависят от целенаправленных воспитательных воздействий семьи, различных учебно-воспитательных организаций, непосредственного влияния среды. При этом ученый отводил значительную роль в данном процессе самому индивиду, его активности и избирательному отношению к нормам и ценностям социального окружения и воспитательным воздействиям, а также самостоятельному воспроизводству социальных связей [5].

Б. Г. Ананьев среди факторов формирования личности выделял «наследственность, влияние среды, воспитание в широком и узком смысле слова, собственную практическую деятельность человека» [1, с. 45]. Нам близка позиция ученого, что все эти факторы действуют совокупно.

Как «двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей, с другой стороны (часто недостаточ-

но подчеркиваемой в исследованиях), процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивидом за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду» трактует социализацию Г. М. Андреева [2, с. 338].

Придерживаясь позиции А. В. Мудрика, считаем, что социализация происходит как в процессе стихийного взаимодействия человека с обществом, так и в результате влияния со стороны государства, а также путем целенаправленного создания условий и собственного саморазвития и самовоспитания человека [11, с. 5–6].

Таким образом, социализация – это не только включение личности в систему общественных отношений и усвоение ею социальных норм, но и самостоятельное их воспроизводство на индивидуальном уровне, выражающееся в поведении субъекта.

Сегодня с позиции социализации личности стала рассматриваться проблема профессиональной подготовки специалистов. Все больше внимания уделяется не только профессиональным навыкам специалиста, но и его личностному развитию, формированию профессиональных качеств, которые обеспечат его социализацию в профессиональной среде.

Вопросы профессиональной социализации будущих специалистов рассматриваются в исследованиях представителей разных направлений науки: социологии, психологии, педагогики и др.

Некоторые ученые профессиональную социализацию рассматривают как основной феномен теории и методики профес-

сионального образования (А. А. Вербицкий, Ю. П. Ветров, А. В. Мудрик, И. П. Подласый, В. А. Сластенин и др.) [3; 4; 11; 13; 15].

Профессиональная социализация любого специалиста характеризуется рядом отличительных особенностей, которые требуют от него успешного адаптивного включения в социально-профессиональную среду, для чего необходимо обладать не только профессиональными компетенциями, но и сформированным профессиональным мышлением и высокой мотивацией. При этом каждый вид профессиональной деятельности детерминирует специфические особенности процесса социализации специалиста.

В исследовании А. В. Полякова профессиональная социализация сотрудников ФСИН России рассматривается как особый вид социализации, занимающий достаточно длительный период жизни человека [14, с. 16–17].

Нами профессиональная социализация сотрудников службы исполнения наказаний рассматривается как процесс овладения профессиональными компетенциями, усвоения норм, ценностей, обеспечивающих успешное включение в профессиональную деятельность.

Анализ имеющихся исследований по вопросам профессиональной социализации сотрудников правоохранительных органов в период обучения в ведомственных образовательных организациях позволяет отметить, что такие исследования в силу ведомственной закрытости немногочисленны, что актуализирует их проведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ананьев, Б. Г.** О психологических эффектах социализации / Б. Г. Ананьев. – Ленинград : ЛГУ, 1971. – 150 с.
2. **Андреева, Г. М.** Социальная психология / Г. М. Андреева. – Москва : Аспект Пресс, 1997. – 375 с. – ISBN 5-7567-0201-6.
3. **Вербицкий, А. А.** Инварианты профессионализма: проблемы формирования : монография / А. А. Вербицкий, М. Д. Ильязова. – Москва : Логос, 2011. – 288 с. – ISBN 978-5-98704-604-3.
4. **Ветров, Ю. П.** Педагогические условия профессиональной социализации студентов экономических направлений подготовки в вузе : монография / Ю. П. Ветров, Е. А. Прохорова. – Армавир : АГПУ, 2016. – 135 с. – ISBN 978-5-89971-492-4.
5. **Выготский, Л. С.** Психология развития как феномен культуры / Л. С. Выготский. – Москва ; Воронеж : МОДЭК, 1996. – 510 с. – ISBN 5-89395-001-1.
6. **Кон, И. С.** Социология личности / И. С. Кон. – Москва : Политиздат, 1967. – 383 с.
7. **Кузьмин, Е. С.** Основы социальной психологии / Е. С. Кузьмин. – Ленинград : ЛГУ, 1967. – 173 с.
8. **Леонтьев, А. Н.** Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва : Смысл, Академия, 2005. – 352 с. – ISBN 5-89357-113-4.
9. **Ломов, Б. Ф.** Методологические и теоретические проблемы современной психологии / Б. Ф. Ломов. – Москва : Наука, 1984. – 432 с.
10. **Мерлин, В. С.** Становление индивидуальности и социализация / В. С. Мерлин // Проблемы личности : материалы симпозиума. Том 1. – Москва : Московская типография № 8, 1970. – С. 281–291.
11. **Мудрик, А. В.** Социальная педагогика : учебник для студентов педагогических вузов / под редакцией В. А. Сластенина. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Академия, 2000. – 200 с. – ISBN 5-7695-0640-7.
12. **Парыгин, Б. Д.** Социальная психология как наука / Б. Д. Парыгин. – Ленинград : ЛГУ, 1967. – 208 с.
13. **Подласый, И. П.** Педагогика : учебник для бакалавров : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки и специальностям в области образования и педагогики / И. П. Подласый. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2013. – 694 с. – ISBN 978-5-691-01553-3.

14. Поляков, А. В. Организационно-педагогические условия профессиональной социализации молодых сотрудников исправительных учреждений : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / А. В. Поляков. – Великий Новгород, 2019. – 202 с.
15. Сластенин, В. А. Педагогика : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов ; под редакцией В. А. Сластенина. – Москва : Академия, 2013. – 576 с. – ISBN 5-7695-0878-7.

REFERENCES

1. Anan'ev B. G. *O psihologicheskikh effekтах socializacii* [On the psychological effects of socialization]. Leningrad, 1971. 150 p. (In Russ.).
2. Andreeva G. M. *Social'naya psihologiya* [Social Psychology]. Moscow, 1997. 375 p. (In Russ.).
3. Verbickij A. A., Il'yazova M. D. *Invarianty professionalizma: problemy formirovaniya* [Invariants of Professionalism: Problems of Formation]. Moscow, 2011. 288 p. (In Russ.).
4. Vetrov YU. P., Prohorova E. A. *Pedagogicheskie usloviya professional'noj socializacii studentov ekonomicheskikh napravlenij podgotovki v vuze* [Pedagogical conditions of professional socialization of students of economic areas of training at a university]. Armavir, 2016. 135 p. (In Russ.).
5. Vygotskij L. S. *Psihologiya razvitiya kak fenomen kul'tury* [Development Psychology as a Cultural Phenomenon]. Moscow, Voronezh, 1996. 510 p. (In Russ.).
6. Kon I. S. *Sociologiya lichnosti* [Sociology of personality]. Moscow, 1967. 383 p. (In Russ.).
7. Kuz'min E. S. *Osnovy social'noj psihologii* [Fundamentals of Social Psychology]. Leningrad, 1967. 173 p. (In Russ.).
8. Leont'ev A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, 2005. 352 p. (In Russ.).
9. Lomov B. F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy sovremennoj psihologii* [Methodological and theoretical problems of modern psychology] Moscow, 1984. 432 p. (In Russ.).
10. Merlin V. S. Stanovlenie individual'nosti i socializaciya [The formation of personality and socialization]. *Materialy simpoziuma «Problemy lichnosti». Tom 1* [Materials of the Symposium «Personality Problems». Vol. 1]. Moscow, 1970, pp. 281–291. (In Russ.).
11. Mudrik A. V. *Social'naya pedagogika* [Social pedagogy]. Moscow, 2000. 200 p. (In Russ.).
12. Parygin B. D. *Social'naya psihologiya kak nauka* [Social Psychology as a Science]. Leningrad, 1967. 208 p. (In Russ.).
13. Podlasyj I. P. *Pedagogika* [Pedagogics]. Moscow, 2013. 694 p. (In Russ.).
14. Polyakov A. V. *Organizacionno-pedagogicheskie usloviya professional'noj socializacii molodyh sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij. Diss. kand. ped. nauk* [Organizational and pedagogical conditions of professional socialization of young employees of correctional institutions. Diss. PhD. in Pedagogy]. Velikiy Novgorod, 2019. 202 p. (In Russ.).
15. Slastenin V. A., Isaev I. F., Shiyarov E. N. *Pedagogika* [Pedagogics]. Moscow, 2013. 576 p. (In Russ.).

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Отзыв официального оппонента на диссертацию А. А. Санташова на тему «Теоретические основы дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»¹

Л. И. БЕЛЯЕВА – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Актуальность темы исследования А. Л. Санташова обусловлена рядом обстоятельств, в числе которых следует прежде всего назвать потребность в дальнейшем развитии теории уголовного и уголовно-исполнительного права в той части, которая относится к несовершеннолетним, что в свою очередь предопределено изменением характера преступлений, совершаемых несовершеннолетними или с их участием; изменением качественных характеристик осужденных несовершеннолетних; дефицитом наказаний, альтернативных лишению свободы, и мер, альтернативных наказанию; статичностью и известной консервативностью системы исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних и т. п.

Актуальность темы определяется также схематичностью подходов законодателя к вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних, ее дифференциации и индивидуализации. Сложившиеся в этой области стереотипы не позволяют должным образом закрепить особое положение несовершеннолетнего, совершившего преступление, как субъекта уголовно-правовых и уголовно-исполнительных правоотношений.

Сказанное ориентирует на необходимость доработки существующих нормативных и пра-

вовых актов, подготовки новых (новых редакций) законодательных актов, касающихся несовершеннолетних, совершивших преступления, что требует научного осмысления и формирования соответствующих научно обоснованных выводов и предложений.

Актуальность темы также определяется тем, что разрешение обозначенных вопросов – проблема комплексная, выходящая за рамки одной отрасли знаний о преступлении и наказании и лежащая в пределах уголовной политики. Наличие значительных просчетов в уголовной политике в отношении несовершеннолетних, несовершенство законодательства в этой области порождают правоприменительную практику, не вызывающую социального одобрения. Именно выявление и разрешение общих вопросов уголовной политики, связанных с правонарушающим поведением несовершеннолетних, позволяют выработать необходимые рекомендации и предложения.

Учитывая это, диссертационное исследование А. Л. Санташова, направленное на получение новых и углубление имеющихся знаний о дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних и разрешение выявленных проблем, следует признать актуальным как в теоретическом, так и в прикладном аспектах.

Проведенное А. Л. Санташовым исследование является собой значительный шаг в развитии теории российской уголовной политики, науки уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и представляет собой удачно реализованную попытку разрешения теоретических и прикладных проблем, связанных с уголовной ответственностью несовершеннолетних.

Исходя из актуальности и степени теоретической разработки проблемы, диссертант вполне логично и исчерпывающе поставил цели и задачи исследования. Цель исследования определена как решение крупной теоретической и прикладной проблемы дифференциации и индивидуализации ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве, совершенствование законодательства в этой области и правоприменительной практики. Ознакомление с текстом диссертационного исследования показывает, что заявленная автором цель достигнута.

Научная новизна исследования. Проблема дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних не обойдена вниманием ученых. Она рассматривалась неоднократно в монографических исследованиях, статьях. Однако в данной работе эта проблема исследуется с позиции комплексного подхода. Во-первых, она обозначается и рассматривается автором как одно из направлений уголовной политики в отношении несовершеннолетних. Соответственно вносятся предложения концептуального характера по совершенствованию последней. Во-вторых, диссертант, говоря о дифференциации и индивидуализации

¹ Защита диссертации состоялась 29 марта 2019 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете. Приказом Минобрнауки от 23.10.2019 № 1023/нк принято решение о выдаче доценту кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России Андрею Леонидовичу Санташову диплома доктора юридических наук.

уголовной ответственности несовершеннолетних, восходит к тем положениям, которые лежат в основе решения существующих здесь проблем, в частности к вопросам правотворчества, соблюдения в нем правил законодательной техники, правильного использования необходимых приемов и средств.

По мнению исследователя, многие из проблем в обозначенной области проистекают из ошибок и упущений, связанных с применением правил законодательной техники. Такой подход характеризует новый взгляд на роль и возможности правотворчества в решении выявленных проблем.

Автор отмечает необходимость совершенствования норм об уголовной ответственности несовершеннолетних, ее дифференциации и индивидуализации, делая акцент на том, что это возможно только при соблюдении всех правил законодательной техники.

Новизна работы заключается также в разработанных диссертантом основных концептуальных положениях дифференциации ответственности несовершеннолетних и ее индивидуализации, выражается в комплексе предложений диссертанта по совершенствованию правотворчества и правоприменительной практики.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций определяется методологией проведенного исследования.

Методологическую базу составили общие и частные научные методы познания. В качестве общих научных методов использовались анализ и синтез, индукция и дедукция, системно-структурный, формально-логический и др.; частных научных – историко-правовой, сравнительно-правовой, лингвистический, статистический, социологический и др.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых в области теории права, истории права, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовной политики, социологии. Круг использованных источников довольно обширен. Заслуживает того, чтобы быть отмеченным, внимание исследователя к трудам по общетеоретическим вопросам права, вопросам законодательной техники, уголовной политики, что позволило сформировать собственный взгляд на исследуемую проблему. Обращает на себя внимание широкое использование диссертантом работ по истории уголовного права. С позиции аксиологии автором использована литература по зарубежному уголовному праву и уголовно-исполнительному праву.

Нормативную базу исследования составляют Конституция Российской Федерации, УК РФ, УПК РФ, УИК РФ. Диссертант в ходе исследования обращается к ретроспективному анализу законодательства в исследуемой сфере. Используются также нормативные правовые источники смежных отраслей права.

В ходе исследования соискатель обращается к международным правовым документам, каса-

ющимися уголовной ответственности несовершеннолетних, а также к зарубежному законодательству по изучаемому вопросу.

Использованы и соответствующие акты толкования нормы права.

Эмпирическая база исследования представлена: а) результатами изучения и обобщения судебной практики по вопросам уголовной ответственности несовершеннолетних за 2002–2018 гг.; б) результатами анализа деятельности ФСИН России за 2002–2018 гг. в части исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних; в) материалами специальной переписи осужденных 2009 г.; г) статистическими сведениями Генеральной прокуратуры и Министерства внутренних дел Российской Федерации о состоянии преступности несовершеннолетних в 2002–2018 гг.; д) результатами эмпирического исследования, проведенного самим диссертантом посредством анкетирования 191 сотрудника практических органов в восьми округах Российской Федерации; е) эмпирическими данными по изучаемому вопросу, содержащимися в работах других исследователей.

Многие положения, предложения и выводы автора по тексту диссертации обосновываются и аргументируются данными, полученными эмпирическим путем.

Эмпирическая база исследования характеризуется разнообразием и обширностью. Однако репрезентативность сведений, полученных автором в ходе проведенного опроса, осталась необоснованной.

Достоверность научных положений, выводов и рекомендаций диссертационного исследования подтверждается соответствием концептуальных положений, предложений и выводов автора основным принципам, структуре, формам и направлениям современной уголовной политики Российской Федерации.

Использование обширных статистических сведений за довольно длительный период 2002–2018 гг. о несовершеннолетних, совершивших преступление, а также отбывающих наказание в воспитательных колониях, позволило диссертанту сделать выводы об имеющихся тенденциях и внести соответствующие положения по их корректровке.

Значительное количество источников современной национальной и зарубежной литературы по изучаемому вопросу свидетельствует о внимании к нему исследователей и потребности в выработке необходимых предложений. Это подтверждается и мнением практических работников, полученным в ходе опроса, проведенного автором.

Все сказанное позволило диссертанту выявить и охарактеризовать особенности дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что сформулирована новая система знаний об особенностях дифференциации и индивидуализации уголовной от-

ветственности несовершеннолетних, которые восполняют и развивают теорию уголовного и уголовно-исполнительного права, уголовной политики. Диссертационное исследование расширяет объем знаний об особенностях технико-юридического конструирования норм УК РФ и УИК РФ об уголовной ответственности и наказании. В диссертации предложена концепция дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних как одного из направлений уголовной политики.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложения и рекомендации диссертанта могут быть использованы:

а) в правотворческой деятельности в работе по совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, касающегося несовершеннолетних, совершивших преступления;

б) правоприменительной практике судов и уголовно-исполнительной системы, связанной с назначением и исполнением наказаний в отношении несовершеннолетних;

в) процессе преподавания в образовательных организациях учебных дисциплин «Уголовное право», «Уголовно-исполнительное право», «Криминология» и др.

Работа А. Л. Санташова характеризуется рядом достоинств, к числу которых относится ярко выраженная комплексность. Известно, что довольно часто исследователи ограничиваются какой-то одной проблематикой: уголовно-правовой, уголовно-исполнительной, не обременяя себя вопросами преемственности и взаимосвязи между общетеоретическими положениями и их отражением в отраслевых науках, между теоретическими уголовно-правовыми и уголовно-исполнительными конструкциями и механизмами их реализации в соответствующих нормах уголовного и уголовно-исполнительного права, между теоретическими положениями науки уголовного и уголовно-исполнительного права и, соответственно, уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Диссертант исследует теоретические и прикладные проблемы дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних как феномен уголовной политики, уголовного и уголовно-исполнительного права. Последнее нередко называется пенитенциарным, что не вполне корректно, ведь пенитенциарных учреждений, тем более для несовершеннолетних, в Российской Федерации нет.

В известной мере исследование касается и криминологических проблем, связанных с вопросами дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних.

Более всего оригинальность, новизна и глубина исследования обеспечивается подходом автора к решению проблем отраслевого правотворчества с общетеоретических позиций. В принципе, это постулат научного поиска. Но

дело-то в том, что исследований, в которых его удалось бы соблюсти, не так много. В представленной работе доказано, что проблемы, связанные с дифференциацией и индивидуализацией уголовной ответственности несовершеннолетних, могут быть разрешены лишь при условии правильного и полного использования правил и требований законодательной техники. Причем это не лозунг. Диссертант показывает, анализирует имеющиеся промахи законодателя и предлагает пути их устранения.

Материалы диссертационного исследования прошли достаточную апробацию и внедрение, в том числе за рубежом. Основные положения работы отражены в публикациях автора, среди которых 3 монографии, 30 научных статей в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Автореферат отображает основное содержание диссертации и соответствует предъявляемым требованиям.

Отправные точки концептуальных взглядов диссертанта на проблему уголовной ответственности несовершеннолетних, ее дифференциации и индивидуализации обозначены в первом разделе, посвященном общим вопросам, связанным с рассматриваемой проблемой. В первой главе данного раздела диссертант рассматривает эволюцию взглядов на уголовную политику в целом и особенности уголовной политики в отношении несовершеннолетних. Будучи человеком ответственным и основательным, диссертант довольно подробно излагает развитие взглядов на суть уголовной политики, во многом повторяя уже известные положения (с. 24–30), хотя к настоящему времени вышло не менее трех учебников по уголовной политике, ряд монографий, в которых это понятие уже сформулировано, развитие взглядов проанализировано. Две из них написаны профессором М. М. Бабаевым. Это позволяет двигаться вперед. В нашем случае такое движение мало заметно. Диссертант, начав с общих вопросов уголовной политики, как бы «увязает» в них и не может от них оторваться. Он говорит то об уголовной политике как таковой (с. 29–30), то об уголовной политике в отношении несовершеннолетних (с. 30–31), то вновь об уголовной политике (с. 34–36), но сопряжение, связь между этими социальными явлениями не показана достаточно четко. Понятие, структура, формы уголовной политики в отношении несовершеннолетних, ее особенности остались за пределами внимания исследователя, в результате мнение о факторах, влияющих на уголовную политику в отношении несовершеннолетних, предложения о дополнении законодательства по этому вопросу носят характер скорее директивы (в целом верной), чем научно обоснованных выводов.

Автор неоднократно говорит о необходимости создания системы ювенальной юстиции (с. 5, 32, 61 и др.), ссылаясь на международные документы и широкий круг источников. Замечу,

что ни в каком международном документе речи о системе ювенальной юстиции не идет. В источниках, на которые ссылается диссертант, ювенальная юстиция понимается по-разному. В связи с этим необходимо уточнить, что именно под ювенальной юстицией, ее системой понимает диссертант.

Заслуживает того, чтобы быть отмеченным и поддержанным, вывод об отсутствии преемственности и стабильности в уголовной политике в отношении несовершеннолетних и отсутствии логической связи дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних с ее индивидуализацией в УК РФ и УИК РФ.

Вполне уместными и интересными являются рассуждения автора об ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве. Здесь он определяет методологические основания, которые позволяют раскрыть сущность и содержание этой ответственности. Очень привлекательным, методологически верным является избранный диссертантом подход к рассмотрению интересующей проблемы с общетеоретических позиций. Здесь он последователен, убедителен, глубок в своих рассуждениях, например, о соотношении и связи факта совершения деяния с фактом реализации уголовной ответственности как обязанности претерпевать неблагоприятные периодические обязанности (с. 51–52), соотношении уголовной ответственности как таковой и ответственности несовершеннолетних (с. 62–63) и др.

Несколько неожиданным является заключение диссертанта о том, что ответственность несовершеннолетних в уголовном праве – широкое понятие, включающее в себя ряд мер ответственности. Во-первых, все предшествующее рассмотрение уголовной ответственности строилось совершенно в ином ключе. Во-вторых, трудно воспринимается следующая конструкция: ответственность включает в себя меры ответственности.

Известный интерес вызывают рассуждения диссертанта о целях уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних.

Значительное внимание уделено вопросу о целях наказания, любопытны соображения автора о соотношении целей уголовной ответственности и целей наказания несовершеннолетних. Заслуживает одобрения вывод исследователя о необходимости четкого определения и закрепления в УК РФ целей уголовной ответственности несовершеннолетних, целей наказания и целей иных мер уголовно-правового характера, что позволяет обеспечить дифференциацию и индивидуализацию ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве.

Вывод о дифференциации применения к несовершеннолетним условного осуждения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, а также дифференциации и индивидуализации ответственности несовершенно-

летних при уклонении от отбывания уголовных наказаний в целом обоснован и заслуживает положительной оценки.

Глава вторая этого раздела посвящена ретроспективному анализу отечественного законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних. Диссертант выявляет истоки дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних в отечественном уголовном законодательстве, отмечая при этом, что первые шаги в этом направлении были предприняты в середине XVII в. С развитием законодательства дифференциация углублялась, способствуя учреждению специальных заведений для несовершеннолетних правонарушителей. Со временем в них была осуществлена и дифференциация средств исправления. Соответствующие этому подходы к несовершеннолетним правонарушителям способствовали, как совершенно верно отмечает исследователь, формированию особой системы судопроизводства в отношении несовершеннолетних, что являлось свидетельством дальнейшей дифференциации и индивидуализации их ответственности. Здесь заслуживает внимания вывод автора о том, что ретроспективный анализ отечественного законодательства периода XVII–XIX вв. свидетельствует о становлении и формировании комплексного подхода к решению проблем уголовной ответственности несовершеннолетних посредством совершенствования действующего законодательства о несовершеннолетних и осуществления ряда организационных мероприятий.

Диссертант анализирует также развитие законодательства об уголовной ответственности в новых исторических условиях, вызванных событиями 1917 г., обращая внимание на то, что законодательство первых лет советской власти существенных шагов в направлении дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних не сделало, по существу сохранив имеющуюся дифференциацию учреждений для несовершеннолетних.

Развитие (изменение) социально-политических, социально-экономических отношений, социальное неблагополучие влекли за собой преступность несовершеннолетних. Это требовало изменения законодательства об уголовной ответственности, что и произошло в 1922 г. Диссертант совершенно справедливо отмечает, что идея дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних в новых условиях рождается под влиянием активизации борьбы с преступностью несовершеннолетних.

В третьем параграфе раздела диссертант рассматривает зарубежное законодательство об уголовной ответственности несовершеннолетних, что свидетельствует о всесторонности изучения избранной темы исследования. Это позволило выявить положительный опыт дифференциации и индивидуализации уголовной

ответственности несовершеннолетних в уголовном праве ряда зарубежных стран: дифференциация видов уголовной ответственности в Беларуси, Казахстане; установление целей уголовной ответственности в Литве и др.

Диссертант, безусловно, прав, говоря о пользе изученного опыта для современной правотворческой деятельности.

Второй раздел диссертации посвящен вопросам законодательной техники конструирования правовых предписаний о дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних. Это одна из самых сильных частей работы. Заслуга диссертанта состоит в том, что он не просто вносит предложения по совершенствованию законодательства, касающегося дифференциации и индивидуализации ответственности, а показывает важность и необходимость соблюдения правил законодательской деятельности для создания нормативных правовых актов, правильно отражающих основные концептуальные идеи дифференциации и индивидуализации.

В первом параграфе главы третьей диссертант освещает общетеоретические вопросы правотворчества: соотношение понятий «законодательская техника» и «юридическая техника», ее содержание, средства, приемы, правила и др.

Этот параграф как бы предопределяет и предвосхищает содержание следующего, в котором рассматриваются особенности использования средств законодательной техники правотворчества, связанной с уголовной ответственностью несовершеннолетних: язык закона (терминология), юридические конструкции, презумпции. Особую динамику придают работе те страницы, где автор с обозначенных им теоретических позиций анализирует действующее законодательство с акцентом на тех просчетах, ошибках, которые в нем имеются. Примечательно, что диссертант высказывает свои предложения по корректировке отдельных положений законодательства (с. 165–168, 175–176, 180–181).

В третьем параграфе данной главы исследуются особенности применения приемов и правил законодательной техники в правотворчестве, касающемся уголовной ответственности несовершеннолетних: аксиомы, презумпции, фикции.

Диссертант анализирует действующее законодательство об уголовной ответственности, отмечая место, роль и значение указанных приемов для формирования правовых предписаний (с. 183–187, 189–190, 194–195).

Вызывают интерес рассуждения автора о правилах законодательной техники. Они классифицированы определенным образом. Диссертант дает общий анализ норм УИК РФ с точки зрения соблюдения правил их формирования (с. 198–199).

Соображения, высказанные диссертантом, являются значимыми и ценными для теории

уголовного и уголовно-исполнительного права, поскольку расширяют объем знаний об имеющихся и желаемых нормах об уголовной ответственности несовершеннолетних, восполняют пробелы в этой области. Содержащиеся здесь положения представляют интерес и для общей теории права.

Очевидно, что предложения и рекомендации, высказанные соискателем, имеют существенное значение для правотворческой деятельности.

Этим в значительной мере определяется вклад диссертанта в развитие науки уголовного и уголовно-исполнительного права в части, касающейся несовершеннолетних.

Особо отмечу, что при изложении вопросов о законодательной технике конструирования норм о дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних диссертант демонстрирует глубокие знания, свободное владение положениями общей теории права (что нечасто встречается среди отраслевиков) и умение применять их к предмету научного интереса.

Обращает на себя внимание то, что материал данного раздела написан с большой любовью и известным наслаждением, что чувствуется в каждой строке. И читается он с большим интересом.

Раздел третий посвящен вопросам дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве. Он условно распадается на две части: одна из них посвящена вопросам дифференциации, а другая – индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних. Здесь весьма интересен анализ существующих точек зрения на понятие дифференциации ответственности, связь принудительных мер медицинского характера и принудительных мер воспитательного воздействия с уголовной ответственностью, соотношение дифференциации и индивидуализации.

Во втором параграфе этой главы диссертант рассматривает вопрос об уголовно-правовой дифференциации ответственности. Основные доводы, предложения, рекомендации автора, по существу, являются базовыми для его концепции дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве. Они – ее несущая конструкция. Концепция диссертанта строится на принципах гуманизма, экономии репрессии, дружественного по отношению к ребенку правосудия. Заслуживает всяческой поддержки и одобрения оценка УК РФ, сделанная диссертантом: он указывает на непоследовательность законодателя в части регулирования минимального возраста уголовной ответственности (с. 222–223). Не соглашаясь с довольно распространенным одобрением введения в УК РФ категории «уголовный про-

ступок», диссертант считает такое решение нерациональным и предостерегает от ослабления (ухудшения) дифференциации ответственности несовершеннолетних.

Здесь диссертантом аргументируется одно из опорных положений концепции о том, что ее базисом выступает пониженная упречность поведения несовершеннолетних, их повышенная восприимчивость к социальному воздействию, а значит, логично снижение интенсивности и жесткости мер воздействия. Проникнувшись глубокой личной ответственностью за решение поставленной проблемы и исходя из принципа гуманизма, диссертант приходит к выводу о том, что ответственность несовершеннолетних следует понижать в части как воздаяния, так и меры, направленной на исправление. А потому санкции для несовершеннолетних и для взрослых в границах и объемах совпадать не должны.

Важным для настоящей работы и развития теоретических положений является вывод диссертанта о непоследовательности средств дифференциации, который вытекает из убедительного анализа действующего законодательства (с. 228–229).

Любопытным является авторский анализ соответствующих статей и норм законодательства, касающихся дифференциации ответственности несовершеннолетних (с. 228–236). Здесь автор проявляет себя как вдумчивый аналитик, самостоятельный и последовательный, способный к интеграции идей и выработке самостоятельных предложений.

Вывод диссертанта о необходимости внесения в уголовный и уголовно-исполнительный кодекс изменений и дополнений в интересах углубления дифференциации уголовной ответственности и наказания следует признать перспективным и соответствующим современным стратегиям обеспечения предупреждения социального неблагополучия и правонарушающего поведения несовершеннолетних.

Рассматривая в третьем параграфе вопрос о дифференциации исполнения наказания и принудительных мер воздействия в отношении несовершеннолетних, диссертант обнаруживает глубину проникновения в суть процессов, связанных с исполнением наказания и принудительных мер воздействия, личную готовность и способность к выдвижению продуманных предложений и рекомендаций.

Исполнение наказания в виде лишения свободы диссертант рассматривает как процесс, в котором реализуются или не реализуются положения, идеи прогрессивной системы. В этом в известной мере проявляется неординарность его подхода к исследованию вопроса. Именно такое сравнение позволяет выявить те резервы, которые способны решить имеющиеся проблемы. Обычно исследователи темы исполнения наказания строят свою работу на основе иллюстративного или описательного метода.

Стремясь к выявлению необходимых резервов, диссертант дает общую характеристику

прогрессивной системы, определяет ее место и роль в функционировании воспитательных колоний. Анализ деятельности воспитательных колоний позволяет выявить те просчеты и упущения, которые не позволяют обеспечить должным образом дифференциацию исполнения наказания. В частности, диссертант совершенно справедливо отмечает, что различия условий отбывания наказания в воспитательных колониях столь незначительны, что не способны стимулировать позитивное (активное) поведение (с. 248–249). Соответственно вносятся предложения по устранению имеющихся пробелов и упущений.

Заслуживают внимания предложения диссертанта по обеспечению непрерывности воспитательного процесса в воспитательной колонии за счет четкой регламентации в уголовно-исполнительном законодательстве всех этапов прогрессивной системы: начального, переходного и заключительного.

В главе пятой диссертации рассматриваются вопросы индивидуализации ответственности несовершеннолетних, совершивших преступления. Здесь автор показывает значимость правильного понимания содержания терминов «дифференциация» и «индивидуализация». Диссертант выявляет и рассматривает особенности индивидуализации ответственности несовершеннолетних, совершивших преступления, а также приходит к выводу, имеющему важное теоретическое и практическое значение: исполнение в отношении несовершеннолетних наказаний, не связанных с лишением свободы, а также принудительных мер воспитательного воздействия в значительной мере теряет свой воспитательный потенциал в силу неурегулированности этого процесса соответствующими нормами права. В целом данные соображения заслуживают того, чтобы быть поддержанными.

Тем не менее не со всеми инициативами диссертанта можно безоговорочно согласиться. Однако, оценивая предложения и рекомендации, необходимо отметить, что они в основном аргументированы, находятся в логической связи с представлениями автора о дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и опираются на потребности правотворческой и правоприменительной практики. Поэтому следует поддержать диссертанта по ряду позиций принципиального характера: по вопросам внимательного и ответственного отношения к использованию возможностей законодательной техники при формировании правовых оснований дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних, о необходимости четкого правового оформления дифференциации видов ответственности несовершеннолетних, о сквозной переработке (доработке) уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального законодательства в части, касающейся несовершеннолетних, и др.

Заслуживают одобрения предложения автора о совершенствовании исполнения принуди-

тельных мер воспитательного воздействия, в частности об упорядочении их исполнения, обеспечении взаимодействия всех структур, к этому причастных.

Стоит поддержать предложения диссертанта о формировании в УК РФ норм о видах уголовной ответственности, а в УИК РФ самостоятельного раздела об исполнении наказаний в отношении несовершеннолетних.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно констатировать, что диссертантом создана авторская, комплексная, включающая общетеоретические, уголовно-правовые и уголовно-исполнительные знания частная теория дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних. Она нашла отражение в основных положениях, выносимых на защиту, тексте диссертации, автореферате и основных публикациях автора. Теория эта в целом логична, последовательна, непротиворечива и на данном этапе исчерпывающа. Творческий замысел автора реализован, поставленные задачи в целом решены.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Результаты докторского исследования А. Л. Санташова прошли достаточную апробацию в учебной и научно-исследовательской деятельности Вологодского института права и экономики ФСИН России и ФСИН России.

Они изложены в 100 публикациях автора, включая 3 монографии, научные статьи, изданные в России, а также иные публикации ученого. Выводы диссертации доложены автором на 9 зарубежных, 20 международных и 4 российских научно-практических конференциях, семинарах и круглых столах, в лекционных курсах, практических занятиях, прочитанных и проведенных автором со студентами и практическими работниками ФСИН России.

Отмечая актуальность, научную новизну, достоверность и обоснованность проведенного А. Л. Санташовым исследования, следует оговориться, что она все-таки не свободна от некоторых спорных положений и недостатков, которые могут быть сведены к следующим основным замечаниям.

Диссертант отмечает, что с 1998 по 2018 гг. приняты более 100 федеральных законов, изменяющих редакцию УИК РФ, не затронувших всех сфер реализации уголовной ответственности, поэтому требуется качественная переработка норм уголовного, уголовно-исполнительного законодательства, составляющих основу уголовной политики. Не соглашусь. Основу уголовной политики в отношении несовершеннолетних составляют международные документы (Конвенция о правах ребенка, Пекинские правила, Эр-Риядские принципы и правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы), Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской

Федерации» (с изменениями и дополнениями), Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями).

Говоря об изменениях в законодательстве, нельзя не вспомнить, что за указанный период в УК РФ внесено более 3 тыс. изменений, дополнений меньше, но также значительное число изменений внесено в УПК РФ, поэтому считаю, что было бы правильным, затронув этот вопрос, осветить его более последовательно.

В целом соглашусь, что глава 14 раздела V УК РФ нуждается в совершенствовании, но некоторые предложения не совсем обоснованны. Так, диссертант считает, что она должна называться «Ответственность несовершеннолетних...», но ведь Уголовный кодекс может говорить только об ответственности уголовной. Чем объясняется исключение слова «уголовная»?

Кроме того, диссертант предлагает главу 14 УК РФ именовать «Особенности видов ответственности и наказания несовершеннолетних». Автор не предложил проекта этой главы, и о ее содержании судить трудно. Но не могу не упрекнуть диссертанта в том, что он отстает от правил законодательной техники и создает предпосылки к тавтологии в законе и излишествам в конструкциях: ведь в самом названии видов никаких особенностей нет, особенности – в содержании, а глава не об этом. И разве не сложнее о видах говорить там, где даются общие начала – в главе 14 раздела V УК РФ. Убеден ли диссертант в правильности избранного решения: соединить в одной главе виды ответственности и виды наказания? Мне эту идею поддержать трудно.

Главное, что осталось неразрешенным, это вопрос о целях уголовной ответственности как таковой, целях уголовной ответственности без назначения наказания. Именно этим определяются особенности. Чего? Видов? Нет, реализации уголовной ответственности. Допускаю, что изучение этого вопроса не входило в круг интересов соискателя.

Но подчеркну, сама идея о том, что над содержанием этих глав надо задуматься, бесценна.

Идея о преобразовании воспитательных колоний в воспитательные центры гуляет по диссертациям давно. Ее поддерживает и диссертант. Однако аргументы в пользу этого представляются неубедительными. Все то, что предусмотрено предложенным проектом дополнения УИК РФ, может быть реализовано в рамках действующей структуры, без лишних затрат. В чем существенные отличия предлагаемых воспитательных центров от воспитательных колоний? А такие отличия должны быть.

Возникает также вопрос о том, какой смысл преобразовывать воспитательные колонии, если отрицательно характеризующиеся осужденные, достигшие 18 лет, будут переводиться в исправительную колонию, то есть на какую-то

часть молодых людей идеи охранения от негативного влияния исправительного учреждения распространять и не предполагается.

В работе имеются некоторые неточности. Так, на с. 14 раздел VIII УИК РФ предполагается именовать «Порядок применения принудительных мер воспитательного воздействия», а в проекте изменения УК РФ (с. 322) – «Контроль за условно осужденными и применение принудительных мер воспитательного воздействия».

Понятно внимание диссертанта к такой принудительной мере воспитательного воздействия, как помещение в специальные учебно-воспитательные учреждения. Однако та часть работы, которая им посвящена, в общем имеет описательный характер и, по существу, никакой информации, необходимой для решений и выводов, не содержит. Требуются комментарии диссертанта о том, какие проблемы и пути их решения он видит.

Представляется не совсем обоснованным использование применительно к современности термина «пенитенциарная политика, пенитенциарные учреждения». В Российской Федерации пенитенциарных учреждений нет, а политика есть? На просторах постсоветского пространства только Молдова вправе говорить об этом, поскольку имеет Закон Республики Молдова от 21.12.2017 № 300 «О системе пенитенциарной администрации», которым определяются виды пенитенциарных учреждений.

Отмеченные недостатки, на мой взгляд, проистекают из масштабности творческого замысла автора и многомерности, многослойности исследуемой темы. Но исследователю удалось на основе общетеоретических положений поновому подойти к изучению проблемы и предложить свои решения в полном объеме научной специальности: в области уголовного права и криминологии, области уголовно-исполнительного права. Этим определяются достоинства работы, упрощается позиция автора, нивелируются упущения.

Нельзя не отметить личностные качества исследователя, которого отличает знание глубины дела, ставшее предметом внимания, преданность и верность научному интересу, личная скромность и редкая научная добросовестность. Диссертант с известной благоговейностью относится ко всем, кто хоть как-то прикасался к изучаемой теме.

Все изложенное позволяет прийти к следующим выводам:

Соискателем Андреем Леонидовичем Санташовым самостоятельно подготовлена являющая

ся актуальной и обладающая научной новизной научно-квалификационная работа на тему «Теоретические основы дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве», в которой на основании выполненных автором исследований решена крупная научная и прикладная проблема, имеющая важное социально-правовое значение. По своему содержанию диссертация представляет собой выполненную лично А. Л. Санташовым завершённую и обладающую внутренним единством научно-исследовательскую работу, содержащую обоснованные и достоверные научные положения, выводы и рекомендации.

Автореферат диссертации А. Л. Санташова раскрывает основное содержание диссертационного исследования на тему «Теоретические основы дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве».

По теме диссертации подготовлено и опубликовано более 100 научных работ, в том числе 30 научных статей в ведущих научных журналах из перечня ВАК России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, 3 монографии. В опубликованных работах А. Л. Санташова раскрываются основные результаты диссертационного исследования.

Диссертационная работа А. Л. Санташова, автореферат диссертации и опубликованные статьи, монографии и учебные пособия написаны по проблемам, относящимся к научной специальности 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право».

Диссертационное исследование А. Л. Санташова на тему «Теоретические основы дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве» отвечает критериям, предъявляемым к диссертационным работам на соискание ученой степени доктора юридических наук разделом II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (с изменениями и дополнениями), а его автор – Андрей Леонидович Санташов – заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агасиев Э. Г., аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации, заместитель прокурора Кадуйского района Вологодской области. E-mail: romprokagasyev@yandex.ru

Анапольская А. И., доцент кафедры правовых дисциплин Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук. E-mail: alinaanapolskaya@mail.ru

Антонян Ю. М., профессор кафедры уголовного права Московского государственного областного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: antonyaa@yandex.ru

Белов О. А., доцент кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: belov_oleg@mail.ru

Валеев А. Т., заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: art35404@gmail.com

Винарчик Е. А., доцент кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, кандидат психологических наук. E-mail: elenavinarchik@rambler.ru

Гайкович С. Л., преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь. E-mail: sgaykovich@mail.ru

Голубев Ю. В., преподаватель-методист отдела организации межвузовской учебно-методической работы Академии ФСИН России. E-mail: yurij.golubev.85@mail.ru

Дворецкий М. Ю., доцент кафедры правовых дисциплин Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: dvoretzkiy-68@mail.ru

Дворянсков И. В., профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: diw@yandex.ru

Зауторова Э. В., профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования. E-mail: elvirasong@mail.ru

Звонов А. В., начальник кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: zvopov_av@mail.ru

Ковтуненко Л. В., старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент. E-mail: kovtunenkov@mail.ru

Кругликов Л. Л., профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии высшей школы и Российской академии естественных наук. E-mail: krugliko@uniyar.ac.ru

Крюкова О. Ю., старший научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: ofrolova@inbox.ru

Кузьминых А. Л., профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент. E-mail: istorial@mail.ru

Кухтин А. А., инспектор по особым поручениям отдела профессионального образования управления кадров ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: aakukhtin@mail.ru

Лапшин В. Е., профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ve_lapshin@mail.ru

Маришин С. В., начальник кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: mar.sw@mail.ru

Мельникова Н. А., доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: melnatale@mail.ru

Морозов Р. М., доцент кафедры уголовного процесса, криминологии и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: morozur@mail.ru

Нагорных Р. В., профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: Nagornikhvire@mail.ru

Некрасов В. Н., начальник организационно-научного отдела, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: vnnekrasov@mail.ru

Оботурова Н. С., профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент. E-mail: onovire@mail.ru

Одинцов А. И., начальник высших академических курсов Академии ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: odintsovai@rambler.ru

Остапенко В. Н., преподаватель кафедры уголовного процесса, криминологии и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России. E-mail: vasostap@yandex.ru

Поникаров С. В., адъюнкт факультета научно-педагогических кадров Академии ФСИН России. E-mail: Minrs@yandex.ru

Понкратова В. С., преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности в уголовно-исполнительной системе психологического факультета Академии ФСИН России. E-mail: vponkratova@ro.ru

Санташов А. Л., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: santashov@list.ru

Сизов Д. О., курсант 3 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России. E-mail: melnatale@mail.ru

Софийчук Н. В., начальник учебно-методического управления Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: nvsfijchuk@msal.ru

Трубчанinov М. Б., начальник курса Воронежского института ФСИН России. E-mail: trubchaninov80@mail.ru

Фирсова А. П., прокурор отдела по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних прокуратуры г. Москвы, кандидат юридических наук. E-mail: apfirst@rambler.ru

Харюшин Д. В., заместитель начальника Академии ФСИН России по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: Kharuyshin@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Agasiev E. G., Graduate Student of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Deputy Prosecutor of the Kaduy District of the Vologda Region. E-mail: pomprokagasiev@yandex.ru

Anapolskaya A. I., Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Tambov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD. in Law. E-mail: alinaanapolskaya@mail.ru

Antonyan Yu. M., Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow State Regional University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. E-mail: antonyaa@yandex.ru

Belov O. A., Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the North-West Institute (branch) O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: belov_oleg@mail.ru

Dvoretsky M. Yu., Associate Professor of the Chair of Legal Disciplines of the Tambov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: dvoretskiy-68@mail.ru

Dvoryanskov I. V., Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor. E-mail: diw@yandex.ru

Firsova A. P., Prosecutor of the Department for Supervision over Adherence to Laws of the Procurator's Office in Moscow, PhD. in Law. E-mail: apfirst@rambler.ru

Gaykovich S. L., Lecturer of the Department of Penal Law of the Penal Department of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. E-mail: cgaykovich@mail.ru

Golubev Yu. V., Teacher-methodologist of the Department of Organization of Interuniversity Educational and Methodical Work of the Academy of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: yurij.golubev.85@mail.ru

Kharyushin D. V., Deputy Head of the Academy of the Federal Penal Service of Russia for Academic Affairs, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: Kharuyshin@rambler.ru

Kovtunen L. V., Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor. E-mail: kovtunenkov@mail.ru

Kruglikov L. L., Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the International Academy of Higher Education and the Russian Academy of Natural Sciences. E-mail: krugliko@uniyar.ac.ru

Kryukova O. Yu., Senior Researcher of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: ofrolova@inbox.ru

Kukhtin A. A., Inspector of Special Assignments of the Department of Professional Education of the Personnel Administration of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: aakukhtin@mail.ru

Kuzminykh A. L., Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor. E-mail: istorial@mail.ru

Lapshin V. E., Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: ve_lapshin@mail.ru

Marishin S. V., Head of the Department of Organization of Psychological Service in the Penal System of the Psychological Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: mar.sw@mail.ru

Melnikova N. A., Associate Professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: melnatale@mail.ru

Morozov R. M., Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and the Investigation of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: morozur@mail.ru

Nagornyykh R. V., Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. E-mail: Nagornikhvipe@mail.ru

Nekrasov V. N., Head of the Organizational and Scientific Department, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: vnnekrasov@mail.ru

Oboturova N. S., Professor of the Department of Philosophy and History of the Psychological Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Philosophy, Associate Professor. E-mail: ono-vipe@mail.ru

Odintsov A. I., Head of Higher Academic Courses of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: odintsovai@rambler.ru

Ostapenko V. N., Lecturer in the Department of Criminal Procedure, Criminology and the Investigation of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: vasostap@yandex.ru

Ponikarov S. V., Adjunct of the Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of Law of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: Minrs@yandex.ru

Ponkratova V. S., Lecturer in the Department of Psychology of Professional Activities in the Penal System of the Psychology Faculty of the Academy of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: vponkratova@ro.ru

Santashov A. L., Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor. E-mail: santashov@list.ru

Sizov D. O., Cadet of the 3th year of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: melnatale@mail.ru

Sofiychuk N. V., Head of the Educational and Methodological Department of the O.E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: nvsofiychuk@msal.ru

Trubchaninov M. B., Head of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: trubchaninov80@mail.ru

Valeev A. T. Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the North-West Institute (branch) O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: art35404@gmail.com

Vinarchik E. A., Associate Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, PhD. in Psychology. E-mail: elena-vinarchik@rambler.ru

Zautorova E. V., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor, Member-correspondent of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education. E-mail: elvira-song@mail.ru

Zvonov A. V., Head of the Department of Criminology and Organization of Crime Prevention of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: zvonov_av@mail.ru